

ЭДУАРД ГЕНРИХОВИЧ
ВАЙНШТЕЙН

Записки новообращенного

МЫСЛИ 1996—2002 ГГ.

Эдуард Вайнштейн

**Записки новообращенного.
Мысли 1996—2002 гг.**

«Издательские решения»

Вайнштейн Э. Г.

Записки новообращенного. Мысли 1996—2002 гг. /
Э. Г. Вайнштейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505841-6

У каждого человека, только пришедшего в Церковь и искренне желающего идти по этому пути, бывает очень много абсолютно новых ощущений, наблюдений, мыслей — особенно же, если и перед этим у него был свой немалый путь и некоторый накопленный «культурный багаж». Всё это было и у меня, и я всё это тщательно записывал...

ISBN 978-5-00-505841-6

© Вайнштейн Э. Г.
© Издательские решения

Содержание

Вступление. Л.Н.Толстой «Смерть Ивана Ильича». Комментарий	6
Часть I. Мысли 1995—2000 гг.	21
Часть II. Из дневников 1997—1998 гг.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Записки новообращенного Мысли 1996—2002 гг.

Эдуард Генрихович Вайнштейн

© Эдуард Генрихович Вайнштейн, 2022

ISBN 978-5-0050-5841-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление. Л.Н.Толстой «Смерть Ивана Ильича». Комментарий

кадр из фильма «Простая смерть» по повести Л.Н.Толстого «Смерть Ивана Ильича»,
в главной роли – Валерий Приёмыхов

Жизнь без Бога, отрыв от реальности, потеря человеком самого себя, потеря общения, утрата всего настоящего, подмена его фальшивками, уродливые внешние муляжи со всяческим безобразием и кошмарами внутри. Рассказ настраивает на покаянную переоценку своей собственной жизни, ибо в изображаемых картинах внутренних уродств подчас волей неволей узнаёшь нечто и из своей жизни, чему ты, может быть, и сопротивляешься, но с чем всё равно вынужден считаться. И вот смерть выступает здесь как нелицеприятный судия, отсекающий правду от лжи, уничтожающий ложь. Смерть даёт надежду на освобождение от лжи и неправды этой жизни, смерть – выход в реальность, поэтому она так страшна для тех, кто живёт ложными призраками, мнимыми ценностями, кто довольствуется ложью. И это грозный суд для каждого из нас. Рассказ входит в тайники нашей совести, становясь мощным союзником *смертной памяти внутри* нас, столь благотворно действующей на весь внутренний мир человека. Благодарность и уважение к гению Толстого, ещё одно доказательство всей сложности его личности, его колоссальной значимости для русской души, призыв к равнодушию по отношению к нему и к его участи.

Читая рассказ, понимаешь всю ценность человеческой искренности.

Иван Ильич – неплохой человек, но как этого мало!

Было ли в жизни Ивана Ильича что-нибудь такое, что подсказывало ему, что что-то не так в его жизни? Было. И прежде всего, как и всегда, с самого начала – его совесть, ещё в юности. Но внешний людской суд утверждал обратное совести, и совесть была забыта и подменена внешним приличием. Иван Ильич предал самого себя, высшее в себе, и потом уже с лёгкостью и без смущения следовал внешним шаблонам поведения, духовное затихло в летаргическом сне. В силу первородного греха и дурной наследственности у Ивана Ильича были предпосылки для такого рода выбора, но сам выбор был совершён им свободно: другие люди в его положении делали противоположный выбор, в сторону совести, и потом шли по духовному пути. Трагедия человеческой жизни всегда упирается в тайну его свободы, его сокровенного, никому в начале не видного свободного выбора. Человек сам выбирает свой путь и тот мир, в котором он живёт.

Правда, надо помнить, что диавол обманывает человека, замутняя этот выбор, делая его неотчётливым, всячески пытаясь запутать, исказить в нашем сознании положение вещей. Так было и с падением Адама. Поэтому у человека есть надежда оправдаться и спастись, когда Господь покажет ему всё ясно, как есть. Так Бог, в итоге, не оставил и Ивана Ильича. И, в общем, не оставлял его в течение жизни, действуя в его совести (но Иван Ильич её уже не слушал), а потом и всё более грозно остерегая любимое Своё и заблудшее творение.

Следующий призыв остановиться – жена. Брак – это всегда суд, ибо в браке есть кусочек рая. Сам Бог соединяет сердца любящих и как Любовь присутствует в жизни мужа и жены. А где Бог, там и суд. Недостойное принятие таинства лишает супругов Божественного присутствия, и любовь покидает их сердца. А близость внешняя пока сохраняется. И приходит отталкивание, капризы, ссоры, злоба. Сначала – подарок: медовый месяц, влюблённость, всё легко и радостно. Но потом неизбежно приходит время трудов и испытаний, и на смену влюблённости должно прийти более глубокое чувство, которое сделает супругов соработниками на Божьей ниве семьи. Хорошо, если это чувство уже было, а если нет? Только духовная близость может быть питательной средой истинной любви. Если же этого нет, брак не будет счастливым.

Иван Ильич не стал разбираться в укорах жены и в их причинах, он опять спрятался от самого себя. В семейной жизни – отчуждение, смерть детей.

Уйдя из внутреннего мира, а также из близкого ему мира семьи, Иван Ильич выбрал внешний холодный мир службы. Всё, что было нужно Ивану Ильичу, – это весёлый и приятный характер жизни, а также внешний успех. Святые отцы говорят, что с Богом сначала трудно, а потом легко; а с дьяволом сначала легко, а потом... совсем плохо... Чтобы выйти к реальности, нужен труд и даже подвиг – преодоления себя и мира в себе. Иван Ильич согласился на дьявольскую лесть приятной и низкой жизни, и диавол, слегка посмеявшись над ним и его самолюбием, помог ему осуществить свой выбор. Зловещее примирение в семье, лживые друзья, зловещий успех по службе. Претыкание по службе, пребывание в деревне, долги, обида, а потом скука и «невыносимая тоска» – ещё одна возможность остановиться на пути, ведущем в ад. Бессонная же ночь, «которую всю Иван Ильич проходил по террасе» и после которой «он решил ехать в Петербург хлопотать и, чтобы наказать их, тех, которые не сумели оценить его, перейти в другое министерство», – ещё один, уже довольно отчётливый выбор той мрачной дороги, по которой шёл этот «неплохой» человек. Здесь можно заметить, как постепенно спускается человек в пропасть гибели по ступеням всё более отчётливых мрачных выборов, каждый последующий из которых диктуется закоренелостью во мраке предыдущего выбора. И каждый раз это ощущается как нечто безобидное, потому что опускание совершается по ступенькам, с соответствующими интервалами, нужными для привыкания души к новой, более сильной, концентрации мрака.

И вот на гребне успеха, когда Иван Ильич всю душу свою с потрохами отдал делу обустройства своей новой квартиры (ещё один «подарок судьбы»), раздался первый удар колокола, который звал Ивана Ильича в вечность. Смертельный для себя удар он получил, падая с лесенки, на которую он влез, «чтобы показать непонимающему обойщику, как он хочет драпировать». «Ушиб поболел, но скоро прошёл.» Ивану Ильичу оставалось жить год и четыре-пять месяцев. По великой милости Божьей к нему, суд над ним начался. Если бы Иван Ильич и дальше шёл бы по этому пути, диавол погубил бы его. Но его ещё можно было спасти. И Бог знал, как это сделать. Смертельная болезнь – вот его спасительное средство.

(Служба – самолюбие, общественные отношения – тщеславие, карты – виртуальная реальность, наркотик. Вот радости Ивана Ильича.)

Что же вывело Ивана Ильича из лёгкого и приятного, столь мрачного расположения духа? Боль, первый вестник Воли Божьей. Через боль Иван Ильич начал своё возвращение к реальности духовной жизни и Богу. Прежде всего, расстроился этот мрачный мир в его семье, воз-

никший на почве сребролюбия и тщеславия. Чем же, интересно, Иван Ильич, в конце концов, смирил свою сварливую жену? Приступами бешенства, порождаемыми неудовлетворённым чревоугодием, самой дорогой, самой интимной страстью людей, далёких от духовной жизни. Чревоугодию был нанесён первый удар: еда перестала радовать Ивана Ильича.

Затем – встреча с доктором, его равнодушие, его отношение к Ивану Ильичу точь в точь, как и он относился к своим подсудимым, «сквозь пальцы». Суд начинается, это первые призывы к совести этого «неплохого человека», к покаянию. Старый, укоренённый в грехе порядок вещей уже нарушен. Но Иван Ильич ещё не понимает, что же с ним происходит: он надеется на лечение, и как раньше полагал смысл своей жизни в её лёгкости, приятности и приличности, так и теперь полагает его в возвращении к прежнему состоянию. Боль говорит ему, что время ответа пришло, но Иван Ильич до последнего желает себя обмануть, лишь бы не увидеть своего истинного внутреннего положения. И ему становится всё труднее и безрадостнее себя обманывать. «Боль в боку всё томила, всё как будто усиливалась, становилась постоянной, вкус во рту становился всё страннее, ему казалось, что пахло чем-то отвратительным у него изо рта, и аппетит и силы всё слабели. Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнее никогда в жизни не было с Иваном Ильичём, совершалось в нём.» Вот самое настоящее из того, что происходит в жизни Ивана Ильича. Сначала Бог действует через совесть. Потом, если человек не слушает, через людей, к которым бы он мог прислушаться, по своей любви или уважению к ним. Потом, если очень любит и считает всё-таки возможным его спасти, Бог сокрушает человека страданием, ставит его лицом к лицу с правдой его внутреннего мира, и человек выбирает: принять ли эту правду, покаяться, вернуться к Богу или отвергнуть, ожесточиться, проклянуть жизнь и Бога.

Вместе с болезнью жизнь Ивана Ильича предстаёт перед ним в новом, истинном свете. Прежде всего, он, бедный, замечает своё полное внутреннее одиночество. Обнаруживается, что все те, кого он считал близкими людьми, были готовы разделить с ним только лёгкость и приятность его жизни, считая его всего лишь сугубо внешним атрибутом их собственной, подобной же, лёгкой и приятной жизни, и *никто* из них не захотел нарушить эту лёгкость и эту приятность, чтобы выйти навстречу Ивану Ильичу и посострадать ему. Сострадание не вмещается в дорогу, ведущую в ад. Для жены и дочери он становится помехой, его болезнь для жены – «новая неприятность», которую он ей делает. Но ещё страшнее отношение его приятелей по службе: «...Как будто то, что-то ужасное и страшное, неслыханное, что завелось в нём и не переставая сосёт его и неудержимо влечёт куда-то, есть самый приятный предмет для шутки». (Его болезнь просто не вмещается в их поверхностно-пошлую жизнь.) И хуже всего было то, что он узнавал в них себя самого до болезни... Чем не преддверие суда? Начало мытарств... Быстро рушится обаяние карточной игры, как тень и призрак перед лицом боли, предвестницы его смерти. Всё постепенно встаёт на свои места и предстаёт пред ним как есть, а он думает при этом, «что его жизнь отравлена для него и отравляет жизнь других и что отравы эта не ослабевает, а всё больше и больше проникает всё существо его». И он совершенно один, «без одного человека, который бы понял и пожалел его». Но он и был один. Всех тех, которые бы могли сейчас понять и пожалеть его, они с женой «оттёрли от себя», как «замарашек, которые разлетались к ним с нежностями в гостиную с японскими блюдами по стенам». Но раньше и самого Ивана Ильича не было, дух его спал глубоким беспробудным сном. Теперь же, перед лицом надвигающейся смерти, он имеет шанс пробудиться.

Но всё это ещё где-то там, подспудно, в глубине. Иван Ильич до последнего желает обмануть себя, уйти от страшной правды о самом себе. Но милость Божия – приезд шурина накануне Нового Года, их случайная и внезапная первая встреча наедине, первый немой взгляд шурина, который всё открыл Ивану Ильичу. Сцена перед зеркалом, сравнение себя со своим старым портретом – всё становится ясно. Характерна реакция Ивана Ильича, трусливая, заячья: «Не надо, не надо», – сказал он себе, вскочил, подошёл к столу, открыл дело,

стал читать его, но не мог. Бежать некуда. Всю жизнь Иван Ильич бегал от реальности. Настал момент, когда уже никуда от неё не убежишь. Подслушанный разговор шурина с женой – «он мёртвый человек, у него света в глазах нет». Какова реакция Ивана Ильича? «Почка, блуждающая почка.» Как безумец, «он усилием воображения старался поймать эту почку и остановить, укрепить её; так мало нужно, казалось ему». И он поначалу пытается свести всё к анатомии, медицине и пустым надеждам. «Задумчивые мысли о слепой кишке», самовнушение о том, что она «исправляется, всасывается» – безумное желание не видеть той мрачной бездны, которая раскрывается перед ним, но в которой он всё время жил до этого, не догадываясь об этом и не желая об этом знать. Но боль, «упорная, тихая, серьёзная», возвращает его к реальности. Он вдруг понимает, что «не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти. Да, жизнь была и вот уходит, уходит, и я не могу удержать её. Да. Зачем обманывать себя? Разве не очевидно всем, кроме меня, что я умираю, и вопрос только в числе недель, дней – сейчас, может быть. То свет был, а теперь мрак. То я здесь был, а теперь туда! Куда?» «Его обдало холодом, дыхание остановилось.» *Смерть*. Небытие. «Не хочу.» Мысль о других. (До него доносится музыка – родные развлекаются.) «Им всё равно <т.е. до него — Э.В.>, а они также умрут. Дурачье. Мне раньше, а им после; и им то же будет. А они радуются. Скоты!» При всей злобе, заключение верное: жизнь без мысли о смерти и вечности – скотская жизнь. Клубок начинает разматываться. Иван Ильич вышел к правде. Открытия следуют одно за другим. «И вот я исчах, у меня света в глазах нет. И смерть, а я думаю о кишке. Думаю о том, чтобы починить кишку, а это смерть. Неужели смерть?» И ужас, злоба, отчаяние. И ненависть к ничему не понимающей и не желающей понимать жене, думающей о деньгах и докторам. Но всё это лучше, много лучше всего того, что было до этого.

«Иван Ильич видел, что умирает, и был в постоянном отчаянии.» Смерть он понимал как полное уничтожение самого себя и не мог понять её, и не хотел. По-прежнему он отгоняет от себя грозные мысли о смерти, хочет заслониться от них какими-то ширмами, но ни служба, ни домашнее обустройство уже не могут заслонить боли, напоминающей о смерти. Всё обесценивается, как и должно было быть. «Неужели только *она* правда?», – спрашивает он себя, думая о боли. Всё уходит, с ним остаётся только боль, на которую он смотрит, холодея. Но боль готовит его к чему-то очень важному, очищает его, всякий раз возвращая к правде. И эта правда, конечно, ужасна для Ивана Ильича.

От правды не уйдёшь. Сколько ни бегай от неё, хоть всю жизнь, она придет к тебе и потребует ответа. Ибо ложь иллюзорна и временна, и ложь омрачает правду. Истина же всегда светла и радостна, и цель человека в том, чтобы приблизить свою правду к Истине, для чего надо жить по правде и любить Истину, высшую Божественную Правду, в сравнении с которой всякая человеческая правда – ложь. Иван Ильич возвращается к правде, но Истина ещё очень далеко от него. Пока он блуждал «в стране далече», его правда стала мрачной и безрадостной, стала правдой гибели. Потому такой мрак обступает его. Его близким совершенно на него наплевать, главный их интерес в нём «состоит только в том, скоро ли наконец он опростает место, освободит живых от стеснения, производимого его присутствием, и сам освободится от своих страданий».

Но вот в расчищенном болью пространстве души Ивана Ильича появляется первый луч света. В апогее его разорения, в мучениях от процедуры собственных испражнений – «от нечистоты, неприличия и запаха, от сознания того, что в этом должен участвовать другой человек», в низшей точке его опускания «и явилось утешение Ивану Ильичу». И утешение это было в приходившем всегда выносить за ним буфетном мужике Герасиме. Этот человек не лгал с Иваном Ильичём и имел доброе сердце. Сила и бодрость жизни Герасима была так же правдива, как и та боль, которая мучила Ивана Ильича, и как та смерть, которая ждала его, поэтому цветущий вид Герасима успокаивал Ивана Ильича, как Божие благословение жизни, давая ему косвенно ощутить, что есть и Божие благословение смерти как перехода в вечность. Просто сер-

дчие Герасима, его человеческое сочувствие и искренняя готовность помочь облегчали мучения Ивана Ильича, особенно внутренние мучения – от лжи окружающих людей и отсутствия сочувствия, жалости и ласки с их стороны. То самое, чему он служил в течение своей жизни, теперь, обратившееся на него со стороны других людей, доставляло ему невыразимые мучения. «Главное мучение Ивана Ильича была ложь – та, всеми почему-то признанная ложь, что он только болен, а не умирает, и что ему надо только быть спокойным и лечиться и тогда что-то выйдет очень хорошее. Он же знал, что что бы ни делали, ничего не выйдет, кроме ещё более мучительных страданий и смерти. И его мучила эта ложь, мучило то, что не хотели признаться в том, что все знали и он знал, а хотели лгать над ним по случаю ужасного его положения и хотели и заставляли его самого принимать участие в этой лжи. Ложь, ложь эта, совершаемая над ним накануне его смерти, ложь, долженствующая низвести этот страшный, торжественный акт его смерти до уровня всех их визитов, гардин, осетрины к обеду – была ужасно мучительна для Ивана Ильича... Страшный, ужасный акт его умирания, он видел, всеми окружающими его был низведён на степень случайной неприятности, отчасти неприличия (вроде того, как обходятся с человеком, который, войдя в гостиную, распространяет от себя дурной запах), тем самым «приличием», которому он служил всю свою жизнь; он видел, что **никто не пожалеет его, потому что никто не хочет даже понимать его положения** (курсив – Э.В.).» Вот страшные слова: как люди, не замечая того, доходят до нечеловеческого холода, равнодушия друг к другу, нежелания друг друга понять. И, в общем, эти слова не имели бы никакого значения, если бы не касались каждого из нас. Как часто, вольно или невольно, мы воспринимаем человека как внешний атрибут нашей жизни! В то время, как при соприкосновении с другими людьми для нас самое важное всегда состоит в том, что происходит в их душах. «Один только Герасим понимал это положение и жалел его. И потому Ивану Ильичу хорошо было только с Герасимом.» И дальше Толстой описывает это простое и трогательное, человеческое отношение «неотёсанного» буфетного мужика к своему умирающему барину. «Ему <Ивану Ильичу – Э.В.> хорошо было, когда Герасим, иногда целые ночи напролёт, держал его ноги <Ивану Ильичу казалось, что так ему легче – Э.В.> и не хотел уходить спать, говоря: «Вы не извольте беспокоиться, Иван Ильич, выплюсь ещё»; или когда он вдруг, переходя на «ты» <братское – Э.В.>, прибавлял: «Кабы ты не больной, а то отчего же не послужить?» <то есть это отношение уже вне всяких условностей, евангельское – Э.В.> Один Герасим не лгал, по всему видно было, что он один понимал, в чём дело, и не считал нужным скрывать этого, и просто жалел исчадшего, слабого барина. Он даже раз прямо сказал, когда Иван Ильич отсылал его:

– Все умирать будем. Отчего же не потрудиться? – сказал он, выражая этим то, что он не тяготится своим трудом именно потому, что несёт его для умирающего человека и надеется, что и для него кто-нибудь в его время понесёт тот же труд.»

«...Ивану Ильичу в иные минуты, после долгих страданий, больше всего хотелось, как ему ни совестно бы было признаться в этом, – хотелось того, чтоб его, как дитя больное, пожалел бы кто-нибудь. Ему хотелось, чтоб его приласкали, поцеловали, поплакали бы над ним, как ласкают и утешают детей. Он знал, что он важный член, что у него седеющая борода и что потому это невозможно; но ему всё-таки хотелось этого. И в отношениях с Герасимом было что-то близкое к этому, и потому отношения с Герасимом утешали его.»

Душа Ивана Ильича, размягчённая и смягчённая страданиями, начинает ценить то, чем раньше пренебрегала, – душевное тепло, понимание, сопереживание. Он даже вспомнил свои детские ощущения и в чём-то уже становится похож на дитя малое, пусть и больное. И это очень хорошие, благодатные перемены. «Если не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное.» Иван Ильич своим путём предсмертной болезни приближается к Царствию, хотя сам того, конечно, ещё не понимает.

Жизнь Ивана Ильича становится непрекращающейся экзистенциальной ситуацией, всякое чувство серой повседневности и обыденности уходит – только боль, уходящая жизнь

и надвигающаяся «страшная ненавистная смерть». Его мучает боль и страшная тоска. Он уже не верит лекарствам, не верит надеждам. «Но боль-то, боль-то зачем, хоть на минуту затихла бы.» «Всё то же и то же, все эти бесконечные дни и ночи <в которые он почти не спал от боли — Э.В.>. Хоть бы скорее. Что скорее? Смерть, мрак. Нет, нет. Всё лучше смерти!»

Вокруг Ивана Ильича – ненавистная ложь, ненавистная, лживая и эгоистичная, совершенно чужая жена, пустые хлопоты докторов, одиночество, тоска. Совершенно страшное отношение дочери, откровенный циничный эгоизм, тот эгоизм, в котором жил и сам Иван Ильич. И только сын, подобный ему, – маленький слабый проблеск, не выводящий, однако, из ада.

Несмотря на болезнь Ивана Ильича, семья едет в театр, впрочем, по настоянию самого больного. Едут с большим удовольствием. Иван Ильич не может не осуждать их. «Поздно ночью вернулась жена.» Что-то доброе теплится в ней, иногда она жалеет своего мужа, но обращённость на себя подавляет в ней всё доброе. Иван Ильич отвергает её в качестве своей сиделки, предпочитая ей Герасима. «Ты очень страдаешь?» – спрашивает она его. – «Всё равно.» – «Прими опиума.» Как мрачно! Вот и всё её сострадание, истинная мера этого сострадания! Прямо нечеловеческие по своему холоду, бесовские слова выходят из неё. Иван Ильич «согласился и выпил. Она ушла.» Он впал в «мучительное забытие», в котором таинственные процессы начали происходить с его душой. «Ему казалось, что его с болью суют куда-то в узкий чёрный мешок и глубокий, и всё дальше просовывают, и не могут просунуть. <В наше время из описаний клинической смерти мы уже знаем, что это ощущения умирания и выхода души из тела. — Э.В.> И это ужасное для него дело совершается с страданием. И он и боится, и хочет провалиться туда, и борется, и помогает. <Здесь отражено реальное состояние души Ивана Ильича и его отношение к надвигающейся смерти. — Э.В.> И вот вдруг он оборвался и упал, и очнулся.» Что-то произошло. Смерть коснулась Ивана Ильича, он провалился куда-то глубже и вспомнил о Боге. Как будто какой-то выход открылся в его душе, какой-то новый смысл забрезжил перед ним. «Уйди, Герасим, – прошептал он. – Ничего, посижу-с. – Нет, уйди», – настала пора обратиться к самому Богу. «Он подождал только того, чтоб Герасим вышел в соседнюю комнату, и не стал больше удерживаться и заплакал, как дитя. <А как это много, когда человек может так заплакать! — Э.В.> Он плакал о беспомощности своей, о своём ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости Бога, об отсутствии Бога.» Перед кем же плакал Иван Ильич? Почему он не плакал так раньше? Он плачет перед Богом, Бог приблизился к нему, потому что он в своих страданиях приблизился к Богу, и душа его почувствовала близость Бога, и здесь появляется «Ты». «Зачем Ты всё это сделал? Зачем привёл меня сюда? За что, за что так ужасно мучаешь меня?..» Вот! Это уже разговор по существу. Иван Ильич устремился к Истине. И хоть он «не ждал ответа и плакал о том, что нет и не может быть ответа», потому что он не верит в Него, но истинная вера глубже этого «неверия», и в ответ на опять поднимающуюся боль он говорил себе: «Ну ещё, ну бей! Но за что? Что я сделал Тебе, за что?» И хоть он говорил и себе, но обращался к нему, потому что Он **внутри нас**. В этом ошибка «неверующих» людей и тех, кто думает, что верит, соблюдая лишь внешние обряды и установления. Бог не чужой, не кто-то внешний и строгий, Он **внутри**, как совесть внутри, как интуиция, как любовь. Всё истинное внутри, и внешнее без внутреннего – ничто. И Он отвечает всегда, когда обращаются к Нему. Но отвечает внутренне, твоими же мыслями, чувствами, глубиннейшими дуновениями души. Ибо наш дух коренится в Нём и без Него засушивается, иссыкает. И душа, раскрывшаяся душа Ивана Ильича, знала об этом. «... Он затих, перестал не только плакать, перестал дышать и весь стал внимание: как будто он прислушивался не к голосу, говорящему звуками, но к голосу души, к ходу мыслей, поднимавшемуся в нём.» Иван Ильич ждёт Его ответа и знает, что получит его. «Что тебе нужно? – было первое ясное, могущее быть выражено словами понятие, которое он услышал.» Начинается суд личности Ивана Ильича. «Что тебе нужно? Чего тебе нужно? – повторил он себе. – Чего? – Не страдать. Жить, – ответил он. И опять он весь предался вниманию такому напря-

жённому, что даже боль не развлекала его.» Простота повествования Толстого напоминает простоту Священного Писания. А, между тем, деталь колоссальной важности: если боль была самым настоящим из всего того, что было в жизни Ивана Ильича, перед нею рухнула вся его жизнь, с её радостями и переживаниями, то теперь эта боль уступает чему-то более настоящему, более реальному. Это диалог с Богом, как у Иова на гноище, и все мы такие «праведные» Иовы на своих гноищах. Этот диалог, преддверие молитвы, он сильнее и реальнее боли. В жизни Ивана Ильича появляется что-то воистину настоящее, в муках как бы рождается, очень медленно и постепенно, новый человек. «Жить? Как жить? – спросил голос души. – Да, жить, как я жил прежде: хорошо, приятно. – Как ты жил прежде, хорошо и приятно? – спросил голос. И он стал перебирать в воображении лучшие минуты своей приятной жизни. Но – странное дело – все эти лучшие минуты приятной жизни казались теперь совсем не тем, чем казались они тогда.» Боль, страдания выжгли в Иване Ильиче всё то, что раньше упивалось в нём его старой жизнью. В свете этих мук и этого внутреннего голоса, той глубины, которую ещё в юности он с лёгкостью отверг и которая теперь открылась перед ним, всё теперь стало видиться иначе. Здесь опять поднимается параллель с переживаниями клинической смерти, когда перед умирающим проносится, образно и ярко, вся его прошлая жизнь, но уже в свете Истины, в свете совести. Великая милость Ивану Ильичу, что он может увидеть по-новому свою жизнь ещё до смерти. Только в детстве «было что-то такое действительно приятное, с чем можно бы было жить, если бы оно вернулось. Но того человека, который испытывал это приятное, уже не было: это было как бы воспоминание о ком-то другом. <Иван Ильич умертвил в себе своё изначальное светлое существо дальнейшими жизненными выборами. – Э.В.> Как только начиналось то, чего результатом был теперешний он, Иван Ильич, так все казавшиеся тогда радости теперь **на глазах его** <курсив – Э.В.> таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое. И чем дальше от детства, чем ближе к настоящему, тем ничтожнее и сомнительнее были радости.» Светлая радость заменялась злорадством, так надо понимать. После детства истинно хорошее – в ученичестве: веселье, дружба, надежды. В высших классах – уже реже хорошие минуты. В начале службы – любовь к женщине. «Потом всё это смешалось, и ещё меньше стало хорошего. Далее ещё меньше хорошего, и что дальше, то меньше.» Нечаянная женитьба, разочарование в ней, чувственность, притворство, мёртвая служба, заботы о деньгах... «И так год, и два, и десять, и двадцать – и всё то же. И что дальше, то мертвее. Точно равномерно я шёл под гору, воображая, что иду на гору. Так и было. В общественном мнении я шёл на гору, и ровно настолько из-под меня уходила жизнь...» Вот что показал ему внутренний голос. Какова реакция Ивана Ильича?

«Так что ж это? Зачем? Не может быть. Не может быть, чтоб так бессмысленна, гадка была жизнь?» «Что-нибудь не так. <Вот это очень важное предположение Ивана Ильича. И в ответ на него приходит подсказка, ещё более важная. – Э.В.> „Может быть, я жил не так, как должно?“ – приходило ему вдруг в голову. <Это призыв к покаянию. Покаяние – единственный выход для Ивана Ильича, возможность рождения нового человека на пороге смерти, который и войдёт в вечность. Господь хочет просветить ум Ивана Ильича и даёт ему эту возможность. Но Иван Ильич ещё не готов. – Э.В.> „Но как же не так, когда я делал всё как следует?“ – говорил он себе <то есть Ему – Э.В.> и тотчас же отгонял от себя это единственное (!) разрешение всей загадки жизни и смерти, как что-то совершенно невозможное.»

«Как следует» – откуда следует? «Как все»... «Как положено»... Кем? Кем-то извне. Вот он, корень всех бед: предпочтение внешнего внутреннему, неверие себе, неверность Богу. В результате грехопадения мы были выброшены из истинного внутреннего мира, из рая Божьего, в холодный и чуждый внешний мир, во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов, где князь – диавол, обманывающий и губящий человека. И только верность своему сердцу, чистой, родной струйке своей души, то есть вера в Бога, от которого не совсем ещё, не окончательно внутренне отпал человек, может спасти нас. Быть верным тяжело, ибо вся наша жизнь, которая

есть внешняя жизнь, говорит о совсем других законах и порядках, говорит с большой видимой силой и властью. Но это не избавляет тебя от имени предателя, если ты не будешь верным. Иван Ильич, на заре жизни, под давлением внешнего мира, предал себя, почти не заметив этого. И эта лёгкость предательства намекает на тот запредельный первородный грех, перво-предательство, отражением которого, только лишь отражением, явилось предательство внутреннего ради внешнего на заре жизни. И именно перед лицом этого первородного греха и встал теперь, фактически, Иван Ильич, не в силах его осознать и отвергнуть, ибо это теперь как бы он сам, он сросся с ним. И внутренний голос понимает это. И он представляет ему: «Чего ж ты хочешь теперь? <Т. е. после всего того, что понял и пережил, после только что постигнутой дороги в смерть. – Э.В.> Жить? Как жить? Жить, как ты живёшь в суде, когда судебный пристав провозглашает: „Суд идёт!..“ <Вся жизнь Ивана Ильича была судом над ним самим, и суд этот был в осуждение Ивану Ильичу. – Э.В.> Суд идёт, идёт суд, – повторил он себе. <Вот ужас, что он слышал все эти годы!... – Э.В.> – Вот он, суд! <Когда бы ещё Иван Ильич достиг такой глубины суждений? Воистину – прозрение. – Э.В.> Да я же не виноват! – вскрикнул он с злобой. <Дальше уже не может слушать, не вмещает. „Вскрикнул“ – значит уже не „затих“, а с Богом можно говорить только тихо, иначе никогда Его не поймёшь. Это только внешние грубые впечатления оглушают нас, а Бог говорит изнутри, тихо, ненавязчиво. Он всемогущ, Ему не надо кричать. Кричит убожество, „прах, ветром вздымаемый“. Настроенность на понимание уходит, диалог прекращается. Злобой Иван Ильич оттолкнул Бога. – Э.В.> – За что?> Это многое нужно понять, чтобы понять, за что. А чтобы понять, надо долго прислушиваться. А чтобы прислушаться, надо смириться...»

«И он перестал плакать <Бог, дающий эти слёзы проникновения, ушёл. – Э.В.>, и, повернувшись лицом к стене, стал думать всё об одном и том же: зачем, за что весь этот ужас? <Как же ценны эти мысли в голове Ивана Ильича! – Э.В.> Но сколько он ни думал, он не нашёл ответа. <Потому что не захотел его принять и искал другой. – Э.В.> И когда ему приходила, как она приходила ему часто, мысль о том, что всё это происходит оттого, что он жил не так, он тотчас вспоминал всю правильность своей жизни и отгонял эту странную мысль. <Осталась не сокрушена гордость, камень преткновения на пути к Истине. – Э.В.>

«Прошло ещё две недели. Иван Ильич уже не вставал с дивана.» Через две недели он думал всё о том же. «Неужели правда, что смерть? И внутренний голос отвечал: да, правда. Зачем эти муки? И голос отвечал: а так, ни зачем. Дальше и кроме этого ничего не было.» Очевидно, после отказа Ивана Ильича принять ответ, внутренний голос поменялся и вместо света стал указывать на тьму и вдохновлять страдальца на гибельное отчаяние. Но Господь не может так просто оставить Своё творение.

Диавол продолжает играть душой страдающего человека, бросая его из пустой надежды в отчаяние и всё более склоняя к отчаянию, которое, по Святым отцам, есть «совершенная радость диаволу».

Одиночество, «полнее которого не могло быть нигде: ни на дне моря, ни в земле.» Мысль сама собою уходит к детству. Отчаяние обоюдоостро: с одной стороны, это «совершенная радость диаволу», с другой – оно может стать кризисом, за которым последует возрождение, остановкой на дороге, ведущей в ад, после которой странник обратится вспять и пойдёт Домой... «...Вместе с этим ходом воспоминания, у него в душе шёл другой ход воспоминаний – о том, как усиливалась и росла его болезнь. То же, что дальше назад, то больше было жизни. Больше было и добра в жизни, и больше было и самой жизни. И то и другое сливалось вместе. „Как мучения всё идут хуже и хуже, так и вся жизнь шла всё хуже и хуже“, – думал он. Одна точка светлая там, назади, в начале жизни, а потом всё чернее и чернее и всё быстрее и быстрее. „Обратно пропорционально квадратам расстояний от смерти“, – подумал Иван Ильич. И этот образ камня, летящего вниз с увеличивающейся быстротой запал ему в душу. <Иван Ильич всё глубже и безошибочнее познаёт своё положение. – Э.В.> „...Объяснить бы можно

было, если бы сказать, что я жил не так, как надо. Но этого-то уже невозможно признать“, – говорил он сам себе, вспоминая всю законность, правильность и приличие своей жизни.» Т. е. опять всё тот же камень преткновения, ориентация на внешнее, первородный грех. Ориентация на внешнее – это гордость, на внутреннее – смирение. Не сломлена и не сокрушена гордость Ивана Ильича. «Нет объяснения! Мучение, смерть... Зачем?» (Как обесмысливается всё, когда человек отходит от Бога...) Иван Ильич ищет Истину. У порога смерти. В страданиях. Никогда раньше её не искав. Вот удивительное превращение! Он вдруг делается идеалистом и философом, как Иов он спорит с Богом, вызывая его разобраться и объясниться с ним. Иван Ильич созерцает бездны. Его душа достигает величия, масштаба. Вот помощь Бога ему. Ведь каким умрёшь, таким и войдёшь в вечность, таково и продолжение будет... (И какие глубины, какое величие кроется в душе самого обыкновенного, среднего и серого человека, какая внутренняя мощь! Это есть дух. И ведь он только ждёт, когда же человек обратится к нему, к самому себе, когда же, наконец, «заинтересуется» им...) Но дело помощи ещё не закончено.

«Так прошло две недели.» Старая жизнь Ивана Ильича идёт по-прежнему своим чередом, но уже без Ивана Ильича. Его уже ничто из этой жизни не трогает. «...С Иваном Ильичём свершилась новая перемена к худшему. Прасковья Фёдоровна <его жена – Э.В.> застала его на том же диване <на котором он лежал всё последнее время болезни, не желая ложиться в постель – Э.В.>, но в новом положении. Он лежал навзничь, стонал и смотрел перед собою остановившимся взглядом. Она стала говорить о лекарствах. <Лицемерие. Лишь бы не сострадать. Иван Ильич чувствует это лицемерие и ничтожество, не замечая ничего другого, и в нём поднимается ненависть. – Э.В.> Он перевёл свой взгляд на неё. Она не договорила того, что начала: такая злоба, именно к ней, выражалась в этом взгляде. – Ради Христа, дай мне умереть спокойно, – сказал он. <Хоть и злоба, но Христос. Иван Ильич больше не может терпеть лжи. Ему нужна правда. И пусть пока эта правда оборачивается ненавистью – это лучше, чем ложь и лицемерие, худшее и зол. – Э.В.> Она хотела уходить, но в это время вошла дочь и подошла поздороваться. Он так же посмотрел на дочь, как и на жену, и на её вопросы о здоровье <то же лицемерие, что у матери – Э.В.> сухо сказал ей, что он скоро освободит их всех от себя. Обе замолчали, посидели и вышли. <И это было правдой. – Э.В.>” То же самое с доктором. Освобождение от лжи. Как же наступило это освобождение?

«Доктор говорил, что страдания его физические ужасны, и это была правда; но ужаснее его физических страданий были его нравственные страдания, и в этом было главное его мучение. Нравственные страдания его состояли в том, что в эту ночь, глядя на сонное, добродушное скуластое лицо Герасима <медитация – Э.В.>, ему вдруг пришло в голову: а что, как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была „не то“. <Нельзя сказать, что „то“ была и его жизнь до пробуждения в нём сознания. Человек рождается в этот мир уже в повреждённом состоянии, что, в частности, обнаруживается в животном эгоизме младенцев и в тех начатках страстей, которые быстро проявляются в капризах ребёночка по мере его взросления. Но детство знает, что такое чистота и простота, и дитя имеет особенную связь с Богом, не порванную, или порванную не до конца. В подростковом же возрасте, при пробуждении эроса и вхождении в разум, человек получает новые, весьма ценные возможности действовать в этом мире и в себе самом и ставится перед выбором: или развивать в себе то доброе и светлое, что приносило радость и в детстве, – чтобы восстановить былую (вечную) связь с Богом, или идти по внешнему пути рабства миру сему и его порядкам, не только внешнего, но и внутреннего рабства, и окончательно порвать драгоценную, но идеальную, воздушную и бесплотную связь с Богом. Иван Ильич склонился к последнему, и потому вся его сознательная жизнь стала „не то“. Но вот на пороге смерти оказывается, что гордость Ивана Ильича не упорная, не закоренелая. Иван Ильич поддается, пусть медленно и постепенно, внутреннему Божьему вразумлению. Видно, и в отпадении от Бога есть свои ступени и стадии, обратимые и необратимые, излечимые и неизлечимые, здесь, на земле, или до второго пришествия Христова, или... Бог

весть. Но Ивану Ильичу, через страдания и мрак, Бог показывает, как всё есть на самом деле. — Э.В.> Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть правда. Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим, поползновения чуть заметные, которые он тотчас отгонял от себя, — что они-то и могли быть настоящее, а остальное всё могло быть не то. И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы — всё это могло быть не то. Он попытался защитить пред собой <т.е. пред Богом — Э.В.> всё это. И вдруг почувствовал всю слабость того, что он защищает. И защищать нечего было. <Такое чувство, что всё это происходит уже после смерти Ивана Ильича, настолько разительна перемена его взглядов, под действием предсмертной болезни. Но пока человек жив, всё ещё можно поправить покаянием. И Бог так милостив к Ивану Ильичу, что даёт ему такую возможность, как благоразумному разбойнику на кресте. „Умри прежде смерти, иначе потом будет поздно“, — говорит Григорий Богослов. Иван Ильич умирает прежде смерти. Видно, и вправду неплохой был человек, и Богу видно было, что его можно привести к покаянию. И, удивительно, Иван Ильич не пугается своего открытия, но сразу же хочет идти дальше и задаёт себе бесстрашный вопрос прямо по существу. — Э.В.> „А если это так, — сказал он себе, — и я уйду из жизни с сознанием того, что погубил всё, что мне дано было, и поправить нельзя, тогда что ж?“ <Иван Ильич задаёт очередной вопрос Господу Богу, как бы опять прося помощи у него. И Бог не оставит его. — Э.В.> Он лёг навзничь и стал совсем по-новому перебирать всю свою жизнь. Когда он увидел утром лакея, потом жену, потом дочь, потом доктора, — каждое их движение, каждое их слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Он в них видел себя, всё то, чем он жил, и ясно видел, что всё это было не то, всё это был ужасный огромный обман <чей? — Э.В.>, закрывающий и жизнь, и смерть. <„Видел“ — значит, раньше не видел; смотрел, а не видел. То есть теперь ему показывают, подводят, по мере его готовности воспринять. — Э.В.> Это сознание увеличило, удесятирило его физические страдания. <Можно отметить, как боль связывается с внутренними процессами в Иване Ильиче, — как будто боль каждый раз подправляет его. — Э.В.> <...> И за это он ненавидел их.»

Сознание своей внутренней гибели приводит Ивана Ильича к ненависти по отношению к окружающим его людям, которые как бы олицетворяют для него тот обман, ту ложь, которая его погубила. За ложью стоит диавол. Эти люди — его орудия, такие же погибшие, как и он, но только ничего не знающие о своей гибели. «Он гнал всех от себя и метался с места на место.»

Жена предлагает ему исповедаться и причаститься. «„Это не может повредить, но часто помогает. Что же, это ничего. И здоровые часто...“ Он открыл широко глаза. „Что? Причаститься? Зачем? Не надо! А впрочем...“ Она заплакала. <Что происходит в её сердце? Может быть, Иван Ильич что-то не видит и не чувствует в ней? — Э.В.> „Да, мой друг? Я позову нашего, он такой милый.“ <Пошлость. Как про кису. Сейчас Иван Ильич вне подобных категорий. — Э.В.> „Прекрасно, очень хорошо“, — проговорил он. <Дальше следует помнить, что во время написания этого рассказа (приблизительно 1882—1884 года) Толстой уже был в сложных отношениях с Церковью, и его описание причастия следует воспринимать осторожно. Однако, думаю, мне, гений Толстого был умнее, глубже и духовнее его самого, его разума и сознания, и он не давал писателю написать ложь. — Э.В.> Когда пришёл священник и исповедал его, он смягчился <действие благодати Божией от искренней и полной исповеди — Э.В.>, почувствовал как будто облегчение от своих сомнений <„как будто“ — Иван Ильич неправильно истолковал свои ощущения: причастие было заодно с его внутренним голосом — Э.В.> и вследствие этого от страданий, и на него нашла минута надежды. Он опять стал думать о слепой кишке и возможности исправления её. Он причастился со слезами на глазах.» Здесь очень сложное переплетение смыслов. Благодать коснулась Ивана Ильича, но он не смог её ни понять, ни

принять. Наверное, он просто привык к тому, что Церковь и её таинства прекрасно уживаются с его лёгкой, приятной и приличной жизнью и являются как бы органической частью её. И вот получается, что можно поправить своё бедственное положение и даже, быть может, выздороветь, и средство – внутри старой, привычной, «доброй» жизни. Значит, можно вернуться к ней, к прежней жизни, и продолжить своё старое существование. Это точный образ греха, живущего в человеке, живущего в нём до самой смерти, как бы ни боролся и ни побеждал бы даже его сам человек, греха, готового в любую минуту вернуться в душу, как будто он и не уходил никуда. Но слёзы Ивана Ильича во время причастия – это правда его измученной души, встретившейся с Богом перед своим исходом.

«Когда его уложили после причастия, ему стало на минуту легко <это от Бога – Э.В.>, и опять явилась надежда на жизнь. <А это – нет. Так переплетаются во внутренней жизни действия благодати Божией и искушения нечистых духов, мгновенно реагирующих на противное им воздействие, особенно если есть на что опереться им в душе самого человека. А Иван Ильич ещё не был готов понимать Бога. И без Его особой помощи он так бы и совсем не понял Его. – Э.В.> Он стал думать об операции, которую предлагали ему. «Жить, жить хочу», – говорил он себе <т. е. Богу – Э.В.>. Жена пришла поздравить; она сказала обычные слова <интересно, какие? – Э.В.> и прибавила: «Не правда ли, тебе лучше?» Он, не глядя на неё, проговорил: да. Её одежда, её сложение, выражение её лица, звук её голоса – всё сказало ему одно: «Не то. Всё то, чем ты жил и живёшь, – есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть.» Конечно, его жена – это образ и символ его старой жизни, это сама его старая жизнь, какой он её сам себе сделал. На сей раз, быть может, впервые за всю свою жизнь, Иван Ильич понял, что его обманывают. И дело тут не в причастии. Причастие, быть может, и высветило теперь этот обман. Обратно, в старую жизнь, дороги не было. Выхода не было тоже. К Ивану Ильичу вернулась ненависть, а с ней – физические страдания и «сознание неизбежной, близкой гибели». Но теперь, когда Иван Ильич причастился, вместе с ненавистью «что-то сделалось новое: стало винтить, и стрелять, и сдавливать дыхание.» Бог решил, что Иван Ильич готов идти дальше. «Выражение лица его, когда он проговорил «да», было ужасно. Проговорив это «да», глядя ей прямо в лицо <только что Толстой говорил, что Иван Ильич сказал, «не глядя на неё» – Э.В.>, он необычайно для своей слабости быстро повернулся ничком и закричал: – Уйдите, уйдите, оставьте меня!» Ивану Ильичу действительно сделалось лучше: в его жизни совсем уже не осталось лжи. Осталось только выйти к свету.

«С этой минуты начался тот три дня не перестававший крик, который так был ужасен, что нельзя было за двумя дверями без ужаса слышать его. <А для Ивана Ильича это была его жизнь. Ужас – перед тем, что не вмещается в тебя. Ужас говорит о глубине. – Э.В.> В ту минуту, как он ответил жене, он понял, что он пропал, что возврата нет <нет возврата к старой жизни-лжи — Э.В.>, что пришёл конец, совсем конец, а сомнение так и не разрешено, так и остаётся сомнением. <Сомнение мучительнее всего для Ивана Ильича, как будто бы оно и порождает даже физическую муку. Вот где прообраз адских мучений, где мучается душа, но эти муки гораздо хуже и сильнее, чем просто физическая боль. Сомнение Ивана Ильича состояло в том, что он видел, что вся его старая жизнь была обманом, но он не хотел этого признавать и принимать это, потому что вся суть его старой личности заключена была в убеждении, что он живёт как надо и что жизнь его хороша, и потому ещё, что тогда выходило, что он „погубил всё, что ему дано было, и поправить нельзя“, т.е. он погиб и, по-видимому, безвозвратно. Но видимость часто бывает обманчива. За признанием своей гибели, по благодати Божией, следует покаяние, обращение и спасение. — Э.В.> <Наше обыденное сознание блекло и тупо, оно помрачено и пропитано грехом, в нём в огромной степени проявляет себя первородный грех. И боль, долгие физические страдания, проясняет его, обостряет, делает глубже, так что человеческие, духовные вопросы ставятся ребром, делаются живыми и насущными, как воздух, уходит столь привычное для нас окамененное бесчувствие, душа пробуждается, чтобы

увидеть, где она, куда попала, идя по жизненному пути, и понять, что же теперь ей делать, куда идти дальше – вперёд или назад. – Э.В.> – У! Уу! У! – кричал он на разные интонации. Он начал кричать: „Не хочу!“ – и так продолжал кричать на букву „у“. Все три дня, в продолжение которых для него не было времени <т. е. Иван Ильич эти три дня, ещё при жизни, был в аду – Э.В.>, он барахтался в том чёрном мешке, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила. <Воля Божия. – Э.В.>»

Мы помним, что про этот «чёрный мешок» уже шла речь в рассказе. «Ему казалось, что его с болью суют куда-то в узкий чёрный мешок и глубокий, и всё дальше просовывают и не могут просунуть. И это ужасное для него дело совершается с страданием. И он и боится, и хочет провалиться туда, и борется, и помогает. И вот вдруг он оборвался и упал, и очнулся.» Т.е. очнулся, уже находясь внутри этого мешка. Это тот самый тёмный туннель, по которому двигаются умирающие и в конце которого – свет. После того, как Иван Ильич узнал о «мешке» впервые, начался его разговор с Богом. Значит, через этот «мешок», «туннель», «дыру» человек приближается к Богу, а Бог – к человеку. Это помощь Божия человеку, путь по ту сторону, которым он ведёт душу человека. И если тогда Иван Ильич только провалился в этот мешок, то теперь он уже был внутри него, и все эти тяжкие сомнения были внутри него. «Он бился, как бьётся в руках палача приговоренный к смерти, зная, что он не может спастись; и с каждой минутой он чувствовал, что, несмотря на все усилия борьбы, он ближе и ближе становился к тому, что ужасало его. Он чувствовал, что мучение его и в том, что он всовывается в эту чёрную дыру, и ещё больше в том, что он не может пролезть в неё. Пролезть же ему мешает признание того, что жизнь его была хорошая. <Первородный грех, возымевший такую власть над Иваном Ильичём, который никогда не боролся с ним. – Э.В.> Это-то оправдание своей жизни цепляло и не пускало его вперёд и больше всего мучало его. <Здесь идёт описание душевного состояния Ивана Ильича, всё то, что растянулось на несколько последних недель, но что можно было вместить всего в эти несколько строк. Получается, что в эти несколько недель ничего не менялось в душе Ивана Ильича, или почти ничего, как в эти три дня, „в продолжение которых для него не было времени“. Но куда страшнее были те годы и годы в жизни Ивана Ильича, когда не менялось вообще ничего, но было всё то же, и чем дальше, тем мертвее. Здесь же, наоборот, очень медленно, самым своим „барахтанием“ в мешке, Иван Ильич приближается к новой жизни и рождению в **пакибытие**, по великой милости к нему самого Бога. – Э.В.>»

Наступает момент, когда «вдруг», без какого-либо участия самого Ивана Ильича, «какая-то сила <Воля Божия, ангел смерти – Э.В.> толкнула его в грудь, в бок, ещё сильнее сдавило ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то. <Это оказался туннель, «долина тени смертной», ведущая к новому бытию. – Э.В.> С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь назад, и вдруг узнаёшь настоящее направление. <«Настоящее» – свет осветил и просветил тьму внутри Ивана Ильича, это истинный, не вечерний свет, в котором всё становится ясно, как при свете дня. Иван Ильич вышел к Истине, Бог сам вывел его. Велика Его милость к нам, грешным. Настало время ответов на все вопросы, свет отвечает на всё, приближается вечность. – Э.В.> «Да, всё было не то, – сказал он себе <и это теперь совершенно ясно – Э.В.>, – но это ничего. <Для Бога, к которому пришёл Иван Ильич, нет ничего непоправимого и для Него всё возможно и никогда не поздно. А Он наш Друг. – Э.В.> Можно, можно сделать «то» <понимает Иван Ильич, потому что Он так говорит ему – Э.В.>. Что ж «то»? – спросил он себя <то есть Бога – Э.В.> и вдруг затих. <«Вдруг» – потому что Он приблизился и Он сейчас ответит.>

Это было в конце третьего дня, за час до его смерти. В это самое время гимназистик <сын Ивана Ильича, тщедушный и «нечистый» мальчик, очень похожий на Ивана Ильича в детстве, единственный в семье, кто понимал и жалел Ивана Ильича – Э.В.> тихонько прокрался к отцу и подошёл к его постели. Умирающий всё кричал отчаянно и кидал руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистик схватил её, прижал к губам и заплакал. В это самое время

Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно ещё поправить. Он спросил себя: что же «то», и затих, прислушиваясь. Тут он почувствовал, что руку его целует кто-то. <Параллелизм внутренних и внешних событий в прорыве реальности. В реальности внешнее не противоречит внутреннему, но одно дополняет другое, будучи единым друг с другом по существу. В нашей обыденной жизни не так: обычно внешнее обманывает нас, а внутреннее далеко от Истины. – Э.В.> Он открыл глаза и взглянул на сына. Ему стало жалко его. <Это что-то новое. Иван Ильич ещё никого на нашей памяти не жалел, а был занят только собою, своими переживаниями и жалел себя. Э.В.> Жена подошла к нему. Он взглянул на неё. Она с открытым ртом и с неотёртыми слезами на носу и щеке, с отчаянным выражением смотрела на него. <Он как будто впервые увидел её и пожалел. – Э.В.> Ему жалко стало её. <Душа Ивана Ильича открылась. Ведь сущность гибели заключена в закрытости души по отношению к Богу, в замкнутости, в страшном внутреннем одиночестве и концентрации на себе, на этой призрачной пустоте, которую мы называем собой. – Э.В.> «Да, я мучаю их, – подумал он <он начинает их понимать – Э.В.>. – Им жалко, но им лучше будет, когда я умру. <Не он ли сам примет в этом участие после своей смерти? – Э.В.> Он хотел сказать это, но не в силах был выговорить. «Впрочем, зачем же говорить, надо сделать», – подумал он. <Надо принести плод покаяния. Маленький плод, но он-то и будет решающим. Ведь смерть – это итог жизни и вход в вечность. Каким умрёшь, таким и будешь там, и дальше пойдёшь... – Э.В.> Он указал жене взглядом на сына и сказал: «Уведи... жалко... и тебя...» <Простые и крайне лаконичные слова, но это слова любви, и это слова нового Ивана Ильича. – Э.В.> Он хотел сказать ещё «прости», но сказал «пропусти» <что было для него теперь одно и то же – Э.В.>, и, не в силах уже будучи поправиться, махнул рукою, зная, что поймёт тот, кому надо. <И в этом уже какая-то маленькая власть, величие и мудрость. – Э.В.> И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило <он сам, его душа, исполненная любви и запертая в каменном панцире – Э.В.>, что вдруг всё выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон. <Покаяние, дарованное Богом Ивану Ильичу на пороге смерти, по великой и неизреченной Его милости, освободило душу нашего брата, это он сам выходит на свет. – Э.В.> Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было. Избавить их и самому избавиться от этих страданий. «Как хорошо и как просто», – подумал он. <когда мрачное наваждение духов злобы проходит, человек не может понять, что же его так мучило и почему он так мучился, так всё ясно и просто становится. Иван Ильич умилился, это значит, что Бог уже с ним. Он уже видит, что можно избавиться от страданий. —Э.В.> – А боль? – спросил он себя. – Её куда? <В открывшейся гармонии. – Э.В.> Ну-ка, где ты, боль?» <Иван Ильич возвысился над болью. – Э.В.> Он стал прислушиваться. «Да, вот она. Ну что ж, пускай боль.» <Если ты с Богом, она не мешает. – Э.В.> «А смерть? Где она?» Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? **Страх никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет.** <Курсив мой – Э. В. Это дивные, безмерные слова.> – **Так вот что!** – вдруг вслух проговорил он. – **Какая радость!**» Это называется «спасение Божие». Это последние слова Ивана Ильича в этой жизни. Вот к чему привёл его Господь. Он вывел его на Свет. **Вместо смерти был свет.** Это слова несказанной внутренней мощи. И нам, маловеерам, так понятна вся их значительность и глубина смысла. Наша жизнь смертна, мы заключены в этих тисках, хотим мы того или нет. Мы чувствуем это тлетворное дыхание смерти в наших душах. И страх смерти нам, вышедшим из бездны неверия, хорошо знаком. Но вот вместо смерти, ужаса, небытия, ада – свет, спокойствие, правда. «Какая радость!» Это наши слова, слова каждого из нас. Это радость истинная, неподдельная, радость реальности, в которой нет ничего плохого, это избавление и торжество. И есть надежда, что мы, ты и я, будем вместе с Иваном Ильичём, а с нами вместе и сам Толстой...

Подумаем ещё раз: после всего того тяжёлого, мрачного, отвратительного и беспросветного, что было в жизни Ивана Ильича, после всех его тяжёлых и страшных многомесячных

физических и нравственных мук – такая радость... Радость, которую уже никогда не сменит печаль. Смерти нет, вместо смерти – свет, – вот милость Божия, нет ничего выше, слаще и желаннее этого, как врата или дверь в родимый Отчий Дом. Его милость – это наш воздух, она бесконечна. И это не только то, что будет там когда-то, неизвестно когда. Если это так, если ты почувствовал это, если это твоя живая вера, жизнь становится иной здесь и сейчас. Здесь и сейчас с тобою этот свет, незримо, внутри тебя – ты его чувствуешь и знаешь. И этот тихий, добрый, ласковый, вечно уютный свет освещает всю твою жизнь, а там ты его просто увидишь и войдёшь в него совсем...

«Для него всё это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменилось. <Для Ивана Ильича наступила вечность. – Э.В.> Для присутствующих же агония его продолжалась ещё два часа. <В смерти внешнее окончательно расходится с внутренним. Как Макаревич пел: „И каждый пошёл своей дорогой, а поезд пошёл своей.“ У этого мира своя дорога. Он не чужой нам, но мы здесь гости. Он делает вид, что нас нет и игнорирует наш внутренний мир, но мы ещё обязательно подчиним и оседлаем его изнутри. Ибо все ключи – внутри, ключи ко всему. А пока мы просто как бы расстанемся, но мы останемся и вернёмся, как расстался, остался и вернулся наш Господь, когда жил здесь. – Э.В.> В груди его kloкотало что-то; измождённое тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало kloкотанье и хрипенье. <Но Иван Ильич уже вряд ли имел к этому большое отношение. – Э.В.> – Кончено! – сказал кто-то над ним. Он услышал эти слова <как слышат такие и подобные слова люди, проходящие через опыт клинической смерти – Э.В.> и повторил их в своей душе. „Кончена смерть, – сказал он себе. – Её нет больше.“ <Как бы эхо могучих слов: „**Вместо смерти был свет**“». Иван Ильич родился в новую жизнь. – Э.В.> Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся <выходя из смертной плоти – Э.В.> и умер.»

То, что произошло с Иваном Ильичём, произошло с ним не по его воле и при минимальном его участии, хотя это было величайшее его внутреннее напряжение во всю его жизнь. Болезнь пришла сама, и ответы на все вопросы приходили сами, чьим-то могучим и властным действием. Так и мы должны знать, что всё к нам придёт само и в своё время, нам нужно только готовиться к этому, чтобы суметь принять, суметь погрузиться в бесконечный океан милосердия Божия, в который погрузился Иван Ильич. Каждый из нас, как в воздухе, нуждается в этом милосердии и ничего сам сделать не может, не может освободиться от тьмы и выйти на свет. Но нам, по крайней мере, не следует пленяться тьмою и жить по её законам, но нужно «бороться и искать, найти и не сдаваться». Тот грозный судия, который перечеркнул всю жизнь Ивана Ильича, в своё время приступит к каждому из нас и уже приступает. И каков бы ты ни был во всех отношениях милый и приятный, умный и благородный человек, многое в этот час окажется пустым, суетным и тщетным. И за многое будет стыдно. Надо сказать прямо – наша жизнь также не выдерживает суда Ивана Ильича. И выход из такого положения я вижу только один: христианское подвижничество и смерть прежде смерти. (Всё те же слова Григория Богослова: «Умри прежде смерти, иначе потом будет поздно.») Нужен подвиг и борьба преодоления духа мира сего в своей жизни. А так как этот дух всегда присутствует в нашей жизни, то и борьба должна быть беспрестанная, внутренняя, бескомпромиссная. Человек – это воин, или он перестаёт быть человеком, отпадая от самого себя и уподобляясь падшим духам. Мы не можем не жить по законам, по лживым законам этого мира, но мы должны правильно ко всему относиться, наполнять все эти внешние формы христианским, искренним содержанием, которому учит нас Церковь, терпением, смирением и любовью, и быть готовыми в любой момент, когда позовёт нас Господь, воспринять и встретить новый мир и новую жизнь.

Толстой писал о «плане» своего рассказа: «описание простой смерти простого человека, описывая из него». И.Н.Крамской, автор известного портрета Толстого, писал: «Рассказ этот прямо библейский... Удивительно... отсутствие полное украшений.» В конце своей жизни Толстой писал, что в его жизни были моменты, когда он чувствовал, что через него говорит

Бог. Мне кажется, что «Смерть Ивана Ильича» – это благословенное творение, и каждый человек должен прочитать его, потому что, подобно библейским притчам, он обращён к каждому. И мне кажется, что на Суде Божьем этот рассказ будет свидетельствовать в защиту Льва Толстого и в защиту каждого из нас, потому что в нём – искреннее стремление к Божьей Правде, к Истине, упование на Его милосердие и могучая, ясная, простая и страшная мощь, которая может исходить только от Него Самого.

2 сентября – 2 октября – 12 октября 1999 года

июнь 1997г, на выписке из роддома со старшей дочкой, с супругой и папой

Часть I. Мысли 1995—2000 гг.

Сердце несовершенно и может ошибаться, говорить невразумительно или просто молчать в тупом равнодушии. И здесь вступает в силу **доверие**. Человек должен довериться чему-то большему и лучшему, чем он сам. То лучшее, что есть в нём, в его сердце, в какой-то момент, один из самых важных моментов в жизни, должно передать человека из рук в руки, должно санкционировать послушание тому, что вдруг предстало перед ним как Истина и мощь правды, как то, что близко и родственно свету в тебе, но ярче, чище и неизмеримо мощнее. И если ты волевым импульсом доверия, подтверждённым конкретными, нешуточными действиями, свободно вступишь в себя это Начало, оно начнёт в тебе действовать, тебя направлять и вести изнутри тебя, а не только извне. Оно очистит и твоё сердце, приведёт в гармонию весь твой внутренний состав, приобщит тебя к высшей, неведомой дотоле жизни. И спасёт тебя.

10.07.1997

Настоящий ум предполагает ещё и трезвость, когда опьянение вином гордыни не больше, чем ощущение духоты безблагодатности, гордынею консервирующей.

10.07.1997

Мне совсем не нравится слово «нравственность». В этом слове уже чувствуется какой-то «научный» подход. В этом слове нет жизни. Жизнь есть в слове «любовь». В понятии «нравственность» есть какая-то объективация, это внешность. Нравственность без любви вырождается в лицемерие, чаще всего поддерживаемое гордыней. И эта смесь ближними не принимается, какие бы благородные предлоги она ни имела. Внешнее мертво без внутреннего. Человеку нужно то сокровенное, сердечное, что стоит за внешними действиями, — этим отогревается его душа. Иначе, без этого, всё превратится в оскорбление, плевков в душу.

2.08.1997

Одной нравственностью сыт не будешь. Душа просит тайны, свежести, прохлады, пространства... Ответов, может быть, сразу и не нужно.. Но ощущение смысла, тайны, глубинной и бесконечной жизни необходимо. Иначе не будет сил ни на какую нравственность, душа станет сухарём безжизненным. И вот это ощущение подлинной глубины и тайны дарует нам религия. Молитва приводит к таинственнейшему, реальнейшему, более реальному, чем вся остальная жизнь, живительному Богообщению, общению с Богом. Так что стена постепенно перестаёт быть стеной, смягчается, теплеет, опрозрачивается. Какие-то таинственные токи проходят уже сквозь неё. И уже что-то смутно можно различить из того, что за нею. И сам ты через эти токи просачиваешься на ту сторону, и вот ты уже и здесь, и там, и постепенно стирается различие между «здесь» и «там», и ты ощущаешь единую бессмертную жизнь. Вот слова Чаадаева: «Бессмертная жизнь — это не жизнь после смерти, это жизнь, в которой нет смерти.»

2.08.1997

Мало одного доброго усилия. Чтобы оно не было вымученным, чтобы вдохнуть в него жизнь, нужна сила свыше, которая тебе не принадлежит. Положим, ты хочешь добра. Но во имя чего? До тех пор, пока за твоими добрыми усилиями скрывается желание самоутверждения, титаническое стремление к самодостаточной божественности собственного света, никакой санкции свыше на твоё добро не будет, и будет оно у тебя бессильным, лицемерным, а где-то там, в твоей глубине, подспудно и постепенно будет расти что-то страшное, тяжёлое, мрачное, холодное, каменное, циничное и безысходное. Вот что такое безблагодатное добро грешного человека. Сначала — страх Божий, смирение, покаяние, отсечение своей воли, воли отдельного существа, принадлежащего небытию. А потом — самозабвенное служение, забвение о себе,

смерть «само» и воскресение в благодатную жизнь на земле, с которой и начинается жизнь вечная.

2.08.1997

Все мы живём в страшном унижении видимого мира. Мы, созданные Богом для высокой и мощной жизни, как насекомые, возмемся вокруг самих себя и своего затхлого муравейника, кушаем кислые щи прозы и обыденщины, не знаем поэзии жизни, не знаем, где высокая правда, а где низкая ложь. И в этом положении любая яркость для нас прельстительна и в соблазн. Многие благородные души во время своего становления искушаются злом и некоторые прельщаются им. Своим служителям зло возвращает некоторую долю их первозданной свободы. Бесы как бы на время несколько отходят от них и отступают поодаль. Это нужно, чтобы человек сохранял приверженность злу, якобы освобождающему его. Но это всего лишь «длинный поводок». Остаются магистральные страсти, главная из которых – гордыня, которые и движут человеком. Но Господь Бог, который единственный и есть освободитель, обращает зло на добро. Человек идёт путём, не лишённым своеобразной красоты и благородства, которые, конечно, сильно извращены. Тем не менее он растёт. Тёмные силы заинтересованы в мощной марионетке, подобной Ставрогину, руководящей во зле более мелкими орудиями зла. (Есть очень слабые и жалкие люди, могущие быть очень сильными во зле. Это как одержимость бесами. Это как какой-нибудь следователь НКВД с бесцветными глазами. Эти души совсем некрасивые, типа того же Верховенского или Федьки-каторжника. Они просто растлеваются злом, прельстившись самим состоянием одержимости, или некоторыми особенностями подлости и беззакония, которые они считают преимуществами.) В конце концов происходит попытка обращения заблудшего. Ему может открыться подлинная природа зла в каком-нибудь настоящем злодеянии, на котором сломается его душа. Так было со Ставрогиным (Матрёша); возможно, со Свидригайловым (его умершая жена, являвшаяся ему после смерти), даже со Смердяковым. Так было с героем фильма «Отходная молитва», которого сыграл Микки Рурк. Будет раскаяние и будет жестокое и безысходное отчаяние. Ставрогин пришёл к Тихону, Свидригайлов – к Дуняше, отдаёт ей ключ от комнаты, в которой запер её с собой, отдаёт свои деньги тем, кто в них очень нуждается, Смердяков взялся за Исаака Сирина, герой Микки Рурка явился в католический храм на исповедь. Злодей просит помощи у светлых сил, он перестаёт быть злодеем. Нужно заметить, однако, что все три героя Достоевского кончают Иудиным грехом – самоубийством. Дьявол не хочет отпускать свою жертву и удерживает её в своих руках отчаянием. Если грешник поддаётся отчаянию, он гибнет, подобно Иуде. Если же до конца продолжает искать помощи тех, кого когда-то предал, обратившись ко злу, он не может не получить эту помощь и залог спасения вместе с ней. Так было с героем Микки Рурка. (Очень сильный и трогательный фильм.) Обращение может произойти и через встречу с настоящей красотой и духовной силой, быть может, даже со святостью. Во глубинах зла Сам Бог может обратить сердце заблудшего. Так или иначе, после покаяния начинается действие таинственной спасающей силы Божией, продолжающееся, я верую, и в загробных мирах. И Церковь говорит, что тех, кто умирает с начатками покаяния, не успев принести его достойных плодов, она, Церковь, отмаливает и выводит из того ада, в котором при жизни пребывали души этих людей.

23.08.1997, 2.01.2000

Сами по себе слова мертвы. Они должны быть подкреплены силой, заключённой в них, которая возвращается молчанием и образом жизни, достойным этих слов.

23.08.1997

Обращаться к людям можно только изнутри, от сердца к сердцу, вопреки всем внешним этикетам и условностям, сразу входя с ними в реальность жизни души. И будет отклик. Ибо каждый человек – он не чужой, он не вне. Он внутри тебя. Ты его там, внутри, знаешь. И он

очень важен для тебя. Он тебе нужен, ты без него не можешь жить. То, что нас так много и мы такие различные, – это великая радость для нас. Это залог высшей и полной жизни, жизни человечества как единого организма, когда с каждым ты находишься в самых близких отношениях, когда каждый восполняет тебя, как сейчас восполняет возлюбленная, лучший друг, мать, отец, любимое дитя. Другие Я – это восполнения твоего Я. А то плохое, связанное с ними, что является нам сейчас извне (страсти, непонимание, холод, равнодушие, низость, лицемерие, отчуждение), это случайные и временные элементы, которые будут сожжены в огне времени, в иных мирах, в грядущей реальности. Этими немощами человеческими не нужно обманываться. Они на поверхности и на небольшой глубине. Сущность людей иная, родная нам. От слова «род». Мы родные, мы одного рода. Мы по-настоящему, сердечно родные друг другу существа. И когда дым рассеивается, когда иллюзорная пелена чуть спадает, суета отступает, перед лицом чего-то настоящего люди просыпаются от своего забвения, пробуждаются от забыва и начинают ощущать себя родными друг другу. Так бывает в тяжёлых совместных испытаниях, на войне, перед лицом смерти, у постели умирающего, в храме. Нечто подобное, только в меньшей степени, бывает и в лесу, на природе. Так, и ещё больше так, будет на грани иных миров... Мы войдём друг другу в души, в которых уже не будет ничего мрачного и нечистого, ощутим и познаем всю несказанную первозданную красоту друг друга и, главное, до тонкости, до последней глубины познаем, ощутим, вкусим и увидим любовь каждого к нам, любовь, не знающую ни дна, ни конца, ни границ. Вот будет блаженство, радость, свет!... И это только одна грань бесконечногранного Царствия Божия.

24.08.97

Желание властвовать – не от Бога. Это сатанинское начало говорит в человеке. Но и самообладание не есть бесспорное благо. Гордый человек может достигнуть самообладания, но он будет в плену своей гордости, своей самости, самообожествления даже, может быть. Гордыня – царица страстей, владычица бесов, демонская твердыня. Ради неё, трепеща перед нею, все остальные страсти, все остальные бесы могут отступить от человека и оставить его в покое. Человеку будет дан глубокий и тонкий ум, постигающий многое, ощущение внутренней силы, безгневие. Могут быть и какие-то восторги, постижение тайн и откровение глубин. Но всё это будет суетно и бесполезно для человека. Лелея его гордыню и утверждая его в ней, все эти дары будут уводить человека всё дальше от Бога, а потом окажется, что дары эти фальшивые и не могут помочь человеку действительно освободиться от тёмных сил. Ибо сама эта концентрация на себе есть концентрация не на себе, не на своём Я. Местоимения «само» и «себя» суть проявления главной болезни падшего человека, откуда и производится понятие «смерть». Себялюбие – это любовь не к своему Я, не к образу и подобию Бога, которое и есть ты. Себялюбие направлено на существо отдельное от Бога. Но это существо не есть человек. Это другое существо, мрачное, угрюмое, безблагодатное, которое на человеке паразитирует. Оно-то и обладает человеком в этом самообладании. Не во всём, конечно, иначе человек начал бы что-то подозревать; но в кардинальном, жизнеопределяющем. Человек свободен от чуждых начал лишь тогда, когда над ним безраздельно властвует Бог. Когда он не думает о себе. Человек не может думать о себе: он себя не знает. То, что он за себя принимает, не есть он сам. Он сам – нечто бесконечно более глубокое и таинственное. Вот он смотрит внутрь себя и думает, что чувствует в себе Бога.. Но истинный Бог несоизмерим с этими ощущениями. А соглашаясь на этого «Бога», который так близок и понятен, человек отгораживается от истинного Божества, перед Которым – благоговение, страх и трепет. И от которого – благодать, жизнь и спасение. Бог должен стать близким и понятным, настолько, насколько ты сможешь Его вместить, но начало премудрости – страх Божий.

24.08.97

Власть – это попытка осуществить то, что обещал змий в раю, это попытка присвоить себе Божественное свойство и самому стать как бы суверенным божеством. Микушевич говорит, что человек похож на Бога, но не Бог, в этом его главная беда; он даже говорит, что в этом и заключается первородный грех. В раю это положение, сопутствуемое полной гармонией с Божеством, порождает ни с чем не сравнимую радость, лучистый и волшебный, безудержно радостный райский смех. Здесь же, у тех, кто выбирает зло, это вызывает желание и впрямь стать Богом, подчинив себе всё. «Есмь я и есть не-я, – если не говорит, то чувствует он в самом себе, – все не-я должны стать мною». Так пишет Даниил Андреев о демонах. Это и есть начало тирании. «Как это так? **Я есмь, я сущий** – как же это есть что-то вне меня, да я ещё должен с этим считаться, Я, единственно реально существующий!» Но на самом деле, другое – это твоё восполнение, дополняющее тебя до целого. И полнота твоей жизни зависит от гармонии с другим, со всем тем другим, что так же реально существует, как и ты. Существует таинственно для тебя. Вместе мы – целое, один ты – член целого.

Если ты захочешь встать на место целого, захочешь поглотить всё собою, ничего не получится, кроме уродства. Тебе же самому будет плохо, скучно и душно, как всегда было всяким тиранам, властителям и деспотам, с которыми никто не осмеливался заговаривать на равных. Их непомерно раздувшаяся гордыня лъстиво ублажалась придворными и подданными, и эту гордыню жалкие властелины, духовные карапузы, ни на что бы не променяли, но душе их было душно. И так всегда. Гордость порождает духовную духоту, отрезая человека от реальности, от Церкви Божией, которая и есть наше общее Целое, Невеста Божия. «Смирение есть открытость перед реальностью», – говорил Бердяев. Только в смирении человек преодолевает собственную ограниченность, выходит из одиночества и изоляции к мощным ветрам и течениям реальности, открываясь Откровению Божию, которое и есть наша жизнь.

6, 7.09.97

Совесть есть голос Божий в человеке. Но совесть, во-первых, нуждается в раскрытии, углублении, опрозрачивании, в чём человеку помогают книги, общение с лучшими, чем ты сам, людьми, внутренний разговор с Богом, посещение церкви и участие в церковных таинствах – как опыт ощущения высшего и святого. Во-вторых, совесть ограничена, и по силе своей, и по существу. Совесть не может оградить от утренней тяжести и вечерней тоски. Совесть не есть также высшая форма Богообщения. Совесть не может избавить человека от внутреннего одиночества. Совесть приводит человека в Церковь. В этом, быть может, главное её предназначение. В этом смысле, следование совести всё-таки спасает человека. Но если совесть становится идолом, заслоняющим живого Бога – Творца видимого и невидимого миров, Подателя животворной благодатной силы, Личность, стоящую за нашей жизнью, тогда совесть перестаёт быть совестью. Не во имя совести человек отгораживается от Бога и Его Церкви, а во имя гордости.

Не может совесть рассказать о Богочеловеке Иисусе Христе, научить совершать литургию, продиктовать Священное Писание. Указания Церкви не противоречат совести, но это именно та инстанция, которая помогает ей во всех жизненных частностях. Церковь заодно с совестью. Если угодно, это то, что соответствует совести, символизирует совесть во внешнем мире, это проекция совести вовне. Церковь и совесть – гармония внешнего и внутреннего; и то, и другое пронизано правдой.

7.09.97

В этом мире можно действовать только изнутри самого себя, не равняясь на внешнее, как действуешь ты, скажем, в своей семье, со своей женой. Пока мы здесь, мы обручены душе этого мира, которая стонет и мучается под властью дьявола. И всякий раз, выходя на люди, мы чувствуем этот дьявольский гнёт, обжигающий душу и спирающий дыхание, мы чувствуем, с какой холодной, насмешливой и злобной силой мы вступаем в соприкосновение. То же самое

бывает при уходе за невестой. И вот нужно восстановить правду, всего лишь. Ту правду, которая реально существует, но к которой и сам ты должен быть причастен в сердце своём. Нас окружает тьма. Единственный способ борьбы с ней – самому стать источником света и разгонять этим светом обступающую тьму. Ты образ и подобие Божие, то есть как бы маленький Бог, как сказал мне Юра Чичкин. «Проси силы и света у большого Бога и, я думаю, Он не откажет тебе, даст», – добавил он. Разделение на внешнее и внутреннее – ложное разделение. Вовне – только тьма внешняя, которой нет, – область обитания адских духов. Всё, что есть, что реально существует, обретается внутри нас. В этом смысле я очень хорошо понимаю слова Бердяева, когда он писал, что всегда ощущал жизнь общества и судьбы мира как часть своей личной внутренней судьбы. Бог вездесущ, у него везде центр. Так и я центр Его присутствия. Великие изменения внутри меня изменяют весь мир. То, что не изменится и не преобразится вместе со мной, останется во тьме внешней, ибо это процесс синхронный: преображаюсь не я один, преображается вся Вселенная, подвластная, как и я, Суду Божьему. Нет внешних действий, всё совершается внутри, поэтому всё должно идти изнутри – от сердца к сердцу, к другим сердцам, ибо все эти люди – внутри тебя.

8.03.98

Как говорит митрополит Антоний Сурожский, когда Бог творил нас, призывая из небытия в бытие, Он возлюбил и возжелал нас. «Гряди в бытие, – сказал Он. – Без тебя Моё творение будет неполно, без тебя ему будет тебя не хватать». Это значит, что без каждого из нас не было бы Вселенной, не было бы бесконечности и неисчерпаемости творения Божия. И первое, что увидела сотворённая душа, сотворённый человек, – это бесконечно любящее Лицо Божие. Христос воплотился и пострадал ради каждого из нас, говорят Святые Отцы. Он претерпел бы те же самые муки и смерть, если бы в мире жил всего только один человек, любой из нас. Такова любовь Бога к человеку, к каждому конкретному человеку. Это сверхинтимное, сокровенное, глубиннейшее отношение. И любит Господь до ревности и готов защитить возлюбленное Своё творение и наказать обидчика, даже если творение это само отступило от своего Создателя и забыло о своём бесконечном достоинстве, которым наделил его Сам Бог. Таковы, например, женщины, выставяющие напоказ своё тело, опустившиеся до уровня предмета, годного лишь на одно известного вида употребление. Жестоко оскорбляет Бога всякий, кто смотрит на них именно так, даже если бы они сами этого хотели. Бог сказал: «Что сделали вы одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне». Более того, в зависимость от этого Он ставит судьбу каждого из нас в вечности. Вот с какими материями, вот с Кем мы имеем дело ежедневно и ежечасно, соприкасаясь и сталкиваясь с другими людьми.

8.03.98

В каждом, в любом человеке живёт и действует наш союзник и наш близкий родственник – совесть этого человека и поднимающаяся от неё добрая воля. Это начало есть в каждом, в самом закоренелом преступнике, в маньяке, в цинике и злодее, продавшем свою душу дьяволу. Каково там, в этом человеке нашему другу и брату? Это есть голос высшего, подлинного Я человека, его небесного Ангела-Хранителя, держащего за человеком его место на небесах, в Доме, в раю. Это есть исток человека, его корень, он сам, посланцем которого является здесь его низшее, ограниченное и замутнённое «я». Высшее Я не может погибнуть, это чистый свет. Но грех, в котором все мы здесь пребываем, состоит также и в том, что целостность, иерархичность и преемственность человека нарушена. Мир должен был быть продолжением тела, абсолютно гармонирующим с телом. Но мы видим его большей частью неприветливым, хмурым, холодным или жарким, промозглым или душным, лишённым света или нещадно, истинно по-адски бьющим им в глаза. Плоды деревьев не свешиваются над нами, хлеб не растёт из земли, земля же рождает «волчцы и тернии», непригодные в пищу. Это следствие первородного греха человека. Чтобы получить от мира то, что нужно для нашего тела, нужно трудиться «в поте

лица», нужно работать в атмосфере косности и холода, в атмосфере каторги. Ведь работа – это каторга, и это следствие разлада между телом и миром. Мир должен был быть подчинён телу. Но, увы, тело подчинено миру (техника ведь тоже часть мира, и техника закабальет и мертвит), а мир – это, как мы знаем, вотчина «князя мира сего». Такая вот вырисовывается иерархия. А тело уже, как у скотов, норовит подчинить себе всего внутреннего человека. Здоровье, еда, жилище, тупые чувственные наслаждения – из этого состоит жизнь многих и многих. Но даже если человек поднимается над скотством, душа его подавляет дух. Тщеславие, пустые и приземлённые мудрования, самые различные суетные и бессильные душевные переживания, «романы», ложно понятая и ущербно принятая культура, лёгкая и неглубокая или тяжёлая и недобрая музыка – всё это подавляет дух, отнимая у него исконную его свободу, всё это отгораживает от Бога, лишает дух его основной идентификации – благоговения перед Богом и живого общения с Ним. Здесь и кроется корень греха: порвана связь духа человеческого с Богом. Отсюда и погода плохая, отсюда косные и тяжёлые телеса, отсюда уныние, скука и окамененное бесчувствие, смерть души. Повреждение сложного и строго иерархичного человеческого устройства приводит к возможности отказа низшего человеческого «я» от собственного прообраза, от своего истока, от которого только и исходит санкция на бытие этого низшего «я». Отказываясь от высшего Я, от совести, противостоя ей, не слушаясь её, пытаясь от неё избавиться, человек отказывается от санкции на собственное земное бытие, выбирает небытие, и теперь его земная жизнь поддерживается силами зла и устремляется в ад. Одновременно она теряет силу реальности и становится подобной сну, который потом превратится в кошмар. Такая метаморфоза свершается с каждым из нас, когда мы грешим, а мы живём в духе греха, так что всё это, в общем-то, относится целокупно ко всей земной жизни каждого из нас. Единственный выход из этого нарастающего кошмара заключается в покаянии как взгляде на себя и на эту жизнь. Даже в добре надо каяться, потому что оно соприкасается со злом, а потому непотребно. («Не может из одного и того же источника течь сразу и горькая, и сладкая вода», – говорит апостол Иаков.) для нас, как и для Самого Бога, приемлем только совершенный Свет, который ничего о зле не знает, в котором всё и всякое зло предано забвению. Зла нет, и если для нас оно есть, то наша жизнь вся, целиком нуждается в полном перерождении, в преображении. Вот к преображению и направлено покаяние. Покаяние – это экзистенциал. Покаяние – это истинное отношение человеческого духа к этой жизни, к той жизни, в которой все мы, каждый из нас себя обнаружил. В покаянии восстанавливается (постепенно) нарушенная связь человека с Богом и совершается спасение человека и мира силой Божьей. Поэтому земная жизнь – это поприще покаяния. А каяться нужно так, как будто сейчас ты умрёшь. Бойся, человек. Тебе угрожает нечто грозное, жуткое и вечное. И это есть то, что, оказывается, всю жизнь ты сам себе выбирал. Надо развеять этот кошмар.

15.03.98

Совесь близка к Богу, она ближе к нему сознания нашего. И Суд Божий подобен осуществлённому суду совести. Злодей, убитый на месте злодеяния, убит своей совестью. Потому и Микушевич говорил, что нет греха, если ты убьёшь человека, покушающегося, скажем, изнасиловать ребёнка: этот человек сам убил себя, свою душу, решившись на это страшное преступление. Герой, карающий мерзавцев, – это также образ их совести. Совесть не милует и не прощает. Милует и прощает Бог, предающий забвению наши грехи, сглаживающий их страшные, болезненные рубцы с нашей совести. В Его же руки да предадим себя во всякий день и час, наипаче же в тот день и час, когда будет душа наша разлучаться с бранным сим телом.

26.03.98

Земная внешняя красота двойственна и может служить как добру, так и злу. Поэтому вкус – явление поверхностное. Совесть неизмеримо глубже. Вкус – это инструмент, совесть – мерило. Бывает, что совесть заставляет пренебрегать вкусом.

26.03.98

В этой жизни мы недостойны красоты, нам даются только её начатки, семена, которые мы должны защищать, холить и лелеять, поливать и ухаживать за ними, верить в них и их любить, чтобы они дали всходы на закате жизни и принесли плоды в иных мирах, куда все мы с вами держим свой путь. А в этом мире красота часто бывает приманкой, привлекающей в духовную и нравственную западню. Всё-таки нужно быть аскетичным в эстетизме, потому что падкость на внешнюю красоту таит в себе грозную опасность для нашего жизненного пути. Надо быть чутким к красоте внутренней, её чтить и **за ней** следовать: уж она-то не обманет. А там, где нет ничего чужого и внешнего, где тьма внешняя предана забвению, где царит гармония, там то, что теперь внутреннее, станет и внешним, и не будет ни внутреннего, ни внешнего, а всё будет единым в любви, проникновении и гармонии.

26.03.98

Наш мир перевернут. Всё внешнее ущебно. Красота внешнего только лишний раз напоминает о нашей обездоленности. Истинная красота – внутренняя, духовная. А внешняя – только намёк и обещание.

28.03.98

Нужно быть довольным тем, что есть, и благодарить Бога и за хорошее, и за плохое, ибо «всяк дар совершен свыше есть, сходяй к нам от Отца светов», всё ведёт нас к той блаженной сверхкрасоте. Всему своё время. Совершенство достигается терпением. Чтобы прийти к красоте, нужно увидеть много некрасивого и всё покрыть верой и сокровенной любовью. Грязь внутренняя изничтожается грязью внешней. Вот Серафим Саровский, когда увидел небесные обители, говорил о неизреченной красоте. Говорят, чтобы спастись, достаточно благодушно, сохраняя в сердце веру и любовь, донести свой крест до конца. Надо хотя бы ползком доползти до той черты, не сходя только с пути, предуказанного нам, с того пути, на который мы позваны, каждый знает как.

29.03.98

Только тогда очищается чувство, когда соприкасается с красотой высшей, с красотой идеала. Достоевский

В человеке всегда живёт стремление к совершенному, но он перестаёт мириться с несовершенным лишь тогда, когда однажды хотя бы краешком соприкасается с сиянием ослепительного света. Потом ему уже не забыть этот свет. Всякое помрачение будет видаться ему кощунством.

лето 1995 года

Мы не знаем, с чем сравнивать нашу жизнь, у нас нет такого опыта, и потому наша жизнь может казаться нам нормальной. И только неистребимая сердечная тоска будет говорить, что что-то главное всегда не так. Мы не знаем, что единственно возможная мера – совершенный свет, сияющий, сверкающий, блистающий в Царстве Божиим. Это золотой фон православной иконы, это немолкнувший фон полного счастья нормального бытия. Вот это и есть мера. По-нашему, спасение. На этом фоне всё здешнее добро, вся здешняя красота, всё здешнее благородство – всё сплошь непотребно. Непотребны мы сами, живущие здесь. Вот откуда идёт покаяние. Было бы с нами всё хорошо, не было бы у нас такой жизни, не было бы всего того мрачного и горького, что нам приходится переживать, а был бы тот совершенный свет. Искреннее покаяние приходит только через касание к нему. Поэтому в покаянии действует животворящая надежда. Покаяние рождает истинную радость, чистую радость, которую все мы так ждём. Покаяние покрывает всё. Оно растворяет собою всю жизненную горечь, оно есть непрестанная связь с Божеством, мост отсюда в райскую вечность. Покаяние рождает прощение и нелече-

мерную любовь, даже к людям нехорошим, обидевшим нас. Покаяние упраздняет обиду. Оно есть сокрушение сердца, та жертва, которая благоугодна Богу. Покаянием человек снискивает спасающую Божью благодать.

29.03.98

Всё в жизни нужно мерить не по тому, как было или как могло бы быть, а по тому, как должно быть. А должно быть идеально (вернее, сверхидеально): именно идеал (сверхидеал) должен воплотиться в жизнь.

лето 1995 года

Вот что пишет отец Сергей Булгаков в своей книге «Православие»: «Нельзя отрицать, что всякий максимализм труднее минимализма, и в своих неудачах и искажениях может вести к худшим последствиям. Однако **негибка и максималистична сама истина** <курсив мой – Э.В.>, которая терпит неполноту своего осуществления, но не мирится с умалением и полустинами».. Если ты любишь Истину, ты ничем в этой жизни не должен удовлетворяться, а должен с великою ревностью искать, просить, стучать и идти без устали, каждый день, с первого мгновения после пробуждения и до последнего мгновения перед засыпанием (а потом, даст Бог, даже и во сне), падая и снова поднимаясь без счёта, молясь непрестанно этой Живой и Личностной Истине. Величайшая подлость, а вместе с тем и пошлость, всякое чувство удовлетворения, соединённое с самодовольством. Только Сам Бог, иногда, вместе с чувством усталости, может давать облегчение касанием животворной Своей Силы и какое-то преддверие покоя в Духе Святом. Но тогда никакое самодовольство невозможно. Внутренний компромисс с несовершенством этой жизни заключает в себе грозную опасность для души человека, подрезая ей крылья, закрывая врата в Царствие Божие. Кесарю кесарево – мы здесь живём, но Богу Богово – Истина должна оставаться Истиной и должна признаваться единственно должной, со всеми вытекающими отсюда следствиями в жизненных установках и практических предпочтениях, не говоря уже о душевных расположениях и устремлениях. Нужно буквально хвататься за воздух, дышать ароматом поэзии, питаться отсветом правды Божьей. Тому, кто желает жить по правде Божьей, Бог даёт ощутить поэзию жизни, даёт быть пьяным без вина, даёт упиваться восторгом Своей правды, правды иных миров. Это героизм. Это подвиг веры, огонь, долженствующий охватить всю жизнь и всего человека. А потом тот воздух, за который ты хватался, станет землёй, на которую ты твёрдо встанешь, той новой землёй, которая обещана нам через Апостола Иоанна Богослова. А то невидимое Небо, к которому ты стремился, станет тем новым небом, под которым ты будешь жить и в которое вечно будешь погружаться.

29.03.98

Есть подлинный личный духовный опыт, который разум не может судить, а может только осмысливать. Тот, кто не знает, что это за опыт, пусть молчит в тряпочку, ибо и ему также двери открыты, но он не хочет идти, не хочет искать, не хочет стучать, не хочет просить. Ну и сиди, где сидишь.

30.03.98

Бог – это не внешнее. В глубинах совести и в основаниях всяческой правды, в том числе и твоей личностной правды, надо искать приближения к Богу. Покорность совести, её голосу – рабство ли это? Страх Божий, ощущение благоговения перед Ним и страх чем-либо Его оскорбить – это высшее достоинство человека, проявление его духовной природы. Самое страшное наказание заключается в потере чувства святости, когда душа человека попадает в такой мир, где нет ничего святого, и то, что раньше было свято, становится пустым и мёртвым. Это самое страшное наказание, отлучение человека от лица Божия, это внутренняя катастрофа. Безбожники живут так всю свою жизнь. В лучшем случае вместо святости творят себе идолов, перед

которыми и благоговеют.. Таким единственным чёрным идолом может стать смерть, которая одна бывает способна пробить коросту очерстевшей души безбожника. Но душа может умереть и вовсе, и уже ничего не будет трогать её.

31.03.98

Ничто так не удаляет от Бога, ничто так не препятствует установлению отношений взаимопонимания с Ним, как попытка Его объективировать и рассматривать как нечто внешнее. Вот как будто бы есть тьма внешняя, «где плач и скрежет зубов», место обитания падших духов. Только оттуда Бог – внешнее. Понятно, конечно, откуда исходят мысли о несвободе и рабстве, связанных с религией. Божье в человеке мешает бесовскому в человеке и связывает его, ибо мешает обмануть человека и овладеть им. Вот и начинают верещать о «рабстве», о «несвободе». А человек сотворён пребывающим в гармонии с Богом. Но вот мы видим себя, пребывающих во грехе, прозябающих в рабстве греха и отпадения от Бога. В таком состоянии рабство Богу означает, что положен предел власти греха и страстей, и человек вступил на путь обретения первозданной гармонии, в которой обретается его истинное Я. Но грех пронизывает наше существо, и поэтому борьба с ним болезненна для нас. Но глубоко благословенна. Благословение это поднимается из наших глубин и укрепляет нас в нашем нелёгком, «узком» и «тесном» пути. А потом забрезжит сладчайшее сияние Царства Божия, и мы, пленённые им, станем наёмниками, ждущими своей неизреченной награды и всё делающими с радостью ради неё. Но ведь награду эту даёт живой Бог, и это даже не награда, это то Царство, которое уготовано нам от сложения мира, и это Царство бесконечно во все стороны, и всё в нём пронизано Им, Его всеблаженным присутствием. Он – Причина нашего бесконечного счастья. Он – наша истинная и последняя Радость. И мы осознаём себя Его детьми, наёмник становится сыном. Но сначала рабство. Через ступени этой лестницы прыгать не рекомендуется. Можно упасть больно. Она благодатная, эта лестница. На ней всюду хорошо. Потихонечку, потихонечку... Нас, немощных, поддержат и руку дадут, когда надо будет идти дальше вверх, когда придёт своё время и свой срок. У Бога на всё свои сроки...

Рядом с Богом все слова как бы преображаются, меняют свой привычный смысл: и раб уже не раб, и страх не страх, и гнев не гнев. И даже любовь Божия – это уже что-то другое. Раб Божий прежде всего уже не раб греха. Он признаёт себя зависимым только от Бога. Но Бог – это свобода. Только в Боге человек может быть свободным. Это одно из определений Бога, человека и свободы. Мы так созданы. В одном моём стихотворении есть такая строчка: «Пленённым быть лучом надежды, // Что слышен в месяц раз один». Это очень похоже на то, о чём я говорю. Можно ли быть у надежды в рабстве? У той самой светлой и пронзающей надежды? Нет. Ибо она не посрамит. Рабство Богу – это выход из рабства, это вкушение свободы.

1.04.98

Если человек доволен собой и данностью, то он погрязает в болоте, из которого нет выхода иного, кроме как через недовольство и беспокойство, через тоску и покаяние. С самодовольным человеком невозможно и бессмысленно общаться. Он подобен чёрной воронке водоворота в небытие, который затягивает внутрь себя всё, что оказывается поблизости. Если же человек начинает ощущать недовольство и тоску, то ему надо открываться и начинать искать, стучать и просить, ибо сам он себя из этого марева не выведет. Как бы то ни было, мы существа ограниченные, подмерные и подсудные, при всём нашем Божественном происхождении. И поэтому нам как воздух необходимо смирение. Смирение – это наша открытость реальности, которая превышает нас, ибо она сказочна, захватывающая и грандиозна. Не будет смирения – так и будешь сидеть наедине с самим собой, созерцая свой собственный пуп и считая себя пупом земли, будешь вариться в собственном соку, потихонечку тухнуть и не узнаешь в этой жизни, что есть нечто более высокое и прекрасное, более реальное, чем ты сам. Узнаешь ли

тогда ты это в другой жизни – вот вопрос. И если узнаешь, то будет ли это открытие радостным для тебя?

2.04.98

В мире так мало любви и благодати потому, что люди мало любят Невидимого Бога, Который есть Любовь, невидимую Божью Матерь, невидимых святых и невидимых Ангелов, которые суть источники любви и живоносной силы сердечной.

2.04.98

Вера есть тот луч, по которому мы идём Домой. «Вера есть обличение вещей невидимых и уповаемых (то есть того, на что уповаем) извещение», – примерно так говорит Апостол Павел. Владимир Николаевич Лосский писал, что после грехопадения ум человека как бы перевернулся и вместо того, чтобы отражать вечность, воспринимая и передавая окружающему миру силу Божьей благодати, он теперь «отображает в себе бесформенную материю». Последствием грехопадения явилось то, что мы не имеем того, в чём нуждаемся для полноценного бытия, а имеем то, что нам не нужно, что давит и ломает нас. Таково всё видимое. Родное для нас невидимо. И есть только вера как дар Божий, как возможность оставаться верным самому себе. Вера даёт нам предощутить родное, невидимое, то, на что мы с верою уповаем. Это есть извещение родного о себе. А наша истинная Родина – это небесное Отечество, где наши истинные отцы, все, от Авраама, Исаака и Иакова. Вера есть реальная и грандиозная связь с ними. Мы идём в этой жизни по лучу над бездной, держась за воздух. Но нет ничего крепче этого луча, который грядёт просветлить бездну. А то, за что мы в этом воздухе держимся, что невидимо и несущественно для других, в конце концов опрокинет наш бедный ум, наше бедное сознание обратно, не в сон, не в муть, а в истинную явь и реальность, и станет новой землёй и новым небом, бесконечной обителью Правды и вечным торжеством Истины.

7.04.98

Вера не может быть передана по наследству. Вера свободно стяжается человеком через собственный духовный опыт. Хорошо, если этот опыт, по молитвам родителей, приходит ещё в детстве. Тогда жизнь человека будет суперцелостна. Но если ты рождён и воспитан во мраке безверия, в неведении о Боге, в исключительной ориентации на внешнее, что может вывести тебя к вере? Ответ один – верность самому себе и железное упрямство. Ты должен быть способен противостоять всему миру, всему тому миру, в котором ты живёшь и который кажется тебе единственно возможным. В этом перевёрнутом мире покажется, что ты предпочёл небытие бытию. Родные атеисты посмотрят на тебя с тем же ужасом, с каким смотрят на сумасшедшего, на тихо двинувшегося человека. К вере невозможно прийти иначе, как через подвиг. Потребность и способность верить составляет самую суть человека на земле, надо быть только верным себе, хотя бы и в полной пустоте, и не соглашаться на то, что убивает в тебе тебя. Для этого требуется мужество прежде всего, квинтэссенция мужества, воинственность духа. Этого требует от человека Бог. И тогда начнёт открываться другой мир, настоящий, родной. «Приблизьтесь ко Мне, и Я приближусь к вам», – говорит Господь.

8.04.98

Вера – это не успокоение и не конец поиска. Вера – это конец хаотического поиска во всех направлениях, это начало пути, ибо путь невозможен без веры. Даёт силы жить только вера. Это источник терпения и творчества, жизнь как стояние в вере. Вера связывает эту жизнь с жизнью вечной, определяя наш труд, наше к нему отношение и наделяя его подлинным смыслом. Это терпение или творчество. Терпение есть внутреннее творчество.

8.04.98

Внешнее – это крайняя периферия реальности. Неясно вообще, существует ли внешнее как таковое. К реальности приходят, пренебрегая внешним.

10.04.98

Показывающий истину внушает веру в неё. Блез Паскаль

Ибо истина всепобеждающая. Не нужно и бесполезно много говорить о ней, но нужно стать способным показывать её другим.

лето 1995 года

Истина имеет силу реальности, а реальность развеивает, когда приходит, все наши мутные сложности и высосанный из пальца кошмар нашей жизни. Надо всегда радоваться, веря в вечное торжество Истины. Даже Крест Христов и страдания Спасителя не упраздняют духовной радости. «Се бо прииде крестом радость всему миру», – поёт Церковь на каждой всенощной, в субботу вечером. Истина несёт с собой радость и вечное обновление. В этом мире связь с Истиной бодрит человека, помимо всего внешнего мира и часто вопреки ему. В том мире Истина принесёт ликование.

12.04.98

Ради Истины надо быть готовым принять всё. Ведь какая радость – потерпеть с братьями за Истину! При жизни ощутить себя на небесах. Это прорыв и освобождение. Такую радость нужно ещё заслужить. Только избранные Божии устаиваются мученического венца. Одним из таковых оказался отец Александр Мень. И ещё отец Павел Флоренский. Их молитвами да возгорится и в наших сердцах этот пьянящий, упоивающий и освящающий огонь. Они уже там. И мы иногда можем радоваться их радостью. Куда ещё стремиться душам нашим, как не к ним, в страну святых и праведников, радости и чистоты, правды и Истины...

12.04.98

Каково Богу от всех наших страданий? Он сострадает нам, как сострадал и в земной Своей жизни. Но это сострадание не мешает Его спокойствию. Посмотрите на нерукотворный образ Спасителя, на лик Христов. Этот Божественный Лик должен давать нам силы претерпевать всю горечь этой жизни. Этот Лик являет нам нашу собственную глубину, где мы знаем Христа. Ничто не должно нарушать этого спокойствия. Наши страдания, телесные и душевные, и прежде всего душевные, не должны поднимать муть внутри нас. Спокойствие превыше всего – святое спокойствие, мир душевный. Только в мире есть место Богу. «В мире место Его» (псалом 75, 3-й стих; «Салим» – это «мир»).

12.04.98

Мы радуемся, постигая Истину. Если же радости нет, это означает, что мы только знакомы с Истиной, но не сумели постичь её. (!) Рабиндранат Тагор, индийский поэт

Истина несёт радость. Истина освобождает. Истина просвещает. Истина побеждает и торжествует. Нет ничего слаще Истины, ибо она безгранична и нет в ней никакой тьмы. Истина – свет человеков. Ищи её, поставь Истину превыше всего, и главное – превыше себя самого, пусть это будет твоя природа, и ты станешь нескисае́м и несокрушим, а Бог насытит твой голод и утолит твою жажду.

13.04.98

Как важно сохранять спокойствие! Никогда не ликовать прежде времени. В этом мире – только бодрость.

13.04.98

«Где просто, там ангелов со сто, а где сложно – там ни одного», – говорил Амвросий Оптинский. Простота значит естественность, органичность, благословенность. Для простоты не нужно спешить. Истинное неудержимо и несомненно. Христос говорил, что от избытка сердца отверзаются уста. Чтобы быть простым, надо много молчать. И тогда каждое слово твоё будет с силой. Ещё, по моему опыту, не надо спешить разрешать сложные жизненные проблемы, как глобального, бытийственного, так и локального, житейского характера.. Сложная проблема зачастую оказывается проблемой ложной, и время само всё ставит на свои места, без твоего участия. Это справедливо и в сложных отношениях с людьми, и с работой, и с самыми пронзительными вопросами нашего бытия: «Кто я?», «Что происходит?», «Откуда я?», «Куда я иду?», «Где я?», «Что мне делать?». Всему своё время, не надо спешить. Всё истинное просто. Когда надо будет, всё просто откроется. Тому порукой Бог, ведущий нас сквозь это бытие. Надо доверять Ему.

13.04.98

Истина никому себя не навязывает. К ней можно приблизиться и её можно постичь только свободно, возлюбив её всей силой своего существа. Истина неотделима от свободы. Она освобождает того, кто приобщился ей. Единственная сила, которой воздействует Истина на людей, – это сила Правды. Кто любит правду, тот любит Истину. Сила Правды действует на сердце человека, поэтому Правда в этом мире легко может быть поправа. Но сам этот мир неистинен, вся его «правда» суетна и брэнна. Истина в этом мире действует, мы с нею встречаемся, мы знаем, т. е. знакомы с ней. Но узнаём ли? Ещё раз: никакого насилия над человеком. Только сила великой внутренней правды. Если откликнется сердце, пронзится, уязвится любовью, загорится ревностью к стяжанию внутрь того, что явилось вовне, – человек приобщается к Истине, становится родным ей, вступает в безмерную Духовную Вселенную, уготованную нам от сложения мира. Но и сам он не сможет никому навязать то, к чему приобщился. Он, царь, вступивший во владение своим бесконечным и необъятным царством, будет тих, кроток и смиренен. И кто узнает в нём явление Истины? Ибо всякий самый смиренный и малый слугитель Божественной Правды есть уже и царь, сын Божий и владыка Вселенной. Что грядёт раскрыться нам? Вечность.

15.04.98

Личности надо отречься от себя для того, чтобы сделаться сосудом истины, забыть себя, чтобы не стеснять её собою. Герцен

То, от чего нужно отречься, – это не я, это только моё низшее проявление в этом мире. Сам Я рядом с Истиной, но отстранён от себя теперешнего.

лето 1995 года

То, что о самоотречении ради Истины говорит Герцен, – человек, заблуждающийся в своей жизни, – указывает на то, что отречься от себя можно и ради какой-то идеи, далёкой от Истины. Зачастую при этом человек отрекается от человеческого в себе. Самоотречение истинное, по-моему, – это забвение себя, радостное забвение, от полноты. Выход из себя – это и есть истинное Я. Всякая мысль о себе ложна, ложно самоощущение себя. Поэтому каждый взгляд на себя должен быть сопряжён с покаянием. Иначе ты попадаешь в плен к себе, хотя бы в чём-то отождествившись с собою. Кто Я? Я – это радость, это Вселенная, это Истина, это судьба мира, это Христос. А что такое эта данность моя? Это не Я. Я погибну, если останусь собою. Я должен выйти из себя, забыть о себе и от себя отречься, чтобы стать живым и настоящим, чтобы приобщиться к истинному Я, к своему первообразу, чтобы стать Я. Первый шаг на пути к этому – семья. Первый реальный шаг. До этого – только подготовка к началу пути. Но это только начало. Христос сказал, что сбережёт свою душу только тот, кто отречётся от себя ради Него. Вот сейчас Страстная Седмица. Говорят, что события конца земного пути

Иисуса Христа – это ключ к вечной судьбе каждого из нас. Центр Я – две тысячи лет назад. Но время рассеивается, как туман, в лучах Богочеловеческой правды. Всё это свершается сейчас. Расступись, плоть! Я выйду из себя ко Христу.

16 апреля 1998 года. Великий Четверток. Воспоминание Тайной Вечери.

Теперь можно дополнить: от Бога – «мы», «я» – от лукавого. Сам Бог говорит о Себе «Мы», потому что Он – Троица.

25.01.2020

Нас часто упрекают в нетерпимости, желая, чтобы мы никого не беспокоили своим осуждением. Но подлинные убеждения не могут не проявляться в жизни. И невозможно бывает разделить с кем бы то ни было то, что противно твоему существу. Не стоит никого осуждать, но в том, что противно твоей сущности, участвовать нельзя. А бывает так, что просто молчаливое присутствие оказывается той или иной степенью участия. Поэтому пусть не обижаются на нас те, с кем мы избегаем встречаться и общаться. Вы выбрали свой путь, идите по нему. Но нас вы на этом пути не встретите. А если вдруг мы с вами пересечёмся, то ненадолго: мы должны будем отмежеваться от вашего пути, чтобы не повредиться вместе с вами. Это просто наша защита.

16.04.98

Неблагородно, неразумно и рискованно мерить самого себя только собой. Я – это выход из себя. Николай Онуфриевич Лосский писал, что человек всегда стремится к объективным ценностям, а удовольствие – это лишь симптом их достижения. Причём, конечно, не всякое удовольствие. Есть иерархия удовольствий, в которой не подобает низшие из них предпочитать высшим. Хорошо, конечно, бывает покушать, поспать, посмотреть что-нибудь хорошее по телевизору, но ставить это во главу угла, очевидно, нехорошо. Наоборот, иногда можно и недоспать, и покушать не досыта и не так вкусно, и от телевизора воздержаться ради высших, духовных целей. Но самое главное – это то, что меря всё удовольствием, ты закливаешься на себе. А это смертельно опасно. И в молитве не советуют прислушиваться к своим ощущениям, и в духовной жизни предостерегают гоняться за внутренней усладой. Бог глубже всех удовольствий. Связь с Ним – в стремлении к нему. Если ты помнишь о Нём, ты с Ним. Ты молишься – это Он побуждает тебя на молитву, и одновременно это высшее проявление твоей свободы. Потому что Он – Освободитель. И если Он даёт, то не удовольствие. Он даёт блаженство. А блаженство – это вечное погружение в Другое, которое есть Бог.

18.04.98

Нельзя ставить на одну доску счастье и несчастье, радость и горе, добро и зло. Там, где добро борется со злом, там добро ущербно. Таково наше человеческое добро, наше человеческое счастье, наша человеческая радость. Счастье ничего не должно знать о несчастье, радость ничего не должна знать о горе, добро ничего не должно знать о зле. Как вся тьма тает и испаряется при ярком свете, так исчезает горе, несчастье и зло и всякое представление о его силе, когда приходит истинный и лучезарный Свет, который есть Слава Божия. Всё мрачное и горькое – бесконечно малая, исчезающая величина в этом свете, как тараканы бега в космическом ходе планет. Нас терзают в нашем зародышевом, эмбриональном состоянии. Мы в нашей жизни опытно знаем лишь маленькие огоньки того Света. Всё остальное – дуновения и преддверия, подготавливающие нас к тому, что мы родимся.

18.04.98

Жизнь, в которой есть место злу и страданию, не может быть настоящей. Поэтому наша жизнь временна и обречена на смерть. Всё здесь имеет конец и начало. Но по-настоящему кончается только зло. Всё доброе и хорошее имеет своё продолжение в вечности и коренится

в ней. Поэтому зло есть наваждение. Всё злое продолжается в аду. Но сама адская вечность – пародия на истинную вечность. Ад нельзя ставить рядом с раем: они несопоставимы. Реален рай. Для кого есть рай, для того нет ада. «Смерть! Где твоё жало? Ад! Где твоя победа?»

19.04.98

Святитель Игнатий Брянчанинов говорит: «Ад есть, и мука вечная есть; благочестивою жизнью сделай их для себя несуществующими!» Всё не так просто, когда речь заходит о духовных предметах. Всё становится тонко, неоднородно и неоднозначно. И в то же время всё очень просто, непосредственным чувством всё легко понять.

1.11.99

Микушевич, говоря об известных словах Гёте «остановись, мгновенье!», указал на неправильность перевода этих слов: на самом деле, там написано: «Продлись, мгновенье!», – что, по словам Микушевича, и соответствует райской вечности. А «остановись, мгновенье» – это ад. Мы знаем, как долго иногда тянется время. Это худшие минуты жизни, когда особенно остро ощущаешь ход времени падшего сего бытия. И наоборот, как хорошо, когда время летит незаметно. Особенно это хорошо заметно на работе. Если на работе время летит быстро, значит, работа хорошая. Если время тянется на работе – ты в беде. Так бывает, в частности, когда на работе приходится бездельничать или чего-то ждать. Работа такая – это, конечно, адская щель. Вообще, жизнь коротка, если ты спасаешься, и длинна, чтобы мало-помалу в ней погибнуть. И ещё – «она пролетела, не успел и глазом моргнуть», если погибаешь, и «многое позади», если спасаешься. Можно предполагать, что ад – это остановка во времени, а рай – это полёт над временем. Время же – это борьба ада и рая. Ад – это гипертрофированное время. Я не могу поверить, что из ада нет выхода. Пока мы живы, выход есть. Что будет после смерти, я не знаю. Но Церковь говорит, что Христос разрушил ад, открыл его и вывел оттуда ветхозаветных праведников. Что будет с нами, я не знаю тоже. Но если здесь жить с Богом, то и там ты будешь с Богом. Более этого нам знать пока не нужно.

20.04.98

Вчера по «Радонежу» услышал, как отец Сергей Правдолюбов говорил, что Христос, сойдя во ад, разрушил его и вывел оттуда всех, кто хотел выйти.. Получается, праведник – это тот, кто хочет выйти из ада. А неправедник из ада выходить не хочет. Микушевич любит вспоминать анекдот, в котором говорится, что в раю лучше климат, а в аду лучше общество. По тому же «Радонежу» другой священник говорил, что вот многие люди хорошо себя чувствуют в местах, которые христианину кажутся очень похожими на ад (например, на дискотеках или в казино), и их тянет туда. Христианство говорит, что ад – это свободный выбор. И ещё – проявление Божьего милосердия для тех, кто не может вынести и вместить райского Света.

А как же страдания? Я думаю, что ад совсем не обязательно связан с какими-то болевыми ощущениями (хотя и это не исключено). Самое жуткое в аду другое. Мы знаем, что страдания в этом мире очищают душу. Скорби, лишения и боль становятся адским состоянием лишь при некоторых условиях, а именно при ропоте и недовольстве, при нежелании терпеть. При благодушном перенесении этих тягот человек просветляется изнутри и получает благой плод душевных добродетелей. Можно сказать даже, что такие испытания – это подарок Бога человеку. Почему подарок? Потому что страшней всего было бы, если бы этих испытаний не было. Если бы мы были предоставлены самим себе. Ещё хуже было бы, если бы не было плоти. Я думаю, наши хаотические и бестолковые сны, с забвением всего и вся, дают нам какое-то представление об аде. Мы находимся в области падших духов, от которых нас ограждает только плоть и связанные с нею тяготы и скорби, за которые мы должны благодарить Создателя, вос-

ходя по ним, как по лестнице, в наше утерянное Небесное Отечество, «идеже несть печаль и воздыхание, но жизнь бесконечная».

24.04.98

Страшно пребывать в духовном мраке, считая уродство и грязь, страх и наживу, болото и гордыню нормой. Такова жизнь вне духа, в области действия падших духов, порабошающих человека. Страшно и беспросветно так жить. И на этом фоне жёсткое и безжалостное зло – почти благородство, почти высота. По крайней мере, оно ближе к покаянию и перерождению, чем самодовольное болото беспросветного и как будто вечного житейского прозябания, буржуазности и мещанства. Не верует тот, кто не хочет верить, кому и так не очень-то плохо живётся. Хотя бы и в болоте.

27.04.98

Избыток зла порождает добро. Перси Биши Шелли (1792—1822), английский поэт-романтик

Зло — это как сковородка, с которой ты прыгаешь вверх и которая постоянно поддерживает твой пыл.

лето 1995 года

Зло внешнее – это всего лишь честность, правдивость жизни по отношению к тебе. Ведь внутри тебя зло уже есть, и оно мучает тебя изнутри. Зло внешнее – это его выход наружу. Страшно было бы, если бы зло и муки так бы и оставались внутри, а внешняя жизнь была бы комфортна и беспечальна. Это худшая казнь. Когда зло переходит вовне, есть шанс освободиться от зла внутреннего, очиститься, стать цельным, живым и духовно здоровым. Мы самого страшного не видим, оно внутри нас. Испытания – возможность освободиться, подарок тебе от Бога.

28.04.98

Зло всегда в избытке. Само его существование – уже избыток зла.
Больше всего добра порождает сверхдобро.

лето 1995 года

Зло само на себя вопиёт к Богу. Его уже нет, оно потонуло в сверхдobre, которое явил нам Сын Божий в Своём Воскресении. Чтобы понять уже свершившуюся победу над злом, надо приобщиться к Воскресению Христову. Теперь это даже уже не тьма, а как бы предутренний туман.

28.04.98

Наше добро смешалось со злом, потому оно непотребно для Бога и для нас самих. Лишь то добро не обесценивается тлетворными примесями, которое делается ради Бога, во исполнение Его Воли. В этом добре уже участвует Он Сам, входя и заполняя тебя, как Свой сосуд. И тогда ты откроешь, тебе откроют истинное Добро, для которого нет зла и мрака, но всё восходит к Нему.

5.11.99

Настоящее добро для нас связано с самоотвержением, в котором и ощущается присутствие зла, зла, которое отвергнуто и отвергается вновь и вновь. Но необходимость самоотвержения существует лишь потому, что испорчено наше «само», наша наличная сознательная данность. Человек склонен считать себя тем, что не есть он. Отвержение этой склонности и есть самоотвержение. Но в истинном бытии нет этой иллюзии «само» и отвергать нечего. Духи добра совершенно светлы, иначе не было бы добра. Сам Бог есть «Свет, в котором нет

никакой тьмы». Такими должны были быть, а теперь должны стать и мы. Это есть святость. Но к святости призван каждый.. Сколько людей на свете, столько возможных типов святости. Мне кажется, что тот, кто свят, тот не помнит в себе зла, даже если оно когда-то и было в нем. Для святого зло – уже только во внешнем.

4.05.98

Живя в этом мире и в этом теле, такие, какие мы есть, мы находимся в мрачном плену, выражающемся в наших повседневных действиях и обыденных состояниях. Только внутреннее духовное горение делает этот плен не до конца мрачным и безвыходным. Мы выброшены в пространство времени, внешности и зла. Это отпечатывается и во внутреннем мире. И князь мира, имеющий власть над мраком, говорит каждому из нас, как некогда неправедные судьи говорили первым христианам: «Поклонись идолу, и я освобожу тебя, и награжу, и почту милостью своею. Примкни ко злу, и будешь свободен, получишь полноту и яркость жизни». Но лучше до смерти жить в мрачной пустыне, чем принять такое предложение и стать отступником. Ведь мы посланцы Абсолютного Добра.. Мы воины Света. Нам держать ответ перед нашим Военноначальником, строгие приказы которого мы всякий раз слышим в своём сердце через совесть. Будем же с благоговейным трепетом повиноваться Ему, и Он тогда уже почитит нас своей истинно Царской милостью.

4.05.98

Я верю в то, что на земле можно приблизиться к Царствию Божьему и что некое явление сверхдобра может обратить сердца всех. Я очень в это верю.

Я отказываюсь верить в зло, в его силу и в его необходимость. Это ошибка, иллюзия, обман, которым опутаны мы в своей жизни, густой и едкий, но бесплотный дым, который должен когда-нибудь развеяться.

4.05.98

На добро отвечать добром дело каждого, а на зло добром – дело отважного. Туркменская пословица

Заповеди сверхдобра – это не только заповеди любви, но и великого мужества и бесстрашия перед злом. *лето 1995 года*

Апостол Павел писал: «Не побеждайся злом, но побеждай зло добром». Тяжёлая это наука, но изучать её необходимо, иначе злая стихия захлестнёт тебя, и ты потеряешь себя. Начинать надо с того, чтобы превозмогать добрыми сердечными расположениями то огненное и злое, что накатывает на душу изнутри (но на самом деле это извне). В этом смысле надо быть верным самому себе. Злые чувства несут с собой тяжесть, одно это должно отвращать от них.. А добро всегда легко, в нём легко и свободно дышится. Может быть страх того, что зло раздавит тебя, но на самом деле оно тебя раздавит, если ты подчинишься ему, вступишь в себя и начнёшь действовать по его правилам. Это будет поражение. А если пребудешь неколебим в добре, не изменишь ему и перетерпишь искушение ответить в том же злом духе, тогда зло не заденет тебя, пройдёт, ничего с тебя не поимев, и уйдёт, не солоно хлебавши. А ты же внутри себя взойдёшь на новую духовную высоту, маленький вершочек роста духовного тебе прибавится, и заметишь ты в своей душе благой плод своего доброго терпения, плод же этот воистину сладок.

5.05.98

Самое главное – не запускать зло внутрь себя, быть непоколебимым во внутреннем мире, тишине, добре. Тогда многое станет возможным. Такая добрая сила приходит к человеку не сразу, а после долгой борьбы с самим собой за правду любви и добра. Но всякое зло излечивается только на этом пути, это путь милости и прощения. И всякая, каждая ниточка,

связывающая нас с другим человеком, должна таким образом стать ниточкой, связующей нас с раем. А иначе она станет канатом или цепью, влекущей нас в ад, связывающей нас с адом. Эту проблему, это множество проблем, по числу людей, которых мы знаем, неизбежно предстоит решить в течение этой жизни, выбор должен быть сделан. Потому что с каждым человеком мы связаны в вечности и не избавимся ни от кого. Так что у благоразумного человека нет выбора, кроме как становиться рыцарем добра. Правда, всегда есть выбор между благоразумием и безумием. Множество людей выбирают последнее. Злоба и холод ведут вникуда.

6.05.98

Великая радость заключается в том, когда тебя начинают гнать за правду, за высшую правду. Царство Божие тогда вселяется внутрь тебя, и глупо становится чего-либо бояться. Жизнь осознаётся странничеством (а она такова и есть), и бездомность веселит (а где у нас здесь дом?), и смерть близка, как выход в двух шагах. Свобода!...

6.05.98

Чтобы посвятить свою жизнь Богу, надо всегда приносить себя в жертву, надо жертвовать собой. Потому что жизнь устроена так, что или тебя все гнут, или ты сам гнёшь всех, а если ты их гнёшь, то сам автоматически становишься хуже их. Христос пришел в этот мир и повис на кресте, отдал Себя на крест. Это и есть истинный образ посвящения себя Богу. Таким путём ты уподобляешься Самому Богу, Который, живя здесь, считал нужным вести себя именно так.. Ты уже вместе с Ним как бы разделяешь Его Крест и (как знать?), может быть, облегчаешь Ему его. А разделяя с Богом Его Крест, ты поделишь с Ним и Его Воскресение, и Божественную Его Славу, ты обожествишь, а точнее – обожиишь своё существо. Так, через крест, в смирении и умалении, Бог приходит в этот мир. К тому же Он призывает и тех, кто любит Его.

6.05.98

Если уж нас так отвращает зло, почему мы так легко прощаем себе это зло, почему не презираем и не осуждаем себя за него? Как можно так просто мириться с тем, что эта мерзость действует и через тебя, через твои страсти, твой холод и твоё равнодушие?

лето 1995 года

Прежде чем зло начинает действовать, ему нужно очистить для себя атмосферу. Всё на свете происходит постепенно, но только с большей или меньшей скоростью. Зло не сразу входит в душу. Сначала, чаще всего очень постепенно, начинает нагнетаться атмосфера вокруг тебя, тебе становится всё тяжелее и тяжелее, всё безрадостнее и безрадостнее. В том-то и дело, что когда человеку хорошо на душе, и настроение приподнятое, он злым не будет. Сначала надо, чтобы ему стало очень плохо. И так вот бывает: в какое-нибудь утро так не мил станет белый свет, так всё станет тяжело и неподъёмно, так в душе затеснит да заночует, что уж и самую малость стерпеть не сможешь. А если раз раздражился, то дальше уже пошло-поехало, и не остановить. Тот же самый механизм действует и во всех остальных случаях, когда невидимые лукавые духи пытаются хорошего и доброго человека сделать злым. И что в таких случаях надо помнить. Прежде всего, ни в коем случае не надо забывать, что это искушение, что все эти чувства – неправда. Их надо благодушно перетерпеть, и они пройдут, испарятся без следа, а ты, перетерпев, станешь сильнее и крепче в добре. Станешь царственнее, я бы даже сказал. И ни в коем случае не нужно открывать рот в это время и давать слово тому духу, чьё близкое присутствие ты теперь ощущаешь. Дух этот зловонный, и всякое слово, которое ты в нём произнесёшь, будет пропитано ядом. Серафим Саровский писал: «Переноси оскорбления врага молча». И в этом совете глубокий смысл. А как часто оскорбляет нас невидимый враг (именно о нём говорил преподобный Серафим)! Всякое тяжёлое чувство и тяжкое ощущение – это его невидимое, но близкое присутствие. И надо не верить той атмосфере, которую он наве-

вает. Иногда даже краткое слово живой молитвы развеивает её; или она отступает на краткое время, чтобы потом навалиться опять. Но к вечеру всё пройдёт точно. А может, и раньше. И если будешь чуток и трезвенен, сможешь ощутить даже внутри этой тьмы, что это наваждение. И тогда радость будет глубже этого тяжёлого чувства, и твоя вера будет бодрить тебя.

6.05.98

У Достоевского зло бездонно и ужасающе, и тем не менее, всегда создаётся ощущение неизбежной победы Света. В творчестве не нужно сластить действительность, но нужно перед лицом того ужаса, который нам известен, обнаружить силы Света, могущие победить эту тьму и просветлить эту бездну.

лето 1995 года

Не нужно бояться зла, ужаса и безобразия. Свет сильнее и реальнее тьмы, и каждый должен убедиться в этом опытно. Перед настоящим ужасом и мраком реально обнаруживает себя сила Божия, если ты захочешь, чтобы она обнаружилась. Более того, это тот момент, когда срываются маски и снимаются покровы. Те же самые силы действуют и в повседневности, но они закамуфлированы, и мы остаёмся как бы в полной пустоте. Но на самом деле это состояние полной свободы выбора. Когда выберешь, всё станет более однозначно и определённо.

6.05.98

Зло действует гипнотически. Оно прежде всего желает отнять нашу свободу, сделать из нас рабов. Когда Бог попускает страшные искушения, мрак пытается ошеломить нас своей видимой мощью, внушить страх, который есть как бы противовера. И вот тут испытание твоей свободы. Если в этот момент ты прибегнешь к Богу, Он защитит тебя от насилия зла, от силы его гипноза. Вера – наше оружие. Призови Бога с верой в сердце своём, и ты познаешь истинную мощь, внутреннюю, невидимую, но реальную. И ты победишь страх. Это путь мученичества. Это великое торжество. И тут я умолкаю, потому что недостойн говорить об этом.

3.02.2000

Не верит в добро тот, кто не знает, что же это такое, какая в нём сила и как пронзает оно всего человека. Сначала добру надо смиренно прислуживать, потом служить, а потом сам ты станешь его символом и его источником, его обителем. Добро вырастает из любви, как дерево из земли, за добром стоит и просвечивается через него бесконечная Духовная Вселенная, не искажённая злом и мраком. Через добрый дух человеку открывается простор для полёта души, человек может стать творцом, ему начнут открываться тайны бытия. В добре растворена жизнь человека, вне добра он не найдёт себя.

6.05.98

Добро освобождает и возвращает к самому себе, приобщает к реальности. Реальность же сказочна. Если бы не было этой сказки реальности, добро было бы совершенно беззащитно, беспомощно и бесперспективно, а значит и не нужно. Таково добро людей неверующих, безблагодатное их добро, либо раздувающее их самомнение и поддерживающее его, либо, если оно бескорыстно и связано с сердечным чувством, глубоко трагичное, как искры света в полном мраке. Святой Серафим Саровский говорит, что Богу угодно не добро ради добра, свойственное хорошим людям из неверующих, Ему угодно добро, делаемое ради него Самого, ради Бога и любви к Нему. Это истинное добро, освящающее всё и указующее путь в Царствие Божие, зовущее в него. Бескорыстное добро атеистов не остаётся без награды, потому что и оно есть всё-таки добро, но только не спасительное. Бог даёт таким людям возможность познать Его и войти с Ним в общение, Он указывает им путь ко спасению, указывает через сердце, через живые опытные чувства, Он открывает им врата Церкви, до этого для них закрытые по их неверию. И уже им выбирать: ответить ли на Божий призыв, данный им в награду за их малый

человеческий свет, или пройти мимо. Все мы знаем таких добрых людей, приходящих в конце концов к Богу, иногда под старость. Спаси и помилуй их, Господи!

9.05.98

Следует помнить, что истинное добро всегда есть проявление любви, но не чувства долга. И если ты не можешь любить, стыдись этого.

лето 1995 года

Трагедия повседневной жизни, жизни без Бога, заключается в том, что человек мертвоет и лишается способности любить. Вроде бы всё как всегда и как у всех, ничего такого бросающегося в глаза, а человек мёртв. Ходит, смотрит, читает, думает даже, а жизнь из него ушла. Обычно ведь не бывает каких-то ярких, фантастических признаков внутренней смерти человека. Человек становится автоматом, человек цепенеет, душа иссыхает.

Вот если человек не будет мыться месяц, два, полгода, он весь покроется слоем грязи, коростой, станет плохо пахнуть, станет чёрным от грязи. Но точно так же и душа должна мыться. Разница только в том, что сама себя душа помыть не может. Душу моет Бог, душу может вымыть Ангел Божий, Матерь Божия, святые... Человек ходит в баню раз или два в неделю (голову два раза в неделю моет), подмывается каждый день, некоторые принимают душ каждый день или даже два раза в день, утром и вечером. Так и верующие утром и вечером хорошенько молятся, и Бог моет их души, Матерь Божия моет, Ангел Хранитель, святые... Перед каждым приёмом пищи мы моем руки, так же нужно и душу омыть. «*Окропиши мя иссопом и ичищуся, омыеши мя и паче снега убелюся*», – сказано в псалме. Но надо ещё и кушать. Насколько я сейчас уразумеваю, вера – хлеб сердца, душу питают переживания, связанные с верой, и прежде всего таинства. Иными словами, душа питается чудом. А чудо ещё как возможно. Вся жизнь может стать чудом.

Без воздуха человек вообще задохнётся. Мне кажется, что воздух для души – это присутствие Божие, ведь в Нём и Им мы движемся, живём и существуем. Но чем ближе Бог, тем воздух свежей и слаще. Его осознанное и осязаемое присутствие даёт силы человеку жить той жизнью, в которой мы живём. Ничего не изменится, но изменится всё: жизнь станет другой, потому что иначе будет ощущаться, всё будет тепло, осмысленно и благословенно, жизнь пропитается упованием и непреложной надеждой. Ведь Бог рядом. Только надо бояться оскорбить Его и отдалиться от Него.

12.05.98

Высшая и уже блаженная корысть – это бескорыстие. Бескорыстие даёт плоды в тебе самом и помимо твоей воли.

лето 1995 года

Если ты делаешь добро тайно, значит, ты веришь в него. Христос сказал: «Нет ничего тайного, что бы ни сделалось явным». Тайное добро – это семя Царства Божия, жизни будущего века, оно не может не прорасти, и ты увидишь, как оно проросло, и вкусишь плод. Добро – это великая сладость. Тайное добро делается уже ради Бога, если при этом забываешь себя. А только такое добро угодно Богу.

13.05.98

Какое добро можно назвать тайным? То, за которое не смогут похвалить люди. Поэтому всё то доброе, что происходит внутри нас, не имея возможности проявиться вовне, есть добро тайное, бескорыстное и совсем не ничтожное. «Нет ничего тайного, что бы ни сделалось явным». Всё откроется, за всё Бог воздаст – за каждую добрую мысль, намерение, желание, молитву, никем не увиденную слезу...

3.02.2000

Великое счастье для человека говорить правду, свидетельствовать о ней. Правда есть также преддверие блаженства.

13.05.98

Главное, чтобы сердце знало и чувствовало, что ты идёшь к Свету, а больше ничего не нужно. А что будет потом? ...«Нет ничего тайного, что бы ни сделалось явным»... В своё время... Уже по-другому... Потом...

лето 1995 года

Только не надо никакой объективации, никакой внутренней констатации своей «доброй» жизни. Она тут же перестанет быть доброй. «Берегитесь закваски фарисейской». Перед абсолютным Добром и нашим собственным долженствованием мы всегда грязненькие и маленькие.

Главное – это чувствовать присутствие Бога и быть верным этому Присутствию. Тогда душа найдёт покой и вопросов уже не будет. Жизнь освятится. Всё будет тепло, и преходящий мрак не будет трогать. Будет радостно терпеть и предощущать смерть. Из лона покоя станет возможно творить. Пережить его присутствие помогает опыт причастия. Это свет тихий, в нём нет ничего яркого и бросающегося в глаза, но это свет настоящий, **очевидно**, несомненно настоящий, невыдуманный, не надрывный. После этого света ясно, что есть истина, ясно, что **есть** свет и он правда. Будет уже с чем сравнивать, будет за что держаться.

14.05.98

Закон ложных наслаждений: пока не вкусил – без меры желанно, а как вкусил – без меры отвратно. Такие ощущения вызывают подозрения о порабощении именно вот этим «без меры отвратным». Пресыщение, отторжение означает отсутствие гармонии. Настоящий свет никогда не вызовет отторжения..

лето 1995 года

Истинные удовольствия бесплатны, после них не бывает оскомины, они всегда желанны. Эти удовольствия связаны с забвением себя, это острый эрос любви. Нечто подобное, на плотском уровне, мы испытываем, вкушая фрукты, эти благословенные и Богом нам данные плоды. Но ведь и не бывает плоти без духа. Истинное удовольствие – это есть выход из себя, погружение в другое и вкушение другого. Потому так важно чувство вкуса. И младенцы всё пробуют на вкус. Вкус – это суть вещи. И так многое хочется съесть. Но взаимопожирание – атрибут непроницаемости падшего мира. Но вместе с тем, это и некоторое преодоление непроницаемости. Именно этим путём Бог соединяется с человеком – через вкушение Плоти и Крови Бога. И непроницаемость полностью преодолевается: сам вкушающий становится тем, что он вкушает. *«Ядущий тело мое и пьющий Кровь Мою во мне пребывает и Я в нём».*

«Наслаждение не в том, что я вкушаю, а в том, чтобы получить желанное», – говорит Сёрен Кьеркегор. Наслаждение исходит от **другого**, от самого существования другого, от того, что оно есть. Другое – это сладость для нас. Нет ничего выше наслаждения от другого человека, от того другого, что восполняет тебя. А всё, что есть, имеет восполнить тебя. Вся Вселенная призвана восполнить тебя. Но вся Вселенная приходит к тебе в твоей половине, это вход во всё.

18.05.98

Истинные удовольствия не знают пресыщения потому, что они имеют бесконечную перспективу. Это окошечки в райскую вечность. Ложные удовольствия кратки и временны, они тают, как дым, и остаётся зола, пепел и смрад, обнаруживающие истинный дух этих удовольствий.

Вообще, слово «удовольствие» имеет какой-то неприятный оттенок самопупизма, т.е. эгоцентризма. Ничто так надёжно не отгораживает от реальности, как эгоцентризм. Мы другие, мы не такие, какими себе кажемся и представляемся. Концентрация на том «само», которое мы в себе знаем, закрывает канал связи с пославшим тебя, который заодно с Богом. Удовольствию я предпочитаю блаженство. А блаженство не исключает и страдания. Бывают блаженные страдания, особенно в земной жизни. А там останется сострадание. Но потом, мне кажется, всё это кончится, и блаженство уже не будет в себя включать никакого страдания.

20.05.98

Истинное наслаждение – это не награда, это прорыв в реальность, в истинное положение вещей. Всё начинается лишь тогда, когда приходит счастье.. И когда приходит счастье, всё только начинается. Подлинное бытие совершается в пространстве блаженства. Потому что оно погружено в благодать Божию. А благодать Божия – это сказочная сила. Как чувствуешь сказку – это благодать. Таков пока мой опыт. Так Православие – это присутствие сказки в нашей жизни. Святые – как добрые волшебники. Христос – сказочный Царь Мира. И вот тут-то и обнаруживается, что сказка – реальность. Сказочны иконы, сказочен образ священника в рясе и с крестом, сказочна его борода, сказочно яркое священническое облачение, драгоценная церковная утварь, храмы и всё, всё, всё, исходящее оттуда. Сказка – это жизнь. По сказке тоскует душа человека. А сказка рядом. Собственно, и вне Церкви человек пребывает в мрачном и жутком сказочном углу, в тёмном сказочном подземельи. Потому что реальность – это сказка. Но только во тьме всё кажется серым. А ты выйди на свет – и всё заиграет яркими сказочными красками. Бог от начала создавал для нас сказку, сказочную реальность. Когда мы читаем настоящие сказки, глубокие, мудрые сказки, мы начинаем узнавать и припоминать это. И когда ты возвращаешься к Богу, сказка тоже возвращается. Надо только примириться с Богом. Не воображать, что ты и так с Ним в мире. Что нужно Ему от нас? Наше полное и безграничное счастье, ликующая хвала, поднимающаяся к Нему от нас. Церковь говорит о «жертве хвалы», которую одну только и приемлет Бог. И если нет счастья, нет ликования, нет блаженства, нет той «жертвы хвалы», какой же может быть мир с Богом? И потому говорит Игнатий Брянчанинов: «Каждый да погружается в блаженное покаяние». Покаяние и есть дорога в сказку. Священник Олег Стеняев говорил, что вот многие люди думают про себя, что если бы только знать, что делать, что выведет к спасению, чем угодить Богу, они все усилия приложили бы к этому деланию, ничего бы не пожалели, такая у них решимость и желание идти к Богу. Но вот делание это, говорит отец Олег, – это покаяние. Покаяние даёт смысл всему. Оно обнаруживает сказку, в которой борются добро и зло, в самых обыденных и вместе с тем беспроектных обстоятельствах. Без покаяния, а оно не может быть без сокровенной молитвы, ведь каешься же перед Кем-то, без покаяния ты остаёшься внутри мрака частью этого мрака, он на тебя будет давить, но подняться над ним и отстраниться от него, а значит и различить его как следует ты не сможешь. А между тем, мрак всегда имеет личностный источник и направляется злою волею. Для кого-то всё это сказки, но сказки эти и есть реальность.

20.05.98

Воля Божия о каждом – это блаженство. Закон и основание реальности – гармония.

20.05.98

Человек злом ослепляется.

лето 1995 года

Вообще, зло – это безумие, это иррациональный порыв в небытие. Постигание этого первичного импульса зла возможно только если на путях поэзии, чёрной поэзии, музыки, вообще искусства. Это можно только показать и почувствовать. И человек может быть только одержим

злом, он не может быть им убеждён, а он сначала им обманут, а потом одержим. И потому не надо искать смысла в человеческом зле, большом и малом, в человеческой мрачности. Это просто безумие. Оно развеется, как дым, когда настанет момент истины. А пока тысячу раз будешь прав, если не будешь всему этому верить, не будешь соблазняться сиюминутным мраком, но будешь держаться твёрдого основания своей веры, той нерушимой правды, которая и во тьме светит внутри тебя. Вера – это прежде всего верность. Никакой мрак невозможен без участия ангелов мрака, создающих атмосферу. Именно мрачной атмосфере, этому дыханию ада, не надо верить. Вера – наше оружие. Не верить в этот мрак, и не будет у него никакой силы перед тобой. А мудрость времени проявляется в том, что всё плохое кончается, а хорошее остаётся и встретит потом нас на наших путях в ином мире.

5.06.98

Никогда не следует ради сиюминутного удовольствия совершать действия, которые тебе потом будет стыдно вспоминать, тень которых ляжет на тебя тяжёлым бременем на всю жизнь.

лето 1995 года

Всё земное, и удовольствия, и страдания, временно и не стоит нашей привязанности. А то, что делает человеку честь, уходит вместе с ним в вечность. Другое дело, что привязанность к иным земным удовольствиям помогает, на первых порах, против злейшего врага – гордости.

7.06.98

Нет ничего лучше другого человека, нет ничего приятнее добра. Все остальные удовольствия меркнут перед тем, что сможет испытать твоя душа на путях истинного добра.

лето 1995 года

Только путь духовного восхождения может дать человеку надежду и чувство бесконечной перспективы, без которого душа задыхается, потому что сам человек бесконечен. Это те удовольствия, в которых проявляется начаток блаженства.

Человечество, изначально, в своём истинном состоянии, едино по существу и множественно в лицах. Здесь аналог Святой Троицы. И полнота бытия возможна только нас всех вместе, потому что мы из начала – одно. Отсюда тот живой интерес, который мы друг к другу испытываем, отсюда эта бесконечная ценность тех драгоценных нитей, которые связывают нас с другим, с другой, с другими, отсюда то колоссальное удовлетворение и радость, которое испытываем мы при сближении с другим человеком, при истинном общении с ним. Любовь, дружба, ещё раз любовь, другой человек, дорогой нам, – это самое дорогое, что мы имеем, ибо это связывает нас с реальностью, с истинным бытием.. В конечном счёте, это ниточки, связующие нас с Богом. Ведь в другом человеке всегда присутствует для нас Христос, как Сам Он это говорил. Потому так важна культура, связывающая людей воедино. Культура – это начаток истинного бытия, та её часть, которая связана с верой. В конечном счёте, Церковь – это самая мощная и, быть может, единственная реальная опора культуры на земле. В земной, воинствующей Церкви культура всегда встречает поддержку себе. Имена творцов культуры помнит Церковь. Наверное, как есть небесная и торжествующая Церковь, так есть и продолжение культуры за пределами этого мира. Я думаю, в этом плане, в плане отношений с другими людьми, со своим народом и человечеством в целом, нас ждёт ещё много открытий..

7.06.98

Человек открыт тогда, когда ты узнаёшь в нем себя, когда понимаешь его. (Или благоговеешь перед ним). Скрытность, замкнутость, выражающаяся в непроницаемости или в странном поведении, за которым не ощущается живой личности человека, – все это свидетельствует о болезни души, о неверии или даже о том, что человеку есть что скрывать. Человек должен

быть искренним, это его душевное здоровье, и так проявляет себя дух. Неискренность – та же ложь. А через ложь мы соприкасаемся с отцом лжи. Но нужно ещё так же искренно удерживать в себе то плохое, мрачное и недоброе, чем отягощена душа и что всё равно не есть настоящий ты.

7.06.98

Опасно делать удовольствие центром своей жизни. В этом нет внутренней правды. Ориентируясь на удовольствия, ты консервируешь себя таким, каким себя знаешь в этом бытии, о каких бы тонких и возвышенных удовольствиях ты ни говорил. Надо говорить о блаженстве. Блаженство возможно только в выходе из себя и в забвении себя, ибо есть нечто бесконечно более высокое и более прекрасное, чем ты сам. Более реальное. Приобщение к Небу, бесконечное вхождение в него и есть блаженство. На земле образ этого блаженства – любовь к женщине и её взаимность. Погружение в женщину – это тайна, это великая мистерия и это начало блаженства, с этого оно начинается. Но в том-то и дело, что ты не о себе думаешь тогда и не в себя вслушиваешься. Идёт непрерывное откровение. О себе ты забываешь. Возникает реальное целостное «мы». Это обретение самого себя, потому что человек – это не то одинокое и несчастное существо, какими мы обнаруживаем себя в этом мире, – которому только и остаётся, что бегать за жалкими своими удовольствиями, этими крохами, просыпанными в этот мир с райского пиршественного стола. ***Самим собой ни в коем случае нельзя довольствоваться.*** Надо искать выход из себя, путь, поприще, подвиг, в котором ты бы мог приобщиться к высшему, восполнив своё ущербное бытие. А это не есть путь удовольствий. Это путь жертвы и самоотвержения. Узкий путь, исполненный правды, пропитанный сердечным утешением от Бога и радостью, на котором и горе в радость, и смерть не страшна.

15.06.98

Бессмысленные сами по себе удовольствия не могут служить целью чего бы то ни было.

лето 1995 года

В удовольствиях нет ничего плохого. Важно отношение к ним. Они не должны становиться главным. Главное – это стремление к Богу. А если на этом пути Он даёт нам и удовольствия, возблагодарим Его за это. А если следовать по этому пути, то Он научит нас науке удовольствий. Потому что есть удовольствия чистые и тонкие, благородные. В житии Василия Великого описывается время, когда он жил вместе со своим другом Григорием, будущим Григорием Богословом: «В отношении к жизни телесной Василий и Григорий находили удовольствие в терпении; работали своими руками, нося дрова, обтёсывая камни, сажая и поливая деревья, таская навоз, возя тяжести, так что мозоли на руках их долго оставались. Жилище их не имело ни кровли, ни ворот; никогда не было там ни огня, ни дыма. Хлеб, который они ели, был так сух и худо пропечён, что его едва можно было жевать зубами». Живя так, они, конечно, вели интенсивную духовную жизнь: вместе молились, занимались чтением Священного Писания и сочинений отцов и писателей церковных, писали собственные сочинения (уставы иноческого общежития и, наверное, что-нибудь ещё). Велико удовольствие от чистой и возвышенной жизни, пропитанной поэзией движения духа в небесные обители. Оно возрастает в два раза, если разделяется с другом. Духовная дружба – удовольствие в обретении самого себя. Сладостно и хорошо ощущать себя в этой жизни странником, не зависящим от условий материального окружения, для которого эта жизнь – только дорога Домой и который никогда не остановится и не будет обустраиваться где-нибудь на обочине. Глубокая радость заключается в терпении, когда ты видишь, что все силы ада не в силах одолеть ту церковь, которая воздвигнута внутри тебя, и тьма познаётся как дым, развеиваемый ветром молитвы и ветром времени. Потому что время – это ветер, оно дует в лицо, оно освежает. Хорошо знать, что будет старость, дети вырастут, а старшие перейдут в мир иной, и ты будешь молиться за них,

а потом сам пойдёшь в этот мир и там встретишь их, а потом сам будешь встречать своих детей... Хорошо знать, что главное – это не деньги и не место в мире, а поэзия и сокровища верующего и искреннего сердца, которые не в этом мире...

16.06.98

Грубое наслаждение сопровождается отрывом от духа, последующее пресыщение ведёт к опустошённости и скуке, которая есть просвет небытия. Такова природа этих наслаждений. Скука вообще порождается отрывом от глубины жизни, ибо жизнь, вообще-то, вовсе не скучна. Она есть тайна, от начала и до конца, во всех её частностях, во всякий момент. Одно лишь воспоминание о предстоящей собственной смерти способно тут же пресечь скуку. Если ты испытываешь это мерзкое ощущение, значит, ты просто неадекватен жизни, в данный момент ты видишь её искажённо. Чтобы вырваться из этого состояния, достаточно вспомнить об истинных масштабах жизни и свежим взглядом посмотреть на настоящий момент. И тогда, мало того, что у тебя исчезнет скука, – ты поймёшь, что же тебе сейчас нужно делать.

лето 1995 года

Ощущение масштаба жизни – это очень важно. Это внутренняя свобода и адекватность бытию. Тяжесть, тьма, зло всегда ограничены во времени, и только человек, привязанный к временному и даже сиюминутному, не может освободиться от их плена. Масштаб. Один из главных врагов для человека – суетность. В суетном, мелком мироощущении невозможна никакая поэзия.

Смысл времени – в его продолжительности. Люди часто путают временное и вечное: временным тяготеют так, как будто оноечно, а просветам вечного не верят или быстро забывают, как о временном.

Всё плохое кончится, а хорошее останется, сказочно приумножится и преобразится.

Когда тяжело днём, надо помнить, что будет просветление вечера, когда душа успокоится и умиротворится после метаний дня и хорошо будет молиться о райской вечности. Когда тяготит работа, надо помнить, что она не вечна и не случайна, надо вслушаться в неё и суметь, осмыслив, извлечь из неё благую часть, ради которой она пришла к тебе. Когда тяжело с человеком, надо помнить, что он смертен, что один из вас умрёт раньше другого, а потом будет встреча в иных мирах. Тогда ты станешь терпимее к слабостям ближнего и будешь различать в нём то существенное и светлое, чему раньше ты, может быть, не придавал должного значения. Только в истинных масштабах постигается истинное положение вещей. Если станет тяжела жизнь и тело повиснет стопудовым грузом где-то в солнечном сплетении, не забудь, что жизнь не так длинна, как кажется, и у неё чисто духовная цель, а тело это бrenно и служит лишь несовершенным образом истинного нашего тела. Жизнь эта есть дорога Домой, по которой мы едем на своём осле – на нашем теле.

Как часто сильнейшие наши переживания не простираются далее одного дня и даже далее данной конкретной ситуации. Конечно, чтобы выйти на простор, обрести такие масштабы жизни, в которых душа могла бы развернуться, для этого душе нужно потрудиться. Нужно задуматься, припомнить о многом, пережить некоторые неприятные ощущения и всё же духовным усилием высвободиться из-под них. Именно этот духовный труд глубоко противен малодушному человеку, и он предпочитает мучиться от скуки, чем подумать о неприятных для него вещах, хотя никуда от этих материй всё равно не уйти, и в этом безумие легкомысленного образа жизни, безумие безбожного пути.

17—18.06.98

Одержимость человека злом, которая есть одержимость его злыми страстями, сбрасывает его в беспомощность и ничтожество.

лето 1995 года

И это не только как итог, но это и настоящее его положение, там, внутри, которое потом, рано или поздно, закономерно обнаруживается вовне. Человек, наш брат, поработанный злом, обманутый им, его посулами и его лестью, такой человек попал в беду и должен вызывать в нас чувство острой жалости.

19.06.98

Все человеческие беды происходят оттого, что мы наслаждаемся тем, чем следует пользоваться, и пользуемся тем, чем следует наслаждаться. Блаженный Августин.

Мы наслаждаемся едой, похотью, успехами и пользуемся добрыми поступками, близкими отношениями с людьми, пользуемся отношениями с женщинами. А между тем, еда нужна для поддержания тела, похоть – для продолжения рода; в ней также сосредоточена жизненная энергия, необходимая для творчества и бодрости духа. Успехи наши нужны для того, чтобы мы смогли сделать как можно больше добра. Для этого же нужна и слава, если ты уже в силах воспользоваться ею во благо. А между тем, нет большей сладости, чем та, которая заложена в добре. Близкие отношения с людьми – это неоценимое сокровище. Так мы интегрируемся во Вселенную, так мы соединяемся с Богом. И, наверное, нет в этой жизни большего сокровища, чем то, которое тебе может дать душевная близость с женщиной – духовное наслаждение истинного рыцарства, приобщение к святине женственности, радость раскрытия этой святости в той, которая, может быть, и не подозревает о том, кто она такая есть, – всё это ослепительные дары. Невозможно даже вообразить, что это за чудо.

лето 1995 года

Время юношеских грёз кончилось. Земля властно притянула к себе и призвала к труду и действию. Пришло время верности былым вдохновениям, ибо грёзы эти – правда. Но они должны стать жизнью. А Бог поможет мне, Его рабу.

19.06.98

Страдание – наша тяжёлая плата за всё, что есть ценного в этой жизни, – за силу, за мудрость, за любовь. Рабиндранат Тагор

З д е с ь.

лето 1995 года

Но уже и в этой жизни могут начать действовать иные законы, законы Царствия Божия, где действует благодать. А благодать, по самому слову, подаётся даром, за так, за то, что ты есть. Таков был и есть замысел Творца, ибо Он создал нас для блаженства и вечной радости.

То, что говорит Рабиндранат Тагор, логично для нехристианина. Это карма, железный закон причин и следствий. Но ведь и мы не христиане, из нас вытравлено христианское мироощущение. «За всё надо платить» – это такая же языческая фраза. Или эта боязнь слишком большого счастья, за которым предощущаются тяжёлые и горькие страдания, боязнь, так свойственная женщинам, – это тоже совершенно языческие предпосылки. Бог всё даёт даром, за Его дары ничего платить не надо. Карма – это закон безблагодатного пространства. Такой была бы жизнь, таким был бы этот мир, если бы в нём не было благодати. И такова жизнь, таков мир для тех, кто благодать Божию, рядом с нами в Его Церкви пребывающую, отвергает и Бога в свою жизнь не пускает.

Когда я писал «здесь», я думал, что только после смерти возможно торжество законов Божественной правды. Я не знал, что для дурной и мрачной жизни, для дурного бытия можно умереть ещё до физической смерти. И для обыкновенного мирского человека верующий, в котором нет мирских желаний, мирских радостей и горестей, – как мертвец, пойти в монастырь – умереть заживо. А всякая православная семья – это монастырь в миру. Непо-

движные чёрные фигуры монахов или монашек в храме навевают на мирского человека ужас чего-то потустороннего для него. Да, это смерть. Но он не знает, как радостно так умереть. Так умереть значит освободиться из-под мира, из-под этого дьявольского давления, гасящего сознание и жизнь духа.

Но от страданий никому не уйти. Только это не расплата, это путь. Или возможность пути. В самих этих страданиях бьёт ключ небесной радости, ибо через страдания входит в человеческую жизнь реальность. В этом смысле страдания благословенны. Почему же так болезненен путь? Само рождение в эту жизнь болезненно. Жизнь эта отделена от Бога, это то, что называется первородным грехом. Не сейчас мы можем постигнуть эту тайну. Но есть путь к Свету, реальный, радостный путь. И он таков, каков есть.

Наше сознание ограничено этой жизнью. Мы даже не можем постичь бытие во сне, во сне сознание беспомощно. Святой Варсонофий Оптинский говорит: «Вся наша жизнь есть великая тайна Божия. Все обстоятельства жизни, как бы ни казались они малы и ничтожны, имеют громадное значение. Смысл нынешней жизни мы вполне поймём лишь в будущем веке». И далее продолжает: «Как осмотрительно надо относиться к ней, а мы перелистываем нашу жизнь, как книгу, лист за листом, не давая себе отчёта, что там написано. Нет ничего случайного в жизни, всё творится по воле Создателя. Да сподобит нас Господь этой жизнью приобрести право на вход в жизнь вечную, право, которое обрели святые. Будем иметь твёрдую надежду и веру и не посрамимся в день Страшного суда. Аминь.»

20.06.98

То, что в страданиях, телесных и душевных, заключено для нас великое благо, доказывает тот факт, что огромное число хороших и глубоких людей заставило задуматься и измениться, а потом стать такими, какими они стали и какими мы их знаем, именно страдание. Это универсальный духовный путь. Несчастливая любовь, болезнь, смерть близкого человека, тюрьма, война – таковы стандартные начальные точки отсчёта, духовной жизни, поиска, благороднейших из мук, созидающих величие человека, возвращающих ему его духовное достоинство. Кого-то сдвигает сам факт смерти, которой не избежать. Эти наиболее честны из нашего подлого человеческого рода. Настоящий ужас был бы, если бы в этой жизни не было бы никаких страданий и она продолжалась бы сколько угодно долго, если смерти бы не было. Вот это был бы ужас. Тогда пришлось бы ждать конца света.

20.06.98

Страдание есть результат несоответствия внешнего и внутреннего, а также внутреннего и Божьего. Есть ведь и внутренний мир, пока не видимый нами, но ощущаемый гораздо более живо и сильно, чем внешний. Внутренний мир, конечно, как-то связан с миром внешним, скорее всего он даже включает в себя внешний мир, но внутренний мир больше и истиннее мира внешнего. Однако и в нём что-то не так, и в нём ощущаем мы тесноту и тяжесть. А Бог есть свет и нет в нём никакой тьмы. Мы отпали от Бога. Или, что то же, впали в грех. Грех разрушил и связь внутреннего и внешнего: внешний мир отпал от внутреннего. Но грех не имеет реальности (несмотря на то, что мы в нём живём). Мы отпали от Бога, но Бог остался с нами. Внешний мир отпал от внутреннего, но внутренний мир не изолировался от внешнего, нам дорог мир внешний, мы имеем заботу и попечение о нём, участие в нём, и как Бог обещал нам спасение, так и мы, в нашей культуре, в науке, во всех наших тёплых привязанностях к миру внешнему как бы обещаем ему избавление от холода и косности, омертвления и забвения, в которые он впал, в нас вся тварь, которая стонет и мучается, призвана обрести откровение пакибытия и приобщиться будущему блаженству. И вот страданием своим мы мерим глубину отпадения нас от Бога и мира от нас. И из глубины страданий поднимается вера – как **опытное** познание того, что грех не бездонен, бездонна правда Божия, и связь с вечностью не порвана.

20.06.98

Первое, что требуется, – это осознать страдание, а затем осмыслить его. Нет ничего горше и зловещее, чем бессловесная, неосознанная мука, когда человек не отличает её от себя. Микушевич в своих «Проблесках» говорит, что зло всегда бессловесно. Во-первых, это потому, что зло иррационально и само в себе осмысленно быть не может. А слово всегда осмысленно. Зло может выть, хихикать и хохотать, рычать и мычать, но когда оно употребляет какие-то слова, эти слова не выражают его сущность, это лишь некий временный компромисс зла со смыслом и разумом, но потом будет только мычание, хохот и рёв. Во-вторых, зло боится быть узнаваемым. Оно всегда, органично для себя, действует вне слов. Подспудно. Подлю. По возможности не слышно. Слова и мысли – это уже потом, ведь надо же считаться с тем, что мы не можем без них. И все эти мысли и слова – ложь. Но прежде них – бессловесный импульс, чувство, немое присутствие. Бессловесна давящая душу тяжесть в груди, бессловесны все страсти в корне желания, бессловесна всякая мрачная атмосфера. Бессловесна тёмная музыка, в светлой музыке всегда угадываются какие-то слова. И обнаружение злой силы – это половина победы над ней, ровно так же, как суметь поставить вопрос – это найти половину ответа. Потому так важна концентрация сознания, внимание, трезвение, бдение. Потому что силы зла клубятся вокруг нас, так и норовя залезть вовнутрь и нагадить, присосаться, как слепни, как гнус. Эти насекомые – зримый образ сил зла. Сознание даёт возможность вовремя уловить присутствие злой силы и попытку её воздействия на тебя. Очень важно осознать это тяжёлое и мрачное ощущение и назвать его, дать ему имя. Как правило, все они уже названы. Но иногда приходится самому находить то имя, которое бы схватывало мрачную сущность встретившегося духа. Главное – передать в слове, адекватно и ёмко, объективно-отрицательную оценку духа. И этим ты выбиваешь главную опору из-под твоего противника – доверие к нему. Если ты не веришь тому настроению, которое им порождается, не веришь и гнушаешься им, не веришь мыслям, поднимающимся из этого настроения, ты лишаешь тем самым этого духа всякой силы над тобой. Остаётся только потерпеть его присутствие и по возможности быстрее прогнать его от себя молитвой, а если надо, и постом, и посещением храма, таинствами, поклонами, чтением благодатных книг, короче – прямым обращением к Богу и силам Света за помощью. Вера – это наше оружие. Если верить силам зла, никогда не избавиться из-под их власти. Вера должна быть устремлена только к Богу, всякий миг, и ничто не сможет причинить тебе вред. Как же мы верим бесам, ангелам мрака? Очень просто. Мы считаем, что есть какая-то правда вне Бога, помимо Бога, сознаём мы это своё убеждение или нет. «Правда жизни». Есть много ложных наименований, которые выполняют прямо противоположную функцию порабощения человека. Названия эти оправдывают бесовские действия. Говорят про «рабочую атмосферу» (и верят в её нерушимую правду), когда надо говорить о духе наживы, о холоде, о страхе, об уродливом извращении человеческих отношений, а главное – о преходящем и эфемерном характере всякой такой атмосферы. Говорят о «борьбе за место в мире», когда нужно говорить опять о духе наживы, о страхе (который всегда есть неверие в Бога), о гордыне и тщеславии, о всё том же отчуждении (наваждении отчуждения), о предательстве и злобе. С этим встречаешься на каждом шагу. Где тьма – там всегда есть такое словцо. Зверское убийство младенца во чреве – «аборт», «искусственное прерывание беременности». Жизнь на уровне скотов, прозябание – «жизнь ради детей», «как все», «не убиваю, не краду»... Умер человек, напомнил людям о той бездне, в которую они летят, – нет, «жизнь продолжается». Но какая же это жизнь? Это смерть. Священники – «попы», вера – «фанатизм», духовные люди – «сдвинутые». О Боге и святых не говорят, о посмертии молчат и даже не молятся. Никто не знает, что такое первородный грех, все считают себя совершенно полноценными и достойными существами (только всё сетуют на несправедливость к ним судьбы и на жестокость жизни), все свои чувства и ощущения полагают за последнюю правду. Ни в ком нет веры. Верят бесам, муча-

ются тупо и безысходно, сами себе боятся признаться в своих муках. Находят утешение в тепле и сырости болота, а то и прямо в мерзостях. Говорят «слишком поздно», когда ещё ничего и не начиналось. Безумием называют правду. Не верят тому лучшему, что в них есть. Боятся задавать вопросы, верят в мрак. А надо ведь искать, и «ищущий обрящет», надо бороться за свет и правду, надо верить. Без веры ничего не будет. Это величайшая подлость и низость, если нет веры, это невыразимая измена. Потому что каждый знает и помнит Бога. И каждый обязывался хранить Ему верность, это наша Первая Любовь. И надо верить в Его правду, в Его чистый и беспримесный Свет, в Его бесконечную благодать, милосердие и человеколюбие. Это единственная реальность. Всё остальное – грех, отпадение, наваждение, морок, в котором нужно каяться, чтобы вернуться к Богу, Домой. И вера наша должна принадлежать Ему одному, как та таинственная нить, по которой мы выбираемся из лабиринтов тьмы – на Свет.

21.06.98

Надо утратить впечатлительность по отношению к мрачным впечатлениям, надо потерять чувствительность к ним. Надо постепенно перемещаться в иную область бытия, надо учиться жить верой и от неё получать самые глубокие жизненные впечатления. Здесь тайна терпения, когда перед лицом реальных страданий в тебе раскрывается глубина, растворяющая в себе все страдания. Молитва рождает ощущение полёта над мрачной действительностью, и все испытания познаются как школа молитвы, приглашение к Богообщению.

22.06.98

«Любящий душу свою погубит её» (Ин. 12, 25). Нужно думать о счастье других, тогда ты приобщишься к счастью.

лето 1995 года

Само понятие счастья, как и множество других фундаментальных понятий, усвоенных нами с детства, нуждается в переосмыслении. Ибо родились мы во тьме и росли во тьме и безверии, не зная Бога. И решительно все понятия, идущие оттуда, искажены и помрачены духом безверия и не могли не исказиться и не помрачиться.

29.06.98

Чтобы вырваться из ложного порядка вещей, нужно сначала осознать своё несчастье, а после, прочувствовав всю его глубину, нужно понять своё счастье.

Без счастья бытие неполноценно и невыносимо. Настоящая жизнь начинается только тогда, когда приходит счастье, и прорезается в эту жизнь, когда приходят к нам счастливые минуты (которые есть маленькие окошечки в вечность).

лето 1995 года

Трудно писать о счастье, счастье с трудом поддаётся осмыслению: это то, что выше и больше нас. Представление человека о счастье неотъемлемо связано с его свободой, мысли о счастье – самые свободные мысли, в них – жизненный выбор. Человек подвижен, и потому представление о счастье может сильно меняться с течением жизни, и, конечно, то, что человек думает о счастье, многое говорит о нём.

Счастье – «сейчасье» – это полнота жизни, полнота бытия, высшее бытие, пакибытие. Счастье – «соучастие» – вращение в живую Вселенную, интеграция в реальность, действительная сопричастность великому Целому, которого ты – достойная, нужная, гармоничная и блаженная часть. Счастье не может быть без самоотвержения, иначе целое, которое больше, выше и реальнее тебя, никогда не будет познано. Счастье – в блаженстве, которое даёт Бог и для которого Он и сотворил нас. Блаженство – это счастье. Трагедия человека в том, что он полагает своё счастье вне того блаженства, к которому его призывает его Создатель и Творец. И он начинает искать своё счастье, всё дальше и дальше устремляясь в небытие. Тайна же заключа-

ется в том, что счастье человеку дано и никто не отнимет его у человека. Счастье в том, что мы созданы Богом для вечного, нескончаемого и безграничного блаженства, радости, творчества и ликования, чтобы вечно и непритворно возносить Богу хвалу за несказанную Его любовь и милость к нам, за Его несравненную и изысканную, сокровенную и бездонную сладость и за сладчайшее Его совершенство. Да, мы согрешили и впали в забвение. Но Бог не оставил нас и не мог оставить. Мы знаем Его в нашей вере. И надо предать всё самое лучшее, глубокое и живое в себе самом, чтобы не верить своей изначальной вере. И Он заботится о нас и ведёт нас, так что нет в нашей жизни ничего случайного, но всё совершается ради нашей пользы и возвращения нас Домой, в страну Отчего благоустройства и полноты взаимной любви. Счастье в терпении и надежде, в скорбях и искушениях, в прохладе молитвенного вздыхания, в уповании на Отца Небесного, на единственного нашего Отца, в уповании, которое не посрамит. Счастье – в трудах и страданиях и в сокровенных утешениях сердца в самой толще их. Счастье – чувствовать Его присутствие, слушаться Его воли, идти по его водительству и находить себя в Нём. Счастье растворено во времени, в могучем течении его вод, когда видишь и помнишь, что всё кончается и всё уходит в вечность. Счастье в том, что мы будем исцелены, что Бог нас спасёт и примет в Свои Отчие объятия. Счастье здесь. Его не нужно искать. Оно в самом простом, в том, что рядом, близко, каждый день. Вера – это только лишь верность, я бы сказал, элементарная духовная порядочность – чтобы не предавать своего единственного Отца. А тот, кто действительно верует, каждую минуту, во всех обстоятельствах жизни, тот не может быть не счастлив.

29—30.06.98

Существует не только счастье долга, но и долг счастья. Джон Леббок (1834—1913), английский естествоиспытатель, писатель-моралист)

И в этом полная, истинная, окончательная гармония.

лето 1995 года

Что такое долг? Долг – это воля Божия. Главный наш долг – жить в этом мире, пока Господь не призовет. Долг в том, чтобы работать, хранить себя от зла, быть целомудренным до брака и в браке, заботиться о семье, стремиться к Богу везде и всегда. Во всём этом и прочем, подобном этому, сокрыто земное счастье человека. Но оно именно сокрыто и раскрывается не сразу, со временем, в следствиях и результатах, во внутренних плодах, в предощущении небесных благ. Человеку хочется яркого, сильных, глубоких ощущений, явного и окончательного счастья. Но именно это и есть стремление в небытие, ибо бытие для нас таково, каким оно дано. Пусть это и не истинное бытие, но оно может стать началом, преддверием истинного бытия, если человек этого захочет. Да, истинное бытие – это полнота счастья, но никакого другого начала пути к этой полноте, кроме этой жизни, такой поначалу трудной, привычной, унылой и серой, нет. Просто этой жизнью нужно правильно воспользоваться. И путь твой состоит в том, что будешь меняться ты сам и, вместе с этим, твоё восприятие жизни, а уже потом, может быть, и внешние обстоятельства и окружение. Истинные события происходят внутри. А если искать в этой жизни того яркого счастья, то в конце концов можно будет только повторить чьи-то отчаянные слова: «Счастье в том, чтоб совсем не родиться, а родившись, скорее умереть». Жизнь просто будет проклята с такой установкой к ней. Мне кажется, что в этом же смысле следует понимать слова Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Вот эти «покой и воля», о которых говорит Пушкин, и есть земное счастье.

Ничего большего мы пока недостойны. Но надо учиться ценить тихое и ненавязчивое присутствие Бога в твоей жизни. Человек очень огрубел. Он не чувствует тонкостей бытия, тех тонкостей, от которых зависит вся его земная жизнь и его судьба в вечности. Потому так легко совершаются преступления и предательства. Надо быть очень осторожным, чтобы чем-либо не оскорбить святость Божию и не отпасть от Него. Надо быть трижды внимательным и чутким

хотя бы из-за страха перед той тьмой, в которой ты окажешься, поначалу не отдавая отчёта в этом, если отпадёшь от Бога. И тогда начнёшь различать тонкости происходящего, разные **атмосферы**, грани и градации атмосфер, чуть заметные колебания настроений. Ведь всегда надо суметь вовремя призвать помощь Божию, чуть только ощутив приближение врага.

В области этих тонкостей лежит и истинное счастье человека, которое он должен уметь ценить.

Много есть на прилавке жизни заманчивых товаров с яркими этикетками, но всё это мрак, а внутри – бомба с часовым механизмом. Почти всё яркое отошло в лагерь врага. Церковь говорит: «Тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Душа растёт, как младенец в утробе. Растёт тихо и таинственно. Растёт, чтобы потом родиться в иную жизнь. И всё существование на земле – это подготовка к будущей жизни. Придёт час, исполнятся сроки, и Мать-Земля родит нас в иной мир, в иную жизнь. Снова будет тоннель, и снова свет в конце тоннеля... Будь счастлив, человек, не гневи Бога.

1—2.07.98, 21.02.2000

Никогда не считай счастливым того, кто зависит от счастливой случайности.
Сенека

Счастье только тогда счастье, когда ты знаешь, что его у тебя никто, никогда не отнимет.

лето 1995 года

В общем-то, всё то, что хоть как-то радует нас в этой жизни, может быть названо счастливой случайностью. Причём, что важно, внутренние источники радости столь же в этом смысле случайны, как и внешние. Всего этого могло бы и не быть. Всё это дар, а не собственность наша. Но ведь есть же. Дар **вручён**. Вот что главное: все наши радости не случайны. И если счастливая случайность временна, то вечен Господин случая. А значит, и надо обращаться прежде всего к нему. И все дары его использовать как поводы к нему обратиться, благодаря Его. Надо концентрироваться прежде всего на Дарующем, а не на Его дарах. И тогда не страшны будут никакие лишения. Ибо «ничто не отлучит нас от любви Божией».

А дары Его, конечно, могут быть и временны. Но зачем Бог отнимает Свои дары? Чтобы дать дары большие. И временные дары – это лишь прообразы вечных даров. Как вчера говорил отец Александр Шаргунов: «Мы всеми силами цепляемся за какую-то полюбившуюся нам часть и не хотим разжать руки, чтобы принять всего целого, которое хочет нам дать Бог. А Бог хочет нам дать всё».

Наше счастье – это сам Бог, к Которому мы не можем приблизиться сразу, но Который ведёт нас к Себе по ступеням подобий и совершенств, от одного Своего дара к другому, передавая нас из рук одного Своего Ангела в руки другого. И ничто не лишит нас Бога нашего. И нам только нужно быть ближе к Нему духом своим. Умом, сердцем и всею крепостию нашею.

3.07.98

Счастье нельзя заслужить. Нельзя своими конечными действиями и потугами заслужить бесконечное. Счастье – это незаслуженный дар тому, кто приобщился к Духовной Вселенной.

лето 1995 года

Духовная Вселенная – это нечто противоположное материальной Вселенной. Противопоставление материи и духа стадийно, потом оказывается, что и видимое, косное, грубое имеет духовную природу и часто как бы заколдовано. Вот Духовная Вселенная – это расколдованное Творение Божие, которое, конечно, живое. Живое в своей целостности и живое в каждой своей части. Расколдованность возвращает к реальности. Когда-нибудь расколдуют и нас. Интеграция в живое Творение Божие, конечно, означает и благодатное приобщение к Богу. Благодать Божия – это кровь живой Вселенной. Где нет благодати, там ничего нет. И из этих

областей нам надо выходить, так, как укажет Бог, посещения Которого мы можем, должны и призваны узнавать.

Счастье – это закон. Тот, кто его ищет или пытается заслужить, всё ещё находится в области небытия.

Мы свободны. Если не выбираем Свет, выбираем тьму. Выбор Света нужно постоянно подтверждать и своё счастье поддерживать. Как это делать, говорит Святая Церковь. В этом мире счастье заключается и в постоянных искушениях на него – в искушениях, разогревающих в нас ревность движения к Богу и Его Царствию. Нужно подтверждать свою верность во всяком искушении, утром после сна и вечером перед сном, перед каждым и после каждого завтрака, обеда и ужина, каждое воскресное утро, а потом и во сне, и после смерти... Помоги Бог!

И в Царстве Бога нет сил зла, Бог не знает бесов, он знает Свои творения, Своих Ангелов, вольно отошедших от Него и пребывающих без Него, во тьме внешней, во всяческой нечистоте и скверне. Некоторые святые молились и за бесов. А ведь «дивен Бог во святых Своих». Не будем спешить, всё сами узнаем. От спешки рождаются ереси.

12.07.98

Кусочки полноты жизни, пришедшие к нам извне по велению судьбы, – это дары Бога, которыми не стоит пренебрегать, чтобы не оскорбить Подателя даров. Не надо только ни к чему и ни к кому привязываться, кроме одного Бога. А с Ним ты ничего не потеряешь. «Бог дал – Бог взял», – сказал Иов, потеряв всё. Но Самого Бога никто отнять не сможет. Он отнял одно, чтобы дать большее. А в вечности всё вернётся к тебе.

Надо быть довольным тем, что есть, потому что Бог с тобой; а впереди – бесконечный путь к Нему, который не может быть никаким иным, как от меньших степеней блаженства к БОльшим. А в этом мире нужно доверять Богу, ведущему тебя.

12.07.98

Счастье есть удовольствие без раскаяния. Толстой

удовольствие без раскаяния, самое чистое опьянение – всё, что связано с верой: от одной щёлочки Света к другой, может быть, пошире, и так до выхода в Свет в конце тоннеля. Вера – это связь с реальностью. Истина рождает бодрость. Счастье всегда с нами и будет явлено нам. Ведь нет ничего тайного, что бы ни сделалось явным.

12.07.98

Удовлетворённость и есть счастье. Индийское изречение

А есть такая потребность в бесконечности, в постоянном отсутствии окончательного удовлетворения. Это есть потребность движения к Богу. И она тоже должна быть удовлетворена в счастье. *лето 1995 года*

Это потребность волшебной сказки, бесконечной и вместе с тем благословляющей Тайны, разлитой в воздухе. Самые глубокие и настоящие мысли приходят в сумраке и прохладе. Сумрак и прохлада ждут нас. Господи, благослови!

12.07.98

Счастье – это прежде всего состояние воодушевления, когда воодушевление не ложно.

12.07.98

Есть множество несчастнейших людей, считающих себя близкими к счастью. Это жесточайший самообман, приоткрывающий свою суть в ничтожестве их жизни. Лживость такого счастья явствует со временем.

лето 1995 года

Сначала нужно вырваться из несчастья, а для этого нужно мужество.

лето 1995 года

Первый шаг – это возвращение своей свободы, без которой человек не может делать ничего сколько-нибудь настоящего. Свобода – это простор, простор – это масштаб. В больших масштабах, возвращающих свободу (о свободе говорит небо), не укрыться от смерти, бессмыслицы и бездны этой жизни, поэтому многие бегут от масштаба и не хотят свободы, а хотят безумия и забвения. Чтобы выйти лицом к лицу к бездне, нужны стальные нервы и полное спокойствие с первоначальной отрешенностью. Но из бездны поднимется Свет и просветлит всё. Не бойтесь свободы, не бойтесь созерцания бездн. Эти бездны отверз перед нами Бог как залог грядущего блаженства. Потому что на самом деле это иные бездны, и мы должны прозреть, чтобы увидеть это.

13.07.98

Из личных качеств непосредственное всего способствует нашему счастью весёлый нрав. Шопенгауэр

Жизненная бодрость, способность радоваться жизни, какая-то искристость нрава – все эти качества, присущие в огромной степени таким людям, как Владимир Соловьёв и Александр Мень, очень сильно просветляют и душу человека, и мир вокруг него. Добрый юмор веселит сердце. Истинный источник этих качеств – глубокая вера в благой смысл целокупного бытия. А без этой веры жить нельзя, подлю жить. Тогда нужно искать, не щадя себя.

лето 1995 года

Но только чистые сердцем способны на такой юмор. Иначе будет только грубость и пошлость, лишь усугубляющие уныние.

27.02.2000

«Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6,25). Не о том смехе надо говорить. «Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеётесь» (Лк. 6,21). Это райский смех. Смех-сияние. Младенческий смех. От запредельной радости, которую истинно верующие предчувствуют уже здесь. Надо уметь различать недолжный смех этого мира, расслабляющий и опустошающий, от той радости, которая просачивается к нам из небесных обителей. Ведь там не может быть ничего скучного. Ханжи и святоши Царствия Божия не наследуют. Святость – это сама жизнь, в ней концентрация всего самого живого. Может быть, такой смех, искорки такого веселья – самые достоверные весточки из рая. Воссмеёмся мы, плачущие ныне о грехах своих и о тьме этой жизни. Возликуем.. Вострубим. А пока – тихо... Тс-с-с!...

13.07.98

Не всякое уважение чего-то стоит. Важно, какие люди и в качестве кого тебя уважают.

лето 1995 года

Безусловно, счастье невозможно без соединения с тем, что больше, лучше и правдивее тебя. А оно не соединится с тобой, если ты не будешь достоин этого. Это и есть истинное уважение, в котором мы нуждаемся, которым мы уже, недостойные, обладаем и которое должны вместить по мере возвращения Домой. Но в этом мире мы вполне можем остаться неузнанны, непризнанны и презренны, и это тоже может быть нашим счастьем. «Меня гнали и вас гнать будут». «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь, ибо я победил мир». Чего стоит уважение грешников за то, что ты такой же, как они? Признание в мире и то, что называется «доброй славой», не от нас зависит, и стремиться к этому не нужно. Святые бегали от славы людской как от скверны и нечистоты и уж во всяком случае никогда не стремились к ней. Но пусть уязвится сердце любовью к Богу и святым желанием оправдать Его признание тебя и доверие к тебе, оправдать любовь Ангелов Божиих и проникновенное дружество Его святых.

14.07.98

Совость – это свет в человеке. Это орган, ответственный за ощущение правды, а правду надо любить. Совость успокаивается покаянием и снятием грехов в таинстве исповеди. Покаяние всё заливает светом, уже не человеческим, всё покрывающим.

Есть инстанции выше человека, сильнее и прозрачнее его совести, и к ним нужно приобщиться, чтобы спастись.

14.07.98

Счастье есть соотнесённость человека с Истиной.

лето 1995 года

Быть может, ничто так не приближает человека к счастью, как любовь к правде. Ведь счастье – это тоже правда, правда о человеке и для человека, правда о тебе самом, и **отвергая всю и всяческую ложь, жертвуя всем ради правды, ты рано или поздно откроешь своё счастье.**

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»..

14.07.98

Для каждого счастье своё. Для каждого Истина открывается по-особенному, ибо все души разные.

лето 1995 года

Счастье не нормируемо, оно не укладывается ни в какие рамки – только в те, которые отделяют Творение Божие от небытия и хаоса. Микушевич говорит, что в рай приводит чутьё. Только надо идти по чутью, а не застывать в инерции и безверии.

16.07.98

Боремся за ясность. Бог и счастье в Нём непоколебимы. И искушения ничего не меняют. В этом смысле, терпение – это верность своему счастью. Нас пытаются убедить в том, что счастье заслоняется и помрачается. Но мученики и в мучениях радовались и в счастье шли на смерть. Если нам мешают, значит, мы на пути к цели. Надо терпеть и находить радость в терпении. «Претерпевший же до конца спасётся». И просить у Начальника сил дать силы терпеть и ясности радоваться в терпении.

16.07.98

Счастье – в предчувствии счастья. Александр Валентинович Вампилов (1937—1972), советский драматург

То, что называют земным счастьем, именно и есть предчувствие настоящего счастья. Самое большое счастье, которое я знаю, – это предчувствие и ожидание грядущего запредельного счастья, сладкого и непереносимого для земного сердца.

лето 1995 года

Жизнь земная – это преддверие жизни вечной, а потому тоже входит в вечную жизнь, и счастье земное есть та мера полноты счастья, которая вмещается в ограниченность нашей земной жизни. А продолжение следует.

16.07.98

Не нужно принижать счастье. Уровень настоящего счастья очень высок для грешного человека, и если среди людей на земле есть такие, которые достигли его, то их очень немного, и среди тех, кого мы знаем, мы вряд ли встретим такого человека, ибо он должен быть святым.

Поняв это, мы не будем стремиться к тому, что уродливо подменяет счастье, но устремимся к истинному свету.

лето 1995 года

Невозможно стать счастливым человеком, не приобщившись к святости. Чем ближе к святости, тем ближе к счастью. Никакой другой дороги к счастью нет.

Не надо думать, что святость далека. Как и счастье наше, она всегда с нами. Разве совесть не свята? Но как сокровенно счастье, так сокровенна до поры и святость. Как истинно реально счастье, так истинно реальна и святость в нас. Каждый человек свят и бесконечно прекрасен. Святость – это его сущность, его вечное призвание. Сколько есть людей, столько существует типов святости. Святой – это ты сам. Потому так проникновенно дружественны к нам святые.

19.07.98

Человек живёт настоящей жизнью, если счастлив чужим счастьем. Гёте
Интеграция, любовь, прорыв из одиночества.

Настоящая жизнь возможна тогда, когда человек хотя бы предощущает связь самого себя с другими. Если человек замыкается в одиночестве, он прокисает. Через других людей он связывается с Самим Богом. Если ты счастлив чужим счастьем, значит, ты не один, и это значит, что с тобою Бог.

лето 1995 года

Сколько людей живёт на свете и сколько жило!... И у каждого – своя жизнь, свои радости и горести, своя семья, своё счастье. Их миллиарды, а может быть – бесчисленные степени степеней. И до каждого из них тебе есть дело. Каждая личность, каждая судьба что-то значат для тебя. Ты вхож в интимнейшие закоулки жизни каждого. Для тебя безмерно дорог, близок и желанен каждый человек. И какое это великое счастье, какое переизбыточество бытия!

Сейчас мы как в утробе, всё в начатке и зародыше, приобщение к реальности – через alter ego, через возлюбленную, через семью, через дружбу. Но вот святые дружат с миллионами людей. А церковь даёт возможность приобщиться к жизни святых. Нас ждут такие безмерные пространства и просторы, о которых мы в настоящее время не имеем и понятия.

22.07.98

Чужая радость, доставленная тобою, есть самая большая твоя радость. Это шаг на пути к прорыву из экзистенциального одиночества. Сам же прорыв ослепителен. Поэтому отдавать несравненно блаженнее, чем брать. Более того, истинно получаешь ты тогда, когда отдаёшь.

лето 1995 года

Каждый человек невыразимо дорог для нас. В нём таинственно заключена тайна нашего спасения. Он – член того целого, которое составляет наше счастье и блаженство. Апостол Павел писал, что мы друг другу – члены. И вот то целое, которого мы члены, необычайно дорого для нас. Это наше райское целое, которое через грех, отпадение от Бога, распалось на изолированные друг от друга части. Распад – это то, что мы знаем по опыту нашей жизни, опыту внутреннего одиночества. Реальность же – целое, приобщаясь к которому, мы возвращаем своё райское достояние. Отсюда радость нашего доброго общения друг с другом. Чем ближе мы друг к другу, тем ближе наши души к Царствию Небесному.

Это невыразимое сокровище – то, что представляем мы все друг для друга. Мы друг для друга – радость, знамение иного мира, знамение спасения.

26.07.98

Осознать своё несчастье – это наш общий горький удел. Без этого будет только ложь. Но это не последняя и не окончательная истина, потому что в глубине человек счастлив. Апо-

стол Павел говорит: «Утешайтесь надеждой; в скорби будьте терпеливы, в молитве – постоянны» (Рим. 12,12). В этих словах ощущается присутствие Бога и Его благодатной спасающей силы в нашей жизни. Есть надежда, чистая и прозрачная, как горный ручеек, которая не обманет. Есть глубина, в которой всё плохое тонет и которая даёт силы всё претерпеть. И можно всё время молиться чистым и искренним сердцем, а значит, всегда быть с Богом.

Счастье – это когда всю жизнь всё только начинается, всё только начало...

27.07.98

Горе обернётся счастьем – поражение станет заслугой. Китайская пословица

Я верю в это. То, что будет, превыше и блаженнее любой, самой смелой и радужной мечты. Человеческое воображение не в силах объять и исчерпать и маленькой крохи реальности, грядущей быть.

лето 1995 года

Насколько я сейчас понимаю, механизм, если можно так сказать, тут такой. Всё то тяжёлое и трудное, что есть в нашей жизни (а оно совсем не обязательно безрадостно, это уж как ты относишься), всё это есть крест, который неизбежен для нас, живущих в этом мире и в этом теле, и который мы должны пронести вслед за Христом, не ропща, но благодаря за него, ибо таинственным образом крест земной жизни преобразуется в венец блаженной вечной жизни, и чем больше тяжести, тем ярче венец. По православному учению, грех не должен быть уничтожен как небывший, он должен быть преображён. Как гнев на ближнего преобразуется в святое чувство ненависти ко всякому греху и в гнев на свои страсти и на силу вражью, опрокидывающий врага, так и крест наш есть что-то самое дорогое для нас, за что непрестанно должны мы благодарить Бога, потому что в тяжёлом кресте узкого пути и страданий, телесных и душевных (главное – душевных!), сокрыт сияющий венец Царствия Божия, ибо всё преобразится и переродится, и будет дивная радость и полное ликование, какого не знаем мы сейчас, будет окончательное торжество.

28.07.98

...Суть несчастья в том, чтобы хотеть и не мочь. Блез Паскаль

Суть несчастья в том, чтобы быть оторванным от того, без чего нельзя жить.

лето 1995 года

Суть счастья в том, что никто и ничто не может лишить тебя связи с Источником Жизни.

29.07.98

Нужно быть довольным тем, что есть. В этом высшая мудрость. Только из того, что есть сейчас, проистекут со временем все возможные блага.

Надо всему уметь радоваться. Радоваться тяжёлому и трудному, потому что оно напоминает нам о нашем странничестве в этом мире, о нашем пути Домой, о том, что мы только гостим здесь. Тяжесть креста напоминает о скорой голгофе и вечном торжестве. Радоваться хорошему и приятному, потому что это маленькие райские огоньки, разбросанные по нашей жизни, как разноцветные камушки от Серебряного Копытца...

А Господь милостив. Избавит со временем от всякой тяжести. Но только Сам.

30.07.98

Чтобы быть таким уж несчастным, надо очень много думать о себе, считать себя слишком за многое. А между тем, мы очень ограничены, наша жизнь, наш сознательный опыт ещё очень малы и могут быть лишь начатками чего-то. И это должно сильно нас радовать и ободрять. Если наше бытие так ограничено, то в нём не может быть ничего безысходного, ничего такого уж серьёзного и мрачного. Не надо думать, что мы всё знаем, всё понимаем, потому

что тогда нас ждёт субъективно безысходный для нас и очень безрадостный тупик. Мы ничего не знаем и ничего не понимаем, двери тайны открыты для нас, а тайное будет явным и всё изменится, преобразится...

Мы всегда будем ограниченны, но ограниченность наша будет беспрестанно расширяться, что обещает нескончаемую радость для нас. А всякое самомнение – это остановка и поворот к тупику. Только беспрестанное покаяние, открытость Богу, приобщает нас к вечности ещё на земле.

31.07.98

Сам себя, своими силами, человек себя не исправит. Самосовершенствование натолкнётся на жесточайшее сопротивление внутри самого человека, сопротивление скорее пассивное, тупое, но от этого не менее, а может быть и более разрушительное. Если ты своею волею, как бичом, будешь всё время стегать свою немощную природу, чтобы всегда быть добрым, быть хорошим, быть чистым, она не выдержит этого, ты можешь её загнать. Всё может закончиться демонизацией, страшным цинизмом, ты начнёшь даже не оскотиниваться (что ещё не так страшно бы было), а сатанеть. Только Бог, Сам, Своею силою, может изменить, вылечить и умягчить тебя, если ты прибегнешь к Его помощи. А если Он начнёт в тебе действовать, то тебе уже нечем будет в себе гордиться, потому что ты точно будешь знать, что всё хорошее в тебе не твоё и не от тебя. Но и ты сам не свой и не от себя. Ты Божий и сотворён Богом. Так пусть же Он живёт и действует в тебе и делает с тобой, что Сам хочет. И тогда ты узнаешь, кто ты.

31.07.98

Кто сам считает себя несчастным, тот становится несчастным. Гельвеций

Жизнь эта есть одинаково повод как для бодрости, так и для уныния. Не лучше ли тогда последовательно выбирать бодрость, отвергая и противясь тем приступам уныния, которые случаются с нами, всякий раз помимо и вопреки нашей воле? Приступы уныния – еще не повод считать себя несчастным, тем самым соглашаясь с духовным упадничеством и питая его в себе.

лето 1995 года

Наверное, никому не нравится, как капризничают младенцы. Маленькое личико болезненно искажается, становится страшным, открывается огромный рот, и окрестности оглашаются резким истошным воплем, от которого нервы у родителей лопаются один за другим. Но эти младенческие истерики – это образ того, как болезненно и страшно искажаются наши души, вечно недовольные, ропшущие на жизнь, нетерпеливые. Это дух истерики, подрывающий силы терпения, обескровливающий душу. А душа в этом мире может жить только терпением, только в нём может ощутить она своё истинное счастье на земле.

1.08.98

Уныние есть внутренняя тяжесть и внутренняя скорбь. Это ощущения не наши, не к нам относящиеся, и они навязываются нам, гипнотически внушаются извне. И это искушение. Которое нужно достойно перенести. Даже если тяжесть парализует всё остальное. Будь упрямым ослом, молча неси тяжесть, но не будь малодушным псом – не скули. Молись и плачь, кайся, если можешь. И помни, что все искушения временны, а наше блаженство, наша истинная реальность – вечна.

12.03.2000

Есть множество людей, впервые просыпающихся от тяжёлого забытья, которое часто кажется им почти счастьем, впервые задумывающихся о жизни только после большого несчастья. Дай Бог, чтобы «горбатого» исправило горе, а не могила...

лето 1995 года

Несчастье, полное крушение есть естественный итог безбожного пути, тот тупик, куда этот путь и вёл. Хорошо, когда такой тупик ещё может чему-то научить...

2.08.98

Твоей верностью во тьме и скорби уготовляется тебе венец истинной жизни на небесах и на земле.

2.08.98

Отрицательные эмоции всегда могут быть прочувствованы (при желании) как агрессия, как нашествие со стороны, там, в душевном мире. Нашествию должно сопротивляться. Положительные эмоции хороши сами по себе, но это не рай, здесь нельзя расслабляться; зазеваешься, разомлешь, утратишь бдительность – тут-то тебя и свалит зло, и твоё отдохновение может обернуться твоим поражением. И в счастье, и в несчастье – не терять себя, а наипаче – Бога, оставаясь самим собой, то есть всегда выходя за пределы себя в стремлении к Богу. Это выкристаллизует твою истинную сущность, укрепит дух, который, силою Божьей, может стать совершенно нестигаемым.

лето 1995 года, 15.03.2000

Земное счастье и земное несчастье – всё это по ту сторону истинного блаженства, приближению к которому может служить как то, так и другое.

8.08.98

Отец мой очень любит такие слова: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». По-своему это очень глубокие слова. В несчастье – бороться, а в счастье – не сдаваться. Ибо нет конца у той дороги, по которой мы идём. На земле нет ни окончательного счастья, ни окончательного несчастья. А там – посмотрим...

10.08.98

Любые несчастья следует превозмогать терпением. Публий Марон Вергилий (70 – 19 до н.э.), римский поэт

Нужно уметь созерцать свои несчастья, смотреть на них как бы со стороны, тем более, что дух, действительно, – по ту сторону несчастий. Приход несчастья – это шанс для человека открыть в себе такую духовную глубину, о которой он раньше и не подозревал. И его несчастье может стать его благословением. То, что ты можешь **терпеть**, – это и означает, что ты находишься по ту сторону несчастий.

лето 1995 года

Человек может терпеть всё, потому что он неуничтожим и бессмертен. «Терпение соделывает вас совершенными», – сказано в Священном Писании. Христос напрямую увязывает терпение со спасением: «Претерпевый же до конца спасётся». «Не хочешь терпения, не хочешь и венца», – говорят Святые Отцы. Терпение указывает на надмирную природу человека и раскрывает её в нём. Поэтому терпение даёт человеку радость, и это настоящая радость, как чистые подземные ключи, суровая и тихая, как сжатая в глубине пружина. Но пружина разожмётся ликованием. Подземные воды выйдут на поверхность, затопят и покроют всё то, что сейчас мы терпим, и будет несказанное море блаженства с вечно заходящим в него Солнцем.

10.08.98

весна 1997г, Чертановский лес, Москва

Часть II. Из дневников 1997—1998 гг.

Правда Церкви, в которой я убедился сердцем, заставила замолчать мою правду. И слава Богу, ибо моя правда не могла спасти меня от небытия.

май 1997 года

В августе 1995 года я прочитал книгу «Отец Арсений», пришедшую ко мне от Серёжи Матанова. Это было начало – чудесное и странное время. Каждое утро, после завтрака и всех утренних процедур, на меня, как всегда, привычно, как к себе домой, наваливалась иррациональная тяжесть, которая имела обыкновение продолжаться до наступления вечера. Но не тут-то было. Я брал в руки «Отца Арсения», включал кассету с музыкой «Спэйс» (как-то странно они гармонировали друг с другом) и начинал читать. И всякий раз, как чудо, через пол странички – страничку чтения тяжесть отступала, какой-то поток захлывал в душу, я умилялся и часто плакал. Это была как бы полная победа Света, обращённая прямо ко мне. Это был вкус благодати, впервые распробованный мною. Я вдруг почувствовал, что ничего нет такого принципиального, что отделяло бы меня от православия, и это было чудесно, как будто испарилась иррациональная и иллюзорная стена, возвышавшаяся для меня вокруг Православия.

июнь 1997 года

В 21 год я достиг глубокой мирской старости, пережив, передумав и испытав всё, что должен был пережить, передумать и испытать в этом мире, вдали от Божественного Света. И я умер. Родилось новое существо. Я испытал предвоскресение. Началась новая жизнь, в которой нет смерти.

июнь 1997 года

...Ко мне вышла девушка – с длинными волосами и, в общем, довольно неприметной наружности. У неё было пухловатое личико, так что мне показалось, что она полновата. Позднее выяснилось, что она всё-таки очень тоненькая, хотя и не худенькая, лёгонькая, почти прозрачная. Это был первый наш взгляд друг на друга. Мы встретились. Её взгляд не выражал ничего, кроме привычного любопытства, скорее даже ознакомления с внешностью человека, которого видишь впервые. Но тут в чёрненьких точечках её зрачков я вдруг увидел нечто такое, что помешало мне сделать отстранённую оценку первого взгляда. Что-то там, в глазах, в их глубине, за всей этой заурядной внешностью, было такое, что задело меня, я вдруг как будто узнал в них кого-то. «Та самая» – вдруг вспыхнуло у меня в сознании. Какая «та самая»? Бог знает... Похоже на то, как будто наяву встречаешься с тем, о чём видел сон, который сейчас ты уже позабыл, но теперь можешь и вспомнить. Я решил, что мог с ней где-то встречаться в лагере, в школе, где-нибудь. Потом была мысль как-нибудь с ней заговорить и узнать, где же я её мог видеть раньше. «Познакомься, Эдик, это Алёся» – сказал мне кто-то...

июнь 1997 года

Всё происходило **подспудно**, пугающе мощно и основательно. Но я ничему не пугался, я знал, что так должно быть, потому что я долго готовился к этому.

В эту первую встречу мы были ещё чужими друг другу. Эта корочка отчуждения потом быстро отлупилась и лёд чудесно, необъяснимо быстро растаял. Потом уже я само собой, естественно вёл себя с ней как со своей половиной или, если говорить по-земному, как со своей будущей женой. И она отзывалась на каждое моё движение, на каждый мой зов. Иногда мы начинали разговаривать, копаться друг в друге и просто дивились тому, какие же мы разные. Но это были две половины одного и того же, и когда разговор прекращался, души наши снова тянулись и сливались друг с другом.

июнь 1997 года

Ясно было, что началось что-то большое и совершенно новое, началось неторопливо, основательно и, я бы сказал, фундаментально. А поскольку всё это было так серьёзно и органично, думать было не о чем. Это была жизнь, тихая, плавная и размеренная, и её нужно было проживать.

июнь 1997 года

Я пытаюсь войти в Православие. Новые духовные токи объемлют меня. Со мной совершается множество странных, завораживающих, невозможных совпадений. Во мне всё кипит. Всё абсолютно иррационально. Раньше я иррационально не мог туда идти, теперь иррационально почувствовал, что могу. Меня сводят с новыми людьми, в самых неожиданных местах. Гигантское место сейчас во мне занимает Александр Мень. Что-то происходит. Я ощущаю странные вещи.

21 ноября 1995 года (из письма сестре)

В Достоевском очень много нежного и трогательного добра, он размягчает душу и озаряет её тёплым сердечным светом.

21 ноября 1995 года (из письма сестре)

Люди, в большинстве своём, живут в страшной тьме, но иллюзорная пелена застилает их глаза, и они не видят тьму. Они только изредка её предощущают: в скуке, в страхе смерти... Но некоторым, избранным, пелена приоткрывается. Она даже может лопнуть перед ними, и вот она, тьма и бездна, ужас и мрак, пустота и бессмыслица – перед ними, и в ужасе они не могут больше ни о чём думать, всё то, что раньше их завлекало, превращается перед ними в **ничто**, и они начинают звать на помощь, метаться и искать Спасения. «Ищите, и обрящете; стучите, и отворят вам». Воистину это так. «Доказать нельзя, убедиться же возможно» – так обстоят дела с высшей реальностью.

Каждый из нас сам выбирает тот мир, в котором он будет жить. Если ты никогда и действительно не будешь смиряться с жизненным мраком, то ты избежишь мрака; всё изменится: и обстоятельства, и люди, окружающие тебя, и атмосфера вокруг тебя. Но твоё смирение с тем, с чем нельзя смиряться, будет означать твой выбор. <...>

И твоя жизнь, и твоя душа, и твоя судьба находятся в твоих руках, и как ты с ними распорядишься, такими они и будут. Никакой необходимости не существует, есть только враги внутри нас самих, которых мы всегда можем выгнать из себя. И вот три кита дурного бытия, удерживающие человека во тьме и завлекающие его туда: страх, секс и гордыня. (Сюда можно было бы прибавить лень, но лень – это тоже страх, страх перед страданием, связанным с напряжением и усилием.) В них лежат истоки всякой человеческой несвободы, но на самом деле это дым и больше ничего. Нечего бояться; нечего вожелеть, кроме Бога и Его вечного Царствия; нечем гордиться. Дух человеческий нерушим (ибо коренится в Боге). Всё, что нужно человеку, обретается в нём самом, а потом уже внутреннее является как внешнее, и счастье в том, чтобы отдавать, а не получать. И мы дети Божии в его ладонях, мы сосуды его духа, мы инструменты в его руках. Всё наше – Его, а всё Его – наше (насколько можем вместить). Суть человека – это его связь с Богом. Другой человек – это продолжение нас самих, поэтому все его достоинства – это и наши достоинства. Сострадание и сорадование обнаруживают уже в этой действительности подлинную суть вещей. Я, например, неотделим от тебя, а ты – от меня. И так у нас с каждым из людей, просто кто-то ближе к нам в этом поверхностном бытии, и мы чувствуем лучше свою связь именно с ним. Поэтому вражда между людьми – безумие, обида и оскорбление – абсурд, холод и нелюбовь – ложь. Поэтому люди не расстаются друг с другом, и истинная любовь не знает привязанности. Привязывает страсть, которая есть подмена

любви. Тогда один человек чего-то хочет и даже требует от другого, и если тот, другой, не даёт (потому что не может дать), «любовь» легко превращается в ненависть, и так проявляется её истинная природа. Всё отравляется горечью и желчью... В то время как настоящая любовь хочет отдавать и делает это абсолютно бескорыстно, с великой радостью. Любовь сорадуется и сострадает, и самая большая награда для неё – светлая радость любимого существа, открытие для него света и счастья.

Против настоящей любви бессильна даже смерть. Она только крепнет после смерти. И благословенна грядущая встреча!

Любимые не расстаются. На расстоянии они присутствуют в жизни друг друга и, нося образ дорогого существа в своём сердце, они помогают друг другу молитвами перед Богом. Быть может, нет более действенной помощи другому, чем глубокая, сердечная молитва за него. В такой молитве человек может даже заплакать, и каждая его слеза будет неоценимой подмогой для другого. И помощь эта будет приходить не только извне, но, главное, изнутри – в общении души другого к Силе и Славе Того, Кому была обращена молитва. Будут распутаны тенета тьмы, окружившие или окружающие душу другого, и сквозь тучи прорвётся хотя бы лучик света, животворящий и дающий силы идти на свет. И этот лучик может решить всё.

Вообще, молитва есть сила, изменяющая жизнь и бытие человека. Молитва изменяет настроение, изменяет сознание, пресекает какие-то тенденции во внутренней жизни человека и зарождает новые, неслыханные, волшебные. Молитва с верою может всё. Она буквально творит чудеса. Я знаю по собственному опыту, что что бы ты ни попросил в молитве с верою – это дастся тебе. Другое дело, что ощущая себя предстоящим перед Богом, далеко не обо всём дерзнёшь попросить, а только о самом нужном, чистом, светлом, несомненном. Например, о просветлении отдельного какого-то дня, или даже встречи, об оживотворении своего сердца, о другом человеке, об очищении себя от мерзостей, о явлении тебе Света, о своём Спасении...

Для молитвы мало слов и мало мыслей. Признак настоящей молитвы – это когда слёзы подступают к твоим глазам и одна за другой начинают стекать по твоим щекам. Потому что всё это максимально серьёзно, реально. Хорошо молиться всегда, в повседневности, во всех делах и заботах. Это совсем не трудно. Более того, это естественно. (Вообще, всё в жизни должно быть естественно.) Потому что меньше всего человеку хочется когда бы то ни было отпадать от Истины, отпадать во тьму. И то дело, при котором невозможно сохранять молитвенный дух, есть нехорошее, недолжное дело.

...Я говорю о предельно глубоких вещах. Не может быть, чтобы в иные минуты к тебе не приходило осознание неимоверного мрака, сердечной смерти, полной пустоты и ничто, в которые погружены мы в этом мире. Но из этого ужасного бытия можно спастись. И Спаситель – рядом с тобой, сейчас, здесь. Впусти Его в себя, ибо Он стучит в двери твоего сердца, и Он войдёт в тебя и выжжет тебя изнутри, всё изменив и переиначив. Невозможное станет возможным, предсказания начнут сбываться, чудеса станут чуть ли не обычным делом. Ты узнаешь, что такое настоящая радость, которую никто не сможет отнять у тебя. Заботы исчезнут, тяжесть пройдёт, а думать ты будешь совсем о другом...

21—22 ноября 1995 года (из письма сестре). (Это было начало...)

У Бога всё цело, ничего не пропадает и всё даёт свои плоды в свой срок.

24 июня 1997 года

Первое время мне было очень трудно отстаивать службы: минут через тридцать сильно начинали болеть ноги, спина. Уставал страшно. Но потом оказалось, что это дело привычки. Через месяца два стало гораздо легче. И сейчас устаю я сильно, но не болезненно. Каким бы на службу ни пришёл, к концу её на душе тепло и тихо, мир входит в душу.

24 июня 1997 года

...Всё было очень серьёзно, пока холодно, но страшно уверенно и основательно. Мне было не страшно. Я знал, что вышел к Богу лицом к лицу.

24 июня 1997 года

...Церковь – это не выдумка и не блажь, она реальнее всякой черноты, даже самой страшной.

24 июня 1997 года

...Где же она, правда жизни? Любовь – это труд, это тайна, это религия и мистика. Не всё приходит сразу. А тьма никогда не бывает правдой.

конец июня – начало июля 1997 года

В Царстве Божьем конфликтов нет, там всё рассасывается. Все эти истории к нам ещё вернутся, но уже совсем по-новому.

конец июня – начало июля 1997 года

Царство Божье начинается здесь. И если здесь оно не начнётся, то и потом оно не продолжится.

конец июня – начало июля 1997 года

...Да, «**мы**». Я познал, что это такое. На одной из своих лекций Микушевич сказал, что человеческое подобие Троицы заключено в мужчине и женщине как целостности. То есть есть один, другой и объединение одного и другого, благодатное объединение, в котором присутствует Сам Бог, соединяющий любящих. Он и есть их любовь друг к другу. И эта любовь делает их одним существом, когда один – продолжение другого, когда полная гармония и полнота. Я всегда ощущал в себе внутреннюю полноту, но я никогда даже не подозревал, что воплощаясь в действительности, выходя вовне, она примет образ Алеси. И это не конец. Полнота всеохватна. Грядут самые немыслимые продолжения. Но новое единство не перечёркивает двух личностей, оно ведь возникло и могло возникнуть только с их санкции, с их свободного согласия и волеизъявления. И эти личности любят друг друга и третье лицо – своё единство, а единство любит и нуждается в каждом из них. Если одна из личностей подавляется, то и единство будет ущербным. Здесь и раскрывается подобие человека Триипостасному Творцу, во всей своей полноте и гармонии, или, скорее, в начатке своей полноты и гармонии, ибо благодать Божия, чудесная сила иных миров, необъяснимая, иррационально радостная, неотмирная сила Царства Божия, она покрывает и преодолевает искажённость человеческой природы, греховную его немощь, проявляющуюся в ссорах, непонимании, обидах. Всё это может быть преодолено.

конец июня – начало июля 1997 года

О Господи, я слаб. Так прости же мне мою мерзость. Я совсем не могу без тебя. Не оставляй меня, Творче. Защити меня.

5 декабря 1995 года

Я могу бесконечно говорить о себе и думать о себе, я себе чрезвычайно интересен, во мне есть страшно глубокая тайна, но говоря о себе, я чувствую, что меня затягивает в какое-то липкое, душное и грязное болото, в котором нет ни любви, ни добра, и где мне грозит гордыня и самолюбование – предательство Бога.

5 декабря 1995 года (Помнить надо, однако, что «внутри есть Царство Божие».)

Если меня начинают жалеть, значит, меня не видят, ибо я знаю, что Я не заслуживаю жалости, но – сострадания.

7 декабря 1995 года (Сейчас я уже и жалости был бы рад. 26.03.2000 0.41)

Сегодня побежал от истязаний души моей в церковь, к отцу Виктору. Там я опять боялся и робел, и умаялся, и чувствовал полную свою ничтожность и непотребность. И понял я, что недостоин, недостоин ничего вообще.

7 декабря 1995 года

Господь всегда спускается в душу чудесным и естественным образом.

9—10 декабря 1995 года

Мне трудно сказать, чем отличается одна женщина от другой. Потому что в отношении к мужчине всякая женщина – это всё-таки сосуд и материал, каковы бы ни были её поверхностные личностные качества. Бывает, как писал Владимир Соловьёв, «непригодный материал». На одного и того же мужчину все женщины, каждая женщина, соприкоснувшаяся с ним в глубине, реагирует одинаково, одновременно меняясь. У неё изнутри как бы кто-то откликается ему и на него. Разница в степени, в силе отклика. Кто-то не может даже соприкоснуться с тобой и остаётся вовне. Алесь оказалась абсолютно отзывчивой на меня. Она отзывалась на все мои движения, на всё моё существо. Она переродилась совершенно, заново родилась. Повторился миф о Пигмалионе. Я извлёк её из небытия, придал ей черты своей половины и силой Божьей, данной мне для этого, её оживил. А она была совершенным «материалом». Она терпела даже то, что никакая другая женщина бы не вытерпела.

июль 1997 года

...Теперь у меня звание «женатого мужчины», и каждая женщина чувствует поэтому, что я не чужой: через Алесю я приобщился к каждой женщине, и ни через кого другого это не могло бы состояться. Есть общность человеческого рода. И наш брак имеет отношение к каждому. И дай Бог, целительное и спасительное отношение.

июль 1997 года

Кончилось отчуждение, царство тьмы и смерти, неверия и безысходности. Началось Царство Божие. А из всего прошлого самым реальным оказалась надежда, вера своему сердцу и жажда любви. Осталась и философия. Всё то, что я приобрёл прежде на путях веры своему глубокому сердцу, – всё это теперь мне очень пригодилось. Моя вера применялась к жизни и оказалась самым практичным инструментом, всегда помогающим увидеть верную дорогу среди терний обыденной и такой опасной жизни. Алесь была как слепой испуганный котёнок. С большим трудом она доверилась мне. И Бог управил нас через мою веру. Он реально действовал и продолжает действовать через меня. Это касается прежде всего моей жены, но иногда, когда Он считал это нужным и когда я просил, Он направлял меня и с другими людьми. Это неоспоримый внутренний факт моей жизни. Так бывает со всяким искренне верующим человеком, желающим жить по воле Божьей. Никакой личной заслуги здесь нет. Но познать это можно только изнутри, все слова об этом – ложь. Есть и заслуга, но тут уже ты и Бог – одно, потому что ты отдал себя Ему, а Он тебя наполнил, насытил и сделал самым собой. Бог не чужой, не посторонний, не внешний. Он видит нас изнутри нас самих, Его присутствие – в глубине нашего сердца, Его дыхание – наш дух и наша душа.

июль 1997 года

Стихи Тютчева размеренны, спокойны, классичны и всё-таки мало энергетичны. Это какая-то элегия, июль, разморенность. Они не бодрят. Конечно, это очень хорошие стихи. Но Тютчев не идёт к духовной реальности. Он довольствуется лишь лёгким касанием к её поверхности. Очень чувствуется, что это начало приобщения Алеси к вере. И нужно помнить, что для женщины и Тютчев – уже очень многое.

июль 1997 года

...То, что люди привыкли называть своей жизнью, есть только болото и грязь с блуждающими огоньками гнилушек и с редкими лучиками настоящего Солнца, милостиво посылаемыми им и в эту грязь.

июль 1997 года

Нам так и осталось: мне 21, ей – 22.

июль 1997 года

В том-то и дело, что свет перешёл из области надежд и надрывных предощущений в самую жизнь. Произошло это вместе с воцерковлением. Уверенность доходит до дерзости перед лицом тьмы и людей, в ней живущих.

11 августа 1997 года

Это то самое существо, которое стояло за мной во всю мою жизнь, стояло за моим одиночеством и моей полнотой, моими писаниями и многими стихами, моей замкнутостью и моей тоской. Узнавание было чудное, дивное и неложное. Не всё было просто: велик соблазн духа мира сего и лукавой сей временной жизни, особенно для женщины, ибо женщина связана землёю, но вера моя вывела нас. И всё то, что я познал, накопил, приобрёл и взрастил в себе в одиночестве и удалении от вещей суетных и недостойных, через книги, музыку, творчество и внутреннее делание – всё это очень и очень пригodiлось мне. Точнее говоря, настала пора действия и настоящей, нешуточной битвы. Действительность позвала к действию. Мой внутренний мир вдруг вышел наружу и нашёл своё средоточие в горячем и родном, сказочном женственном существе с никогда прежде не встречавшимся мне именем: Алеся. В той странной, непостижимой и таинственной благодатной жизни, в которую мы вступили, она ещё и Александра, так же, как я – Владимир. И чем глубже погружаешься в эти прозрачные прохладные воды, тем с большей силой и глубиной звучат для нас эти имена; новое живое существо отзывается на это имя. Тяжёлый и безблагодатный Эдуард умер, но с тем, чтобы воскреснуть в чистоте и свете. Недавно я узнал, что это тоже православное имя. Очевидно, что то, что было раньше, что было наполнено стремлением к Истине и Свету и что всё-таки подвело меня к Церкви, несмотря на все уклонения и фальшивки, эта старая жизнь была также в чём-то православна и в чём-то освящена. Момент смерти, умирания, конечно, присутствует. Но есть и воскресение, и воскресение торжествует и преображает. Я чувствую, особенно в общении с теми, кто был и тогда в моей жизни и с тех пор не изменился, что они обращаются во мне к тому, кого уже нет. Но и тот, прежний я, хотел перемены, хотел измениться. Так вот преображение началось, и реальность, стоящая за этим, несокрушима. Она сильнее всего. Более того, началось посмертие. Происходит много такого, что ожидалось только после смерти. Совершенно явно, что многое из теперешней жизни в посмертии плавно продолжится и из посмертия прорастает. Впрочем, так у каждого, но в основном, это адские вещи: телевизор, скука, уныние, пьянки, гордыня, беготня... Я же говорю о хорошем, светлом, несомненно райском и блаженном, родном, из нашей Небесной Отчизны истекающем и туда ведущем. Могучая, надёжная опора, как будто также исшедшая из внутренних глубин, из тайников совести и оснований правды, – это Церковь. Итак, внутреннее начало становится внешним, восстанавливая порушенное начало гармонии бытия. И то, что происходит со мной, имеет самое близкое отношение и самую животрепещущую важность для всего мира, для каждого. Это точка разрастания Света, который должен охватить всю Вселенную.

Впрочем, это дело жизни, дело Божие. Он Сам всё нам покажет и поправит меня, если нужно. Пока же хочу сказать только, что всё, что касалось и касается жизни Алеси, есть факт моей внутренней жизни. Алеся как-то связана с моей живой душой; может быть, это она и есть.

И с её приходом или явлением внешняя жизнь (до мелочей) начала становиться внутренней, а внутренняя, во всех тонкостях, стала воплощаться вовне, стала создавать атмосферу вокруг меня, ощущаемую извне.

15 августа 1997 года

Эти слова были написаны в определённую минуту, может быть, светлую минуту. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит, что в состоянии умиления у человека открываются духовные очи и он всё видит правильно, как бы становится зрячим. Проходит умиление – человек снова слеп. Тот, кто всё время в умилении, совершенно прозрел. Но какая же потребна во всём этом осторожность и трезвенность! Сейчас, в обычную минуту внутренней борьбы, могу сказать лишь то, что самое главное в том, что я могу прибегать к покаянию. Эти двери для меня открылись. Сердце сокрушается. А значит, уже не такая тьма внутри меня.

Я привлекаю столь пристальное внимание к своей рядовой и ничем не выдающейся личности и судьбе лишь потому, что хочу поделиться с близкими мне людьми (а, вообще-то говоря, мы все друг другу – ближние) тем, что, как мне кажется, типично для человека вообще. Может быть, кому-то эти вехи пригодятся и в его жизненном пути. И потом – **«утешителен, отраден для христианина голос его собрата в этой тьме и сени смертной, в которой мы совершаем наше земное странствование, шествуя к небу»** Свт. Игнатий (Брянчанинов).

Из своих дневников о своей личной жизни я выписываю то, что, как мне кажется, свидетельствует о веянии Духа в нашем трудном и скорбном земном бытии.

3.04.2000

Плохое не может быть правдой и никогда ею не бывает. Бывают просто наваждения, уходящие и не оставляющие после себя ни следа, ни памяти. <...> Кое-что может преобразиться, имея в себя зёрна правды.

15 августа 1997 года

Муж – глава, когда у него глава – Христос. А так жена будет у него шеей, которая будет им лукаво крутить по своим пустым прихотям, по женской слабости своей.

15—17 августа 1997 года

Вера включает в себя такое понятие, как верность. Вера зиждется на духовном опыте. Сначала это редкие минуты просветления, может быть, даже мгновения, когда всё становится ясно и радость наполняет душу. Потом возвращается тот же самый прежний мрак, как будто ничего не было. Но остаётся память об этих минутах. И вот этим минутам, когда в человеке раскрывается его настоящая светлая глубина, когда Бог посетил его, этим минутам человек должен хранить верность во мраке, не поддаваясь давлению тьмы. То же самое справедливо и в отношении любви, справедливо в полной мере, ибо в любви также есть посещение Божие и откровение в тебе Его образа и подобия – тебя самого. Здесь тоже нужна верность светлым минутам и неверие мраку повседневности, убивающему высокое и прекрасное, неверие наваждению отчуждения, неверие плохому в личности любимого существа. Между прочим, очень похожим образом строятся и отношения с Богом, в Котором, конечно, нет ничего плохого, но и здесь приходит повседневность, тучи заволакивают духовное небо: кажется, что Бог отвернулся от тебя, и даже клевета на Бога может доходить до твоего ума и сердца через слышимые слова или неслышимые помыслы. Но Он рядом, и Он отрёт всякую твою слезу, все те слёзы, которые ты пролил во всю твою жизнь. Не останется не утешенным ни одно твоё воздыхание, ни одна горькая мысль, ни одно тяжёлое чувство. Здесь мы живём во времени. Вечность больше времени и всё временное она в себя включает. Войдя в вечность, мы не потеряем ничего из временного, но в вечности всё преобразится. И я, грешный, только этим и живу.

15—17 августа 1997 года, 3 апреля 2000 года

...Кстати, к чудесам теория вероятности не применима. Чудо невероятно и единично. И тем не менее, оно может озарять жизнь почти регулярно, часто, до самой смерти. В конце концов, оно может озарить всю жизнь в её непрерывном течении.

12 декабря 1995 года

(Алесе.) Когда мы вместе (а мы всегда вместе), между нами чудо. Оно приходит и оживотворяет наши сердца. Потом оно отходит (и мы виноваты в этом), нам холодно, мы пугаемся и зовём его обратно. И оно опять приходит, чтобы потом опять уйти, и снова прийти...

Будем беречь чудо. Пусть оно остаётся подольше с нами. Когда-нибудь оно уже не покинет нас...

Ты веришь, душа моя?

12 декабря 1995 года

За иллюзорной, привычной пеленой всегда стояло нечто другое, нежели то, что нам казалось. Сейчас мы можем познать это опытно. Обыденность была тьмой, близкие – незнакомцами, мечты и надежды, душа моя, – отголосками **реальности**.

14 декабря 1995 года

...Каждый человек измеряется тем опытом Света, который он пережил, ибо человек призван хранить верность этим минутам. Эти мгновения прожигают его существо, и если он сохраняет им верность, они подчиняют себе всю его жизнь. <...> Я <грешный, обременённый многими согрешениями> знаю, как **должно быть**, я предощущал это сердцем, и даже то, что мы переживали с тобою, лишь приближается к моему знанию. Вся эта жизнь настолько противоречит тому свету, что самым естественным было бы плакать все дни и ночи напролёт, как плакал Симеон Новый Богослов, когда Свет покидал его. Но по-настоящему нет ничего, кроме этого Света. Так что когда он уходит от нас, мы погружаемся в небытие, и только воспоминание о нём да ещё живое сердце, еле бьющееся где-то там, в глубине, связывают нас с жизнью. И наша верность Свету – это реальный путь к жизни. Свет придёт так же, как мы явились друг другу.

15 декабря 1995 года

...Многое тогда было видно такое, что сейчас уже сокрылось, но что и теперь всегда с нами. Я помню, что много раз приходило на мысль, и мы говорили об этом вслух, – как же любит нас Тот, Кто создал нас друг для друга, какова же должна быть Его любовь!

20—21 августа 1997 года

Мы в этом мире болеем. Мы болеем хотя бы тем, что живём здесь, в этой грубой смертной плоти, с душой, страдающей язвами греха. Мы болеем душевным холодом и духовной слабостью, и всё существо наше пронизано тоской и томлением по родным райским обителям, по мирам иным. И стремление туда, в миры близости Божьей – это всё для нас. Именно это отправная точка всего, что мы делаем, всего, что мы думаем, всего, что желаем. С этого наша жизнь здесь началась, этим она здесь и кончится. А вернёмся ли – Бог весть. На это уповаем. В душе своей нужно сначала вместить эти обители, ещё в этой жизни, в этих днях исполниться их светом. А иначе идти будет некуда.

20—21 августа 1997 года

Смерть и посмертье – реальность, в которой и сейчас живёт наша душа. И за всякой вещью в этой жизни стоит либо жизнь, либо смерть; либо рай, либо ад. Только нужно смотреть не на внешность, а на внутреннюю суть, которую ощущает душа. Опять же, тут многое зависит от опыта света: есть ли человеку, с чем сравнивать. Может быть, он так уже привык жить во тьме и душевной муке, что стал как крот, ничего не знающий о свете. Тут важно верить себе, ощущениям души. Если душе темно и безрадостно, значит, это тьма. Не необходимость,

не дела, не житейские заботы, не работа, не досуг, не чтение книги или, чего поуще, газеты, а тьма, подлинная и крошечная, из которой можно выбраться, если очень захотеть. Если с ней не мириться. Если искать.

Равнение на смерть как на некий предстоящий опыт показывает человеку истинную меру значимости происходящего, открывает ему масштаб жизни, достойный имени духовного существа, трезвит, бодрит и освобождает.

21 августа 1997 года

...Учиться выстаивать службы было трудно. Первые разы болело всё, ступни горели, как на сковородке, но к концу литургии каждый раз, за исключением всего одного или двух, лучик благодати касался души, и в неё входила тишина, усталая, смиренная, вымученная и всё же радостная. Что-то настоящее, здоровое, трезвое и крепкое просветляло душу. Стояния эти нужны. И службы долгие нужны. (Впрочем, это только нам, далёким от истинного молитвенного духа, они кажутся долгими.) У нас окаменевшие, ничего не чувствующие души. Эту косность не пробить сразу, играючи. Нужен труд. Присутствие на богослужении, участие в церковной службе – огромный и тяжкий труд. Но благодатный, с настоящими результатами, глубоко изменяющими душу. Это добрая, питательная пища света. Всегдашнее освобождение от тёмных сил, от мрака душевного, уныния, тяжести, свербения внутреннего. А потом и стоять легко становится, и всё легче, и легче. И в церковь как домой приходишь. Потом состояния таинственные начинают посещать в церкви. Хорошо плакать, животворя душу...

27 августа 1997 года

...Сомнения в святом и высоком несут с собой смерть.

17 декабря 1995 года, 3 апреля 2000 года

Алесенька очень остро ощущает и любит всё то хорошее, что есть в этом мире, земное и тёплое: природу, простые добрые отношения, семья, Чехов, Флоренский (это уже стык земли и Неба), домашний уют, красоту, готовка пирогов и «чего-нибудь такого вкусенького»... Эта её черта имеет ту опасность, что она чревата примирением с миром, который «во зле лежит» (по слову Иоанна Богослова), болотом, самодовольством, забвением Бога. Бог, конечно, есть во всём этом хорошем, но Он больше, и Он зовёт нас к чему-то неизмеримо большему. И это только крохи его даров, которыми нам негоже довольствоваться. Кроме того, на земле нет ничего совершенно чистого. Во всём земном таятся ловушки, опасности подмены, таится изнанка тёмных сил, «миродержателей тьмы века сего». Поэтому нельзя привязываться ни к чему земному. Привязанность к земному гибельна. Но, благодаря Бога за все Его земные дары, мы должны стремиться в Его вечные обители, где будет оправдание и восполнение всего земного и жизнь бесконечная, во всём бесконечном множестве своих измерений.

31 августа 1997 года

...В тебе и во мне есть нечто единое, но ты женщина, в тебе и так слишком много Неба, и ты устремляешься к земле. А я мужчина, во мне слишком много непроглядного земного мрака, и я весь устремлён к Небу. Ты видишь моё Небо на земле, а я вижу твою землю в Небе. Счастье на земле возможно, но лишь тогда, когда Небо воцарится в наших сердцах, Царство Божие будет в нас. И тогда это счастье станет прелюдией и предощущением счастья запредельного. А если запредельного счастья нет <как говорил или мог говорить в то время в глубине души Алеси некий червячок>, то не нужно никакого, и встретились мы зря, и родились по чьей-то злой шутке, и я тебе никто. <...> Мы сможем быть счастливы на земле, **только** храня верность запредельному нескончаемому счастью. Без этого будет только ложь и обман.

19 декабря 1995 года

После грехопадения женское начало соотнесено с ведьминским, стервозным и нужен великий подвиг веры, кротости и доброты, чтобы эту ведьму и стерву из себя женщине изгнать.

14 сентября 1997 года

Природа физической близости, конечно, глубоко двойственна. С одной стороны, это естественное продолжение любви мужчины и женщины, это, действительно, сближает ещё больше, до уровня телесной жизни, то есть до самого сокровенного. Но при такой близости неизбежно переходит друг на друга и тот грех, та нечистота душевная, которую грешный человек в себе носит. Я чувствую ещё, что это также связывает с матерью-землёй. Но можно сказать и так, что это сбрасывает на землю. У Микушевича есть такая мысль: «Секс – это не грех, это падение», то есть это перемещение на более низкий уровень бытия, когда ты идёшь на поводу своей естественной немощи, слабости. Если это с женой и в меру, то от Бога ты не отпадаешь, но и никакого скорого духовного подъёма не будет. Мера здесь жизненно необходима. Это таинство. Если приступаешь к нему недостойно и неподготовлено, то оно опалит твою душу огнём, растлит, разорит и опустошит тебя. Никакая легкомысленность здесь недопустима. Ещё это смиряет. <...>

Отец Виктор говорил, что «половая жизнь» – это означает, что вся радость в пол уходит (и он показывал при этом пол под ногами). Высшие миры, которые только и радуют человека, когда нисходят в его душу, удаляются. Не навсегда. И даже не надолго. Но на некоторое время человек остаётся наедине с миром. А в мире царит отчуждение и нет романтики. Повседневность, будни, страхи, заботы... Любовь подвергается испытанию. И нужно хранить верность.

14 сентября 1997 года

Однажды ты сказала: «Испытание счастьем...» Но это не есть счастье. Именно от такого «счастья» человек становится по-настоящему несчастлив: имея любящую жену, хороших детей, достигнув вершин этого мира. Земное страдание гораздо ближе к подлинному счастью, чем так называемое «земное счастье». Поэтому это не есть испытание счастьем, это испытание болота мягкости мира сего. Счастье – в тайне, в бесконечности, когда нельзя определить точно, что происходит, но когда сердце трепещет и ликует, раскрываясь свету небесному.

20 декабря 1995 года

Иной раз бывает так, что люди ближе друг к другу на больших расстояниях друг от друга, чем когда они день и ночь сидят вместе в одной комнате. Пространственная близость ещё не есть настоящая близость. Бывает, что нужно не обращать как будто бы друг на друга внимание и заниматься каждый своим делом, чтобы быть вместе, находясь рядом друг с другом.

сентябрь 1997 года

...Я глубоко травмирован атмосферой этого мира. Иногда душа моя напоминает мне одну большую и ноющую рану.

25 декабря 1995 года

Господи, я дерзок и заносчив, я слаб и ничтожен без Тебя. Прости меня.

25 декабря 1995 года

Полное примирение с этим бытием возможно только ценой твоего полного небытия. Есть в этом мире нечто, а вернее **ничто**, компромиссы с которым приводят к тому, что живая и трепетная душа мертвоет. Каменеет. Александр Мень говорил по этому поводу так (цитируя при этом Святых Отцов): «Принимать, отрицая, и отрицать, принимая». Вот отношение к этому миру и к этой жизни. Есть здесь много такого, что можно принять только для бескомпромиссной борьбы с ним, до последней капли крови. (И самое мощное оружие в этой борьбе – смирение, терпение, неосуждение других; для кого-то – забитость, для нас – победа, которую никто

не отнимет у нас.) Серафим Саровский говорил: «За уступки миру многие погибли». Это его подлинные слова. Жизнь есть борьба и если борьба прекратится, то наступит смерть.

26 декабря 1995 года, 9 апреля 2000 года

Этого мира не существует без иных миров. Всё самое хорошее здесь – это веяние высших миров, нашей настоящей Родины. А всё плохое – это ад сквозит сюда. Этот мир не автономен, он не существует сам по себе.

26 декабря 1995 года

Есть такая боль, которая не предназначена человеку, он не должен её выносить. Он может только погружаться в неё как в тяжёлый мираж, как в небытие. Такова боль безверия: страх смерти, утеря умершего близкого человека «совсем и навсегда»...

26 декабря 1995 года

...В то время Алеся читала «Иконостас» Флоренского. Она захотела показать мне его портрет, напечатанный в начале книги. Помню это удивительное, сказочное, такое необычное, неправильное лицо с длинным добрым носом, выющимися волосами и мудрыми небольшими глазами. Как-то особенно я его в тот момент почувствовал. Как будто что-то ёкнуло в глубинах души. С Флоренским у меня отношения были сложные. Всё началось с «Розы Мира» (в 1991 году), где было сказано, что Флоренский, спустя всего лишь лет десять-пятнадцать (по земным меркам) после смерти, взошёл в своём посмертии на исключительную высоту, что вызывало удивление и у самого Даниила Андреева. Позже я столкнулся с Флоренским в «Самопознании» Бердяева (в 1992 году), на тот момент сверхъестественно близкого мне по духу. И я помню, что Бердяев отзывался о нём с неприязнью. Я читал работу Флоренского «Имена» (1990, 1992—93 гг.), и она мне не понравилась. Чужой дух. Казалось странным, что моё имя, которое носят ещё тысячи отличных от меня людей, может так много для меня значить. Пробовал я начать читать его воспоминания «Детям моим». И опять разочарование: скучно, слишком много подробностей, ничего для меня не значивших. Все эти ракушки, запахи, дяди и тётки... Я не смог дочитать даже до религии в детстве Флоренского. Гораздо позднее я понял, что его мироощущение по своей тонкости почти женское, это какое-то женственное мироощущение, более всего женщине и должное быть понятным. И встретив Алеся, а также пройдя через воцерковление, я стал больше понимать и ценить Флоренского. Помню, что ещё на семинаре по философии году в 94-м преподавательница показывала нам лагерную фотографию Флоренского, напечатанную в каком-то журнале. Он там стоит в какой-то белой рубашке, подпоясанный, в грубых сапогах, широко расставив ноги. Глаза спокойно и мудро смотрят из-под небольших кругленьких очков. Меня поразило, какой силой веяло от этой хрупкой тонкой фигуры в больших грубых сапогах. Он стоял как столп. Я почувствовал очень многое: и его страдание, и его служение, и то, что это служение он уже не мог осуществлять, потому жизнь его приняла уже какие-то нечеловеческие формы и подходит к своему концу, причём концу мученическому. Я почувствовал, как спокойно, тяжело и страшно мощно он идёт к этому концу. В Православии к нему относятся с огромным уважением. Из всех наших религиозных писателей конца XIX – начала XX веков только о нём и, пожалуй, о Достоевском, я не слышал нареканий в уклонениях от Православия. (Последнее оказалось не совсем точно. По «Радонежу» говорили, что именно некоторые неправославные мнения в сочинениях священника Павла Флоренского препятствуют его канонизации, за которую ратует некая группа верующих. А вообще-то он новомученик ведь... И ещё мне встречался уничтожающий отзыв о Флоренском, правда, только один, – диакона Андрея Кураева. – *апрель-май 2000 года*) О Флоренском часто говорят как о новомученике, в том числе и священники. Розанов буквально вцепился в отца Павла в последние годы своей жизни, имея большие подозрения в том, что этот человек – святой. Есть известия, что в лагере личность Флоренского производила глубо-

чайшее впечатление на заключённых, и гроб с его телом они встречали на коленях, все, включая уголовников... О Бердяеве таких известий нет...

7 ноября 1997 года

Характер есть сформировавшаяся воля, как говорил, кажется, Новалис. То есть истинный характер есть результат постоянного действия доброй воли человека, и он твёрд и силен. То же, что называют дурным характером, не является характером человека, а есть всего лишь игрище различных страстей, чуждых самому человеку. А чтобы избавиться от дурных черт своего душевного облика, нужно, по-моему, одно: нужно научиться не прощать себе вспышек зла и холода и после каждого такого предательства самого себя и Бога научиться честно признавать самого себя подлецом и жестоко, горько, надрывно раскаиваться в содеянном, сказанном или помысленном. К самому себе нужно уметь относиться безжалостно. (Тогда Господь всё простит и омоет душу, и даст мир, покой и тихий свет радости душе твоей.)

4 января 1996 года, 6 января 1998 года

На земле мужчина ведёт женщину, муж ведёт свою жену. Но на самом деле невидимо женщина ведёт мужчину, и там это станет явным. Женщина – более небесное существо, чем мужчина, она ближе к небу, хотя мужчина – творец. Жена создана как помощница мужу. Но и Ангелы – служащие духи. Женщина близка к ангелам. И потому, если она неверна своей светлой природе, она страшно глубоко и тонко демонизируется, перенимая бесовскую лукавую природу. Женщина создаёт атмосферу – и дома, и в учреждении. Мужчина так ничему не отдаётся, как она. Уют – это женщина. Мать – это Ангелы, заботящиеся о младенце. Жена-советчица – это образ твоего Ангела-Хранителя. По-моему, женщина вообще не совсем человек. Она очень близка Ангелам. Потому женщина ведёт на небо своего возлюбленного. Муж должен благоговеть перед женой в сердце своём. Но по-земному она духовно беспомощна и только в кротости и смирении может обрести себя. На земле муж должен вести её, хотя сам невидимо наставляется (или вдохновляется) ею же.

10 января 1998 года

Слёзы – это что-то святое (если они, конечно, не злые), они не могут быть выдуманными, нечестными, это святая правда души. Они очищают душу, изгоняют из неё всякую грязь, они являют самые глубины души, таинственные, живые. Нужно уметь плакать. <...> Проза жизни освещается поэзией реальности, которая глубоко трогательна.

7 января 1996 года

Перед Светом ты должен быть как малое дитя, но перед тьмой ты воин.

8 января 1996 года

...О главном обязательно нужно думать. Ибо в Боге всё по-другому, в Нём все проблемы враз разрешаются. И всё недостойное при мысли о Нём отпадает.

10 января 1996 года

Все эти непонятные люди, которые неизвестно чем живут (и живут ли вообще?), – они не в пустоте существуют, не в полной заброшенности. У них есть своя совесть, перед которой они в ответе (и все они знают об этом), их всех, так же, как и нас, ведёт Бог по этой жизни и ведёт наилучшим для них образом, согласуясь с их собственными свободными волеизъявлениями, зачастую тёмными и разрушительными. А у нас есть своя совесть – наше высшее мерило и наш высший судья. И пусть не смущают нас эти непонятные люди: мы знаем **наш** путь. И ничто не должно заставить нас предать это знание. И ещё. Мы не можем заглянуть внутрь человека. Каково ему там, в этой его непонятной приземлённости? <...> Откуда мы что знаем? Мы видим человека (который, кстати, считает нас совершенно чужими ему людьми,

недостойными ни его откровенности, ни его настоящей доверчивости), мы видим человека «трезвым» днём, в железных тисках повседневной необходимости, оторванным от дома и родных, в холодном и чужом для него мире. И гораздо больше смысла верить в его братскую человеческую душу, чем судить о нём по самым внешним и самым косным его проявлениям вовне. Ведь он же человек. Ведь и мы иногда проявляемся вовне самым косным, холодным и недостойным образом...

12 января 1996 года

Тебя окружает то, чего ты достоин, то, что должно тебя окружать и тебя изменять к лучшему. <...> И именно потому, что твоё окружение обращено именно к тебе, оно предназначено для тебя, чтобы ты был в нём здесь и сейчас, именно поэтому оно может вызвать в тебе самые глубокие мысли и чувства.

12 января 1996 года

Нужно не просто стремиться к истинному и вечному, нужно задышаться без него и нужно ощутить в нём жизнь, ту жизнь, которой нет у тебя в этой смерти.

Всё раскроется, и не сразу, постепенно, но только если желать это, как воздух, и стремиться к этому, как к Солнцу. А если ничего не желать, то ничего и не придёт, а придёт только то, чего ты никак не хочешь (но к чему ты сам последовательно шёл в своей лени и духовной апатии) и что заставит тебя возжелать.

12 января 1996 года

Гордыня надломлена, эта могучая гора, демонская твердыня, отделяющая человека от Бога, поколебалась. И на её место ринулись страсти и страстишки всех видов и мастей, иногда кажется, что потеряна сущностная нить. Большая часть прошлых стимулов побледнела. Гордыня – королева страстей. Другие страсти её боятся и перед ней отступают. Но ведь гордыня – глубинная причастность дьяволу, который, будучи Денницей, через неё пал. Гордость делает человека бесстрастным, спокойным, даже сильным, «хозяином самому себе», но на самом деле хозяйничает здесь не он, а она, ибо гордость не коренится ни в какой реальности, это фантом, не имеющий отношения к истинной человеческой природе. Свою суть человек обретает в смирении, это его достоинство, это его красота. Гордость отсекает человека от Бога, источника жизни, обезвоживает его, мертвит и губит.

Теперь моя жизнь заключена в молитве. (Нет молитвы – нет жизни.) Только она даёт опору и уверенность в бытии. Молитва – это и есть я, только в ней я становлюсь самым собою, изо всех сил стремясь к Богу, всё время познавая, кто я (и где я) и Кто Он. Это целый океан **разнообразнейшего** общения с Богом. Сама возможность обращаться к Нему уже есть общение с Ним. Память о Нём, мысли о Нём, веяния Его Духа, изнутри и извне, Церковь земная, всё то, что даёт ощущение связи с Ним, что направлено и устремлено к Нему, – в этом жизнь. Он есть. Он личность, живая, у каждого с Ним свои отношения. Моя жена – таинственное существо, которое Он мне дал через Церковь Свою, – это Его слово, спасительное слово, обращённое лично ко мне.

† январь 1998 года, 10 августа 2000 года

Что есть страдание? Ничто, ущерб бытия, дырка от бублика, абсолютный мрак, который, правда, обращается для человека, для грешного и мрачного человека, дорогой к Свету. Обращается Богом. Что есть радость? Настоящая радость (не злорадство, не слепни-смехунчики, не отупляющая истома) есть бесконечное восполнение бытия в Боге. Страдание конечно: и по глубине, и по продолжительности. Радость же уходит в бездонность и имеет силу по началу неуклонно возвращаться как непреложное обетование грядущей Победы, а потом прийти

навсегда. Радость – это просвет Домой. Радости не верить нельзя. Это обещание, имеющее исполниться.

12 января 1996 года

Где нет трагедии, торжествует пошлость. Или спасение.

19 января 1996 года, 21 мая 2000 года

У нас, так сказать, продолжался «медовый месяц». Теперь я знаю, что каждая пара знает, что это такое. Идёт первое насыщение после долгого воздержания. Потом всё становится спокойнее. Более того, потом только и начинается настоящее воздержание... А в то время я ещё помнил всё своё прошлое надрывное самосовершенствование, ту опасную и скользкую тропинку, по которой я шёл, – между пропастью падений и бездной превозношения, гордыни. Там и воздержание было в соблазн. Теперь же пришло время познавать свою немощь. Дутое было воздержание. Вот оно и лопнуло. Мать-Земля раскрыла мне свои объятия. И я начал падать. С тем, чтобы потом никогда не опускаться. И идти к Небу через ад, не отрываясь от земли. А сила Божия ведь в немощи совершается. Ты упал, а Он тебя поднял. Ты снова упал – Он снова тебя восставил. И так бессчётное количество раз: падение – мрак – смиренная и тёплая молитва – прощение Божие и новые благодатные силы. Бог всё даёт. Он Сам тебя спасает. Сам в тебя входит, всё в тебе Сам освящает, согревает, переиначивает. А тебе нужно только впускать Его в себя через молитву, но впускать **непрестанно**. Он ведь не насильник. Ты сам должен насиловать и побуждать себя. И дорога к святости ни для кого не закрыта. Это близко. Ближе, чем можно об этом подумать. Потому что Бог близко. Слишком много людей ломаются в открытую дверь. Таков был и я. Дверь к Богу – храм и Православие. Зачем пробивать стену? Ведь вот же дверь открытая. Молитвы в молитвослове. Просфорочки, святая водичка, субботние всенощные и воскресные литургии, батюшка с крестом, разговор с ним на исповеди, причащение Святых Тайн. Ведь так всё просто!

3 февраля 1998 года

Я чувствую, что спасение уже началось. Оно трудное, оно в тишине и безмолвии, даже музыка уже излишня, потому что оно настоящее.

11 февраля 1998 года

Можно умереть и при жизни. Можно разучиться плакать, забыть о волшебных далях, погрязнуть в грубом, поверхностном, обыденном, холодном, мёртвом.

2 февраля 1996 года

Любовь раскрывается в своей глубине перед лицом смерти. И мысли о смерти всегда сопутствуют любви.

15 февраля 1998 года

Непосредственно сам я ничего выходящего за рамки привычной данности (кроме снов) не испытывал. (А у жены было.) Прорыва отсюда, ни в памяти, ни в опыте у меня не было. У меня другой путь. Сама данность начинает прорываться из самой себя, начинает перерождаться. Оказалось, что здесь есть Церковь, спасительный стержень действительности, освящающий и перерождающий её. Церковь восполнила меня семьёй, я теперь цел, не разорван. Выяснилось, что всё может быть таким неслучайным, что может приходить такая благодать, мир, тишина и радость не от мира сего. Что есть святость. И так явственна забота Бога обо мне. Нужно было только позволить ему войти в свою жизнь и в себя и самому войти в Его Церковь. А молитва покрывает жизненный мрак и отгоняет демонов от сердца и души – как горящий факел, которым ты тыкаешь в морды ночных хищников, и они отступают от тебя.

21 марта 1998 года

Достаточно просто молча несколько секунд посмотреть в глаза другого человека, чтобы ощутить нерасторжимую связь с ним. А слова, манеры и даже серьёзные поступки, как будто бы проявляющие его суть и его отношение к тебе, – это уже дело второе, зыбкое, эфемерное, меняющееся, поправимое.

10 февраля 1996 года

Если верить плохому, страстям и похоти, тогда не останется хорошего. А если ты пове-ришь хорошему и обопрёшься на него, только на него, тем самым помогая ему, то оно уже само справится и со страстями, и с косностью. По крайней мере, может справиться. Всё равно: в хорошее нужно верить, а плохое не замечать, не верить в него, или прощать, если уж нельзя не заметить. И опираться на хорошее, забывая о плохом, не поддаваясь на провокации плохого. И так до самой смерти. И будешь прав.

10 февраля 1996 года

Вера и верность – перед Богом это почти одно и то же. Вера в Бога – это верность Богу.

11 февраля 1996 года, 1 июня 2000 года

Легко научиться скрывать свои чувства. А потом, когда нужно будет их проявить – где они? Чувства должны быть проявляемы, мы так устроены, мы должны быть цельными. Отре-зая от душевного мира своё тело, своё лицо, мы делаем ущербным и душевный мир. Человек должен быть прозрачным. Другое дело – плохое, что есть в нас. Но ведь это и не наше, это наветы, «приражения» врага. Зачем же их проявлять? Их нужно осудить и выбросить из себя вон – вот и весь разговор.

11 февраля 1996 года

Говорят ведь от избытка сердца. Когда невозможно **так** говорить, то лучше молчать.

конец марта – начало апреля 1998 года

Мы должны не измениться, нет. Перемены грядут серьёзные, перевернётся всё. И ведь и нас-то ещё на самом деле нет. Нет нас. И только когда Бог войдёт в нас, тогда мы станем. И будет в нас жить Бог, а Им и мы будем жить. И сознание наше изменится. Новый будет человек. Хоть имя другое давай.

Я знаю, что всю жизнь можно перенести в измерение света. Можно жить в спасённом состоянии. Там открывается безмерное, необъятное поле для деятельности и бесконечный путь для подъёма и совершенствования. И проблемы уже будут другие. Человек перестаёт думать о себе. Теперь он болеет за других и в них полагает всю свою цель. Всё делается во славу Божию. И кажется мне, что самосознание претворяется в Богообщение.

14 февраля 1996 года

Трудно быть адекватным самому себе. Даже наедине с самим собой.

14 февраля 1996 года

Я согласен с тем, что не стоит с кем угодно и когда угодно делиться сокровенным. Но нельзя разделять дурной тон разговора. Злобный, или пошлый, или же просто пустой. Если нельзя придать разговору хороший тон, то лучше уж помолчать. Ничего, что человек обидится. Эта обида пойдёт ему на пользу. (Это не означает, что можно кого угодно обижать, разбирая при этом кому это полезно, а кому нет.) Потому что когда человек плох, находится в плохом расположении души, в тёмном, лучше, чтобы ему не было при этом хорошо, а вернее, чтобы ему не казалось, что ему хорошо. Иначе ты просто потворствуешь его греху.

Твёрдость есть величайшее милосердие. Ибо это уважение к духу.

14 февраля 1996 года

(Алесе.) ... Постепенно что-то как будто начинает уясняться мне. По-видимому, это что-то в женственности есть такое – сохраняющее, тёплое, покойное. Глубокое. Этому началу не очень-то нужно движение, простор космических тайн, призыв в какую-то бездонную мистическую глубину. Мне-то этого сохраняющего начала мало. И я, конечно, не понимаю его так глубоко, как ты. Наверное, мужественность – это сила движения, активности, сила, стремящаяся к выходу за пределы рамок. Но единому целому не обойтись ни без того, ни без другого. Это как река. Должна быть сила, стремящая её вдаль. Иначе будет болото (сначала, конечно, прелестная заводь, прудик такой, а потом всё зацветёт, и будет болото). Но должна быть и сохраняющая сила, сила глубины течения. (Помнишь, ты говорила, что во всём окружающем ощущаешь безмерную глубину? Я так не чувствую, как ты.) Иначе просто нечему будет течь. Останется даже не болото, а одна унылая и тоскующая лужа.

15 февраля 1996 года

В состоянии бесчувствия нужно верить, что оно не адекватно бытию, что есть в жизни что-то захватывающее, манящее и бесконечно счастливое, только сейчас ты не можешь чувствовать это. Как будто что-то захлопнулось. Но ещё обязательно откроется. Молиться надо, пересиливать себя, как Феофан Затворник писал.

15 февраля 1996 года

Мы причастны той силе, которая сильнее всего. И потому мы не должны ничего бояться. И если подумать: что может сделать с нами боль? Мы ведь бессмертны.

15 февраля 1996 года

Всё имеет свой смысл. Выход из комнаты – откровение, расставание – образ смерти.

апрель 1998 года

...Что такое девушка? Это целая Вселенная. Это близость Бога. Но только настоящая «девушка», моя девушка, может быть только одна, ею может быть только одно единственное существо. Её бесполезно искать, потому что найти её невозможно. Но тогда, когда это будет нужно, она придёт сама, а вернее, вас сведут друг с другом. И она будет самой собой ровно настолько, насколько ты будешь достоин этого. И повторится миф о Пигмалионе.

16 февраля 1996 года

Удивительное ощущение: как молитва прогоняет уныние. Глубокий вздох – и тяжесть ушла; рассосалась как-то. Но так и норовит вернуться.

21 февраля 1996 года

Жизнь, бытие наше слишком глубоко, слишком серьёзно, таинственно, трагично, чтобы оставалось место разного рода пошлостям. Это как кошунство. Юмор редок. в основном мы встречаемся с пошлостями.

21 февраля 1996 года

Женский цинизм – вещь абсолютно непереносимая. Если женщина станет цинична, миру не на чем будет держаться.

23 февраля 1996 года

Шутки – вещь небезобидная. Иногда в шутках прорывается раздражение, которое не пропускается прямо доброю волею человека.

23 февраля 1996 года

Все обиды – наваждения.

23 февраля 1996 года

Где страсти – там бесы. На пост они нападают с особенной силой, как и на молитву.

26 февраля 1996 года

Тяжело бывает взрослому человеку воцерковляться... Но благословенно.

май 1998 года

(Алесе.) Есть за что благодарить Творца. То, что Он создал нас друг для друга и сделал так, что мы встретились, – что это, если не оправдание всему и за вся? Я до сих пор не могу понять, как это так: всё, о чём я так долго думал, мечтал, тосковал, писал, что воображал в самом себе сотни раз и считал глубоко несбыточным – всё это сбывается и осуществляется (начинает сбываться и осуществляться). Какая же бездонная правда внутри нас, в наших надеждах и мечтах, в сокровенных сердечных желаниях...

26 февраля 1996 года

Когда у Николая Бердяева умерла его жена Лидия, он ощущал, что она продолжает оставаться его духовной опорой. Так она и обещала ему перед смертью. А когда умер Мережковский, его неразрывная половина, жена его, писала, что она тоже умерла, она умерла вместе с ним. Осталось только умереть телу. Вот в этом, мне кажется, та тонкая и очень глубокая разница положений мужчины и женщины в их взаимном союзе. Женщина для мужчины – опора, без которой нельзя. Без неё он мёртв, она его жизнь. Но она **его** жизнь, и без него её нет. Он для неё – всё. Впрочем, в жизни существует обоюдная и острейшая взаимосвязь, колоссальное взаимообогащение, и не стоит думать о том, чего не должно быть, – об отдельности. Зачем разбирать, анализировать этот союз, когда нужно жить и действовать в нём как в новой данности? И эта новая данность – в ней уже очень много от предощущения Дома, совершенного счастья, полной гармонии. У меня есть такое чувство, что мы на новой ступени бытия. Наступил некий прорыв. Одиночество начинает медленно таять. Сквозь него начали просачиваться живые соки живого тепла. И иногда кажется, что вернулось детство, со всем хорошим и со всем плохим, что было в нём, вернулось, но уже на новой ступени.

13 марта 1996 года

Все «проблемы» проходят и испаряются без моего в них участия. Люди неверующие умеют портить себе жизнь. Главное не позволять им втягивать в своё безбожное поле страха и суености и тебя.

Бог начинает устраивать твою жизнь по-Своему, по-Божьи, тогда, когда ты совершенно доверяешься Ему и предаёшь себя и свою жизнь Ему в руки. А сам ищи Царства Божия и правды его.

май 1998 года

Плохо, когда нет веры. Все страшные беды – от неверия.

май 1998 года

Алесея всегда говорила мне, что она самая обычная, обыкновенная женщина. Но в том-то и дело, что обыкновенной женщине свойственно отзываться на всё, что исходит от её мужа, и иногда совершенно меняться под его влиянием.

май 1998 года

Так интересно наблюдать, как меняется дух, который сидит в человеке. Как будто человек выпускает в себя то одного, то другого, то третьего. И, в общем, ничего фантастического тут нет. Мы не можем сказать, откуда приходят наши мысли и почему мы говорим те или иные слова. Мы только выбирающие. Как фильтры. Саморегулирующиеся. И в нашей власти каждую

минуту выбирать лучшее, а если в голову лезет одна чушь, то лучше на время запретить себе говорить и думать, а только звать в душу Свет. И придёт. И приходит. Как только от сердца позовёшь, глядишь – а вот слово благое вырвалось. Подсказал кто-то.

20 марта 1996 года

(Алесе.) Ты должна быть рядом со мной. Чтобы я мог жить в мире, думать о земном (хотя бы чуть-чуть), читать философию, чему-то радоваться. Без тебя всё это невозможно. Даже философия. Любая. Без тебя остаётся только Бог, Он Один. Причём, за пределами этого мира. Мир этот без тебя принять невозможно. Через тебя с ним ещё как-то можно иметь дело. И в то же время я ощущаю тебя существом не из этого мира.

20 марта 1996 года, 18 апреля 2000 года

(Алесе.) А впереди и вправду вся жизнь. Но только она вечная. А в этой жизни, на земле, самое главное – внутри, а не вне. Утешение и радость – в нас и между нами, – значит, всё равно в нас. Чего-то ждёт сердце, предощущает, замирает в предчувствиях и предзнаменованиях, но это не здесь. А здесь – ожидание, обетование, преддверие и счастье от этого преддверия. Мы не Дома. Дом не здесь. Он ждёт нас. Но сердцем мы можем быть в нём и здесь. Я ощущаю себя оттуда. И если я не грешу, т. е. являюсь самим собой, то я весь пропитан этим.

20 марта 1996 года

(Алесе.) ... Вот Феофан Затворник – какой невозмутимый дух! Это православный дух. Во всём воля Божья. Всё – к нашему спасению. А спасение наше совсем не то же, что счастье на земле. То самое «счастье» как раз и может оказаться погибельным.

21 марта 1996 года

(Алесе.) Я иногда очень некрасивый. Бесчувственный. Всякий. Вот и сейчас пишу всё это на сытый желудок, ничего особенного в сердце не чувствуя. Но я помню, что я, настоящий я, без сказки жить не мог.

21 марта 1996 года

Плохому нельзя верить.

29 марта 1996 года

(Алесе.) Мерило настоящего – сердце человека, а не «правда мира сего», не быт, не будни. Так ведь и до мёртвой кошки можно докатиться: «Вот правда». То, чему сердце говорит: «Да!», то, что заливают его радостью, теплом и блаженным ликованием, – то и есть правда. А быт – это испытание тьмой, это проверка на силу и на верность. Быт – это как битва, в которой нужно стоять плечом к плечу. Но быт-то пройдёт. И проходит часто. Проступает истинное положение вещей. Не галлюцинации, не миражи, не самообман, а то, что есть на самом деле, там, в глубине.

29 марта 1996 года

(Алесе.) Когда мы расстаёмся, ты не прельщайся тем, что больше не видишь меня. Если бы наши отношения так зависели от видимостей, то уж лучше бы их тогда совсем бы не было: грош им цена тогда. Но мы с тобой – в невидимом. Феофан Затворник писал, что есть общение душ. Мой силуэт, исчезнувший за углом, – Бог с ним. Я с тобой, я в сердце твоём. Только не забывай обо мне. **Я остаюсь с тобой.**

29 марта 1996 года

(Алесе.) Я не знаю, как жить в этом мире долгие годы с тем настроением души, который присущ мне неотъемлемо. Но я чувствую, как можно с этим настроением завтра умереть. Суть

в том, что только с таким настроем и возможно приближение к подлинной жизни ещё в этом мире.

19 апреля 1996 года

Велика тайна времени. Во времени раскрывается вечность. Правда раскрывается во времени. Величие, глубина и волшебная перспектива жизни становятся видны в реальных временных масштабах: 10, 20, 30 лет, – и в предощущении того, что сделается со временем за пределами этой жизни и этого мира.

Годы – это море. Нелегко переплыть его и сохранить себя, пронести горящую свечу через ветра и бури, холод и волны. Но в том-то и дело, что то, что не от мира сего, проявляется, углубляется и всё больше проявляется со временем. Если только есть вера. Вера – это вход в реальность. Это верность самому себе и верность Богу. Это то, без чего не будет духовного воина. Без веры ничего не будет. Это очень важно. Без веры ничего не будет. А точнее, будет плен, будет тьма и небытие. Вера – это квинтэссенция человека в том падшем, греховном и потому нереальном состоянии, в котором мы находимся. Вера естественна, ибо связь с реальностью есть, она осталась, но осталась вне органов чувств, мы живём в невидимом. И так уродливо и противоестественно безверие. Неверующий человек – неверный – это предатель. В неверии нельзя укорить, это дело глубоко интимное, но всякая подлость, всякое человеческое безобразие, всё вопиющее и отвратительное начинается с неверия и основывается на нём, если можно вообще назвать неверие основанием чего бы то ни было. Вера – это стержень, это хребет, и без веры наступает разложение и распад. Безверие – этот никому не видимый и от того ещё более жуткий обрыв – это начало всякого греха, всякой беды. Вера – это жизнь. Без веры наступает смерть.

29 мая 1998 года

Всякая мысль, влекущая за собою тяжесть, – от бесов. Даже самая, казалось бы, правдивая, самая благородная. Всегда есть другая сторона, ободряющая, бодрящая, вдохновляющая и светлая несмотря ни на что.

4 июня 1996 года, 23 апреля 2000 года

Пространственная близость необходима, но она всё не решает. Иногда, чтобы стать ближе друг к другу, надо немного побыть порознь. Если быть чересчур всё время вместе, враг может начать действовать друг через друга. На земле нет ничего чистого, нет ничего идеального. И брак не исключение. Чистое и святое приходит в лишениях, расставаниях, скорбях и трудах. Земная жизнь – это труд, без труда на земле нет жизни.

10 июня 1998 года

Христос висел на кресте с шестого до девятого часа, то есть с двенадцати до трёх часов дня. В 90-м псалме говорится: **«Не убоишия от страха ночнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща, и беса полуденнаго»**. Земной день – это ненастоящий день. Это время ложного света, когда солнце нещадно бьёт в глаза, всё так бесстыдно и нагло предстаёт перед человеком, это время суеты, ссор, страстей, повседневности, серой обыденности, забот, обеда и послеобеденного сна, скуки, уныния... В это время, в отличие, скажем, от вечера, не чувствуется ничего высшего, а только одна голая «правда жизни». И Серафим Саровский говорил, что «скука, по замечанию отцев, нападает на монаха около полудня». В это время всякая романтика умирает. И очень важно не верить этому духу. Вера – это оружие. То, во что и чему ты веришь, тем ты и становишься, там и душа твоя живёт. Веришь во Христа и Христу, стремишься по мере сил исполнять Его заповеди – душа твоя вместе с Ним уже на Небе живёт. (Ведь есть место, где живёт душа человека, место души вне этого мира.) Если же ты веришь духу мира сего, пресмыкаешься в рабском страхе и безысходности, соче-

таешься с этим духом своею волею, то душа твоя уже здесь во аде, в небытии, ибо там место, уготованное духу сему. Человек не может не верить. Акт веры – это самый важный выбор в его жизни, определяющий его судьбу в вечности. И этот выбор абсолютно свободен.

Кто во что верит, тот тем и становится. Кто-то верит поэзии и романтике, верит сказкам. Но это вера героическая и надрывная, ею трудно спастись, она не даёт настоящей опоры в бытии. Скорее, это упрямство. Но эта вера подводит к Церкви и находит своё завершение в ней. Вера в Церковь и Церкви непоколебима. Она не знает надрыва. То, что было героизмом, становится единственно приемлемой нормой, исключаящей какое бы то ни было самолюбование. Церковь открывает человеку реальность. Пока это только узкая щель, но по мере духовного роста она расширяется, и оттуда льётся ясный и яркий свет, развеивающий всю неясность и неопределённость падшего бытия, в котором ты пребывал вне Церкви. А кто-то верит полуденному бесу и так или иначе довольствуется этим. Дух этот как-то связан со сном, точнее, с выходом из сна. Сон же, чаще всего, почти всегда, – плен бесовских сил. Бес – это несуществующий. Полуденный дух – это перенесение духов сна в явь. И только к вечеру душа пробуждается от сна. Но люди не верят романтике вечера и не считают это главным в своей жизни. Для них главное – день – время занятия делами и решения «важных вопросов». Дух вечера, заката и глубины умиротворения, сказки наяву – для них это только приятная иллюзия.

Говорят о «свете не вечернем». Но мне кажется, что «невечерний» он потому, что очень похож именно на вечерний свет, мягкие и неслепящие косые лучи заходящего солнца. Но вечер кончается, свет уходит, наступает ночь и тьма, душа проваливается в сон, где хаос и забвение всего, где человек беззащитен перед силами зла. А свет не вечерний не кончается никогда.

11—12 июня 1998 года

Это великое религиозное утверждение: «Всё будет хорошо».

10 июня 1996 года

Как же уютят город деревья! Если бы весь город утопал в зелени, если бы он был как город-лес или, точнее, город-сад, где между домами, дорогами и дорожками были бы одни деревья и травка, то в городе могло бы быть почти светло, почти богоугодно.

12 августа 1996 года

(Алесе.) Там, в подлинной реальности, все нам столь же близки, как исключительно, невероятно, волшебным образом близки сейчас друг другу мы с тобой. И в то же время это совсем не невероятно, это просто долгожданное и должное начало иного, Божеского порядка вещей.

12 августа 1996 года

Когда проходил мимо палатки со звуками «Depeshe Mode», поймал себя на ощущениях, подобных тем, которые ощущаешь иногда при молитве, осознавая тем близость Бога. Понял тогда, что всё широко. Он – во многом. И даже в «Depeshe Mode», в своей мере, конечно. Это не горный ключ.

12 августа 1996 года

(Из Алесиного дневника.) Читаю Льюиса <Клайва стейплза>. «Письма Баламута» – вещь стоящая, убедительная. «Расторжение брака» – послабее, непонятнее, однозначнее, менее выразительно с художественной точки зрения. И непонятна райская радость. Была бы она для меня полной, если бы сестра или муж мучались бы (не приведи, Господи!) в этом «сером городе», а я вкушала бы в это время блаженство? Но ТАМ, наверное, всё совсем по-другому, совершенно нам непредставимо, «нельзя считать себя более милостивым, чем Сам Господь», – так, кажется, говорил Феофан Затворник. «Серый город» очень похож на обычный наш, земной провинциальный городок, но не с уютными деревянными домиками, а с 5-этажными кирпичными домами, «коммерческими ларьками» и каким-нибудь превонючим заво-

дом, из несоразмерно огромных труб которого беспрерывно валит дым, обволакивающий всё вокруг. К великому недоумению всех, в любую минуту там может очутиться случайный приезжий, который, глядя на всех лучистыми светящимися глазами, вдруг скажет: «Вы все уже давно умерли... Вы призраки, вас нет!» Сколько мы встречали в своей жизни таких «серых людей-призраков», таких «серых городов», как часто ходили по «серым улицам», погружённые в «серые мысли». Вот почему в повести Льюиса обитатели «серого города» почти не помнят, умерли они или нет, словно не понимают этого: их жизнь до и после смерти почти не изменилась. Как «Царствие Божие внутри нас» может расцвести ещё при жизни здесь, так и ад наступает и поглощает нас уже на Земле.

14 августа 1996 года

(Алесе.) Читал в «Законе Божиим» про Христа – про Тайную Вечерю, моление в Гефсиманском саду, предание Иудой Христа в руки слуг и воинов. Был очень впечатлён (в который раз) омовением ног. Потрясающее достоинство Христа. Реальнодохнуло на меня той атмосферой при Его словах: «Вы ещё спите? Кончено, пришёл час: вот предаётся Сын Человеческий в руки грешников; встаньте, пойдём: вот, приблизился предающий Меня». Представляешь: ночь, холод, страх. И всё это в Боге, во всём этом есть глубочайший и трагический смысл. Так и жизнь наша. А потом, когда Пётр мечом отсек ухо у раба, Он сказал: «Вложи меч в ножны, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; неужели мне не пить чаши, которую дал Мне Отец? Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?»

15 октября 1996 года

(Алесе.) Читал про отречение Петра. Когда он отрёкся в третий раз, запел петух, и он вспомнил слова Христа о том, что прежде, чем петух пропоёт, он, Пётр, трижды отречётся от Христа. Слова эти были сказаны в ответ на горячие уверения Петра в том, что он и на смерть готов пойти за Учителем, но не оставит Его. Скорее всего, когда спустилась тьма над душой Петра, он потерял трезвение: начал греться у костра вместе с людьми, приведшими Христа на судилище. По-видимому, в этом ночном мраке и холоде, смешанном со страхом и подавленностью его высшего и нового существа, всплыло в нём его прошлое, старая, грешная его натура, малодушная и лукавая. Ведь сказал же он ещё в самом начале Христу, ещё когда чудесным образом наловил с Ним огромное количество рыбы, «сказал: Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных». Когда пропел петух, Христос обернулся в сторону Петра и посмотрел на него. И Пётр всё вспомнил. И выйдя со двора, горько заплакал о своём тяжком согрешении. Так вот потом ученик его Климент рассказывал, что всю свою последующую жизнь Пётр при ночном пении петуха становился на колени и, обливаясь слезами, каялся в своём отречении, хотя Господь по Своему Воскресении простил ему. Сохранилось ещё предание, что глаза Петра были красными от частых и горьких слёз. То есть, хотя Господь и простил его, но сам Пётр простить себя не мог.

16 октября 1996 года

Невидимое присутствие Христа – это нечто тихое, а радость раскрывается постепенно, ошеломление же – потом.

лето 1998 года

«Страданий горести, отчаянье утрат» – это только пока от тебя отрезают ненужное, прорезают в тебе высшие органы ощущения и прилепляют к Богу. А потом – всё во славу Божию, непрестанная радость, жизнь во спасении и прощении, сострадание к другим, слёзы о них и любовь.

17 октября 1996 года

Эти листочки (перечень грехов к исповеди) и вправду нужно сжигать. Я сначала ведь, перед тем, как сжечь, подумал по привычке, не оставить ли «для истории». Но тут же понял, что никакой «истории» там нет. Там только одна ложь, то, чего нет. Ведь грех – это когда без Бога. А без Бога всегда только дым; в сущности, ничто. Не нужно это помнить. Нет этого. И не было.

17 октября 1996 года

А пустоты быть не может. Каждую секунду Бог что-нибудь с нами делает. Каждая ситуация исполнена глубочайшим смыслом, и если мы доверимся Богу, подумаем, что полезнее всего было бы сделать с собой сейчас, то извлечём сейчас же для себя колоссальную пользу. Так и получаются простые и гармоничные люди, которые заодно с тем, что совершается. Они естественны и круглы, спокойны и бодр, на них всегда можно опереться.

19 октября 1996 года

Всё, что на земле, – это преддверие, путь, подготовка, упование, подвиг. Никто не может нам гарантировать, что вся наша жизнь не пройдёт в страданиях, более или менее грубых, физических, более или менее мучительных. И эту возможность нужно заранее принять, не только к сведению, но и в сердце своё. И такая жизнь благословенна, она, принятая без ропота, благодушно, ведёт ко спасению. И чем она длиннее, тем спасение крепче, несомненное и ощутимее ещё при жизни – в прозрачности души, в таинственном сердечном утешении.

19 октября 1996 года

Уныние всегда оттого, что отнимается масштаб, свобода души, всё мало того что сужается, ограничивается в твоём представлении каким-то конкретным временным сроком перед тобой, но даже и этот временной срок представляется извращённо, память о светлом отнимается. Все эти тенета мрака развеиваются волевым возвращением масштаба твоей душе. Нужно вспомнить, заставить себя вспомнить о смерти и, главное, о своём посмертии. Нужно вернуть в своё сознание тот масштаб бытия, которым ты неотъемлемо обладаешь. Никто у тебя этого не отнимет. А жить достойно можно лишь в таких масштабах. И тогда уныние убежит. Страдание может и остаться (а может даже и убежать от такой силищи), но ведь самое тяжёлое в страдании – это уныние.

19 октября 1996 года

Присутствие человека рядом подобно Божьему присутствию.

19 октября 1996 года

Насколько я успел заметить, поймать в своём сознании, сильная молитва, волевая, с верой, с обращением к Богу, исполненным уверенности в том, что Он тебя слышит, сильно меняет сознательное переживание боли. При сохранении внутренней твоей концентрации на молитве боль как бы отдаляется. Я думаю, так же и с любым другим телесным ощущением.

19 октября 1996 года

Муж для жены – это нечто совершенно особенное, исключительное. Без него она ни с кем не может иметь самостоятельной связи. Для всех, решительно для всех, она прежде всего – жена своего мужа. Не сестра, не дочь, не подруга, а сначала – жена своего мужа. Таков настоящий брак, крепкий, глубокий. Это не ревность, это законы естества.

21 октября 1996 года

Где был Адам, когда змий искушал Еву? Ведь он знал, кого искушать. Адам бы и бровью не повёл, а змия бы изгнал. Но Адам не уследил за своей женой, у которой и имени-то своего тогда ещё не было. Он не уберёг её от приближения искушения к её сердцу.

21 октября 1996 года

Спаситель один – Христос. Мы можем быть только Его орудиями, и это великое блаженство.

лето 1998 года

(Алеся ко мне.) Богоневеста. Честнейшая Херувим. Богородица. Мать. Я видела очень много пьет (изображений снятия с креста). Но пьетá Микеланджело – сказала всё. Я покажу тебе её ещё раз. Богородица держит на коленях тело Христа. Взгляд устремлён не на него. Она всё знает, что было, что происходит, что будет. Черты лица спокойны. Она знает, кто Её Сын, каковы были Его муки. Она Мать, и как никто другой разделяла Его крестные страдания. О чём Она думает? О чём? Милый, я так много чувствую, когда вижу Её лицо! Так многое, но не могу выразить! Она чувствует, в чём воля Божья, Она предалась ей. Она верит в неё. Но Её тихая скорбь, смирение, кротость разрывают сердце. Но никаких душевных, эмоциональных порывов не нарушает небесной гармонии лица Богородицы. Они вспыхивают лишь в беспокойных складках Её хитона.

Словом, очень мне дорога эта пьетá.

18 октября 1996 года

(Алесе.) Ты знаешь, я помню эту пьету Микеланджело, ты мне её показывала ещё тогда, в той огромной немецкой книге по искусству. (Эта книга у Алеся была с самого детства, она по ней росла; это история мирового искусства.) Помню, что изображение Богородицы на ней не оставило меня безучастным, я тоже кое-что почувствовал. Знаешь, самая большая сила женственности – это кротость. Вот ведь и Христос победил дьявола через кротость, до конца предавшись его власти – в лице злых и нечестивых людей, через самую дикую и позорную казнь – распятие, – которая есть ярчайшее проявление власти дьявола над человеческим родом. Так вот Христос победил так дьявола. Говорят, что здесь неизреченная тайна. Не дерзая приступить к ней, только в порядке поэтического скажу: а что если сатана был нечто вроде того, что «тронут»? Ведь был же он когда-то Денницей, любил Бога, знал Бога-Сына... Ведь Он безгрешен. Конечно, сатана – это полное зло, нераскаянное и не могущее раскаяться, не желающее этого, но ведь и свободное. Христос ведь и в ад сошёл, прямо к нему в царство, лицом к лицу. Может быть, потому, что до конца был покорен. И ведь только после этого воскрес. Как бы то ни было, а кротость сломила власть зла. Может быть, и ещё что-то, чего мы не знаем.

По-видимому, самая огромная сила Божия тиха. Можно вспомнить, что Илия узнал Бога не в громе с молнией, а в тихом ветерке. И вот эта огромная духовная сила видна в лице Богоматери у Микеланджело. Она покорна воле Божией, Она знает, зачем страдал Её Сын, может быть, знает и то, что Он воскреснет, но Она видит весь ужас торжествующей тьмы, Её Сын мёртв, на Её руках – Его труп, и Она знает, что этого быть не должно, это последствие человеческого греха и Мирового Зла, и эта Её скорбь – острейший меч против сатаны и утверждение Правды Божией. Ведь эта скорбь обращена к Отцу. Но всё, что я говорю, – на грани невыразимого, и слова – только намёк.

22 октября 1996 года

Любушка! Не думай ни в коем случае, что твои листочки и твои милые строчечки в чём-либо хуже моих «гвоздиков». За тобой своя правда, большая, за дождиком твоим осенним и промозглым, за разговорами с нашим малышом, с этим червячком внутри тебя, о котором бабушка сейчас, выяснив, что в нём ещё только грамм сто и интерпретировав это по-своему («с палец!»), сказала: «И от такого такие муки! Чечня!» За всеми твоими впечатлениями и переживаниями – большая, большая правда, которую я, так сказать, по долгу службы, чувствую всем своим мужским существом. Это правда земли, правда нашей конкретной жизни,

правда настоящего мгновения, в котором мы соприкасаемся с Богом и в котором Он нас ведёт. И ещё неизвестно, чья правда крепче. Но на земле темней и тяжелей. А в таинственных безднах бытия дышится легче и вольней. Но этот масштаб – ничто, если он не опирается и не оглядывается всё время на твой промозглый осенний дождик. Иначе заврётся, весь превратишься в мыльный пузырь. И не думай, что этот дождик – суть твоего мира внутреннего. (Да ты и не думаешь.) Просто ты всё воспринимаешь, ты чутка к откровению настоящего. А настоящее пока сумрачно. Но ведь будет и радость, и бесконечный простор наяву, и красота, сады, леса, озёра, храмы... И всё это о тебе и про тебя. И ещё. Солнышко! Вот тебе знак. Прямо напротив нашего дома, через дорогу, на том месте, где мы с тобой проходили, идя домой от метро, там, где рядом голубятня и продают хлеб, молоко и всякие молочные продукты, там, рядом с деревьями, началось строительство храма – Державной иконы Божией Матери (помнишь, у нас в храме?). Я это узнал только что, после того, как написал: «чутка к откровению настоящего». Благословен Бог наш! Освятится наше место. Не грусти. **Бог с тобой.**

22 октября 1996 года (Алесе в больницу, где она лежала с токсикозом).

Читал сегодня начало «Погружения во тьму» Олега Волкова. Очень интересно. Православный человек, прошедший весь ужас лагерей, тюрем, одиночки. Стоит потом почитать.

23 октября 1996 года

У нас дома эта книга уже давно была. (Вышла она в 1989 году.) Её автор – ровесник века, культурнейший человек. Однажды после богослужения наш батюшка сказал, что умер Олег Волков, писатель, 28 лет проведший в сталинских лагерях и в ссылках, написавший роман-воспоминания «Погружение во тьму». Больше он никогда ни о ком так специально, после богослужения не говорил, только о святых. И потом долго поминал «новопреставленного раба Божьего Олега». Я эту книгу прочёл. Родной человек, даже по внешности. Хорошо о нём думать, что сейчас он где-то есть, может быть, даже и со мной. У меня сейчас тоже такое «погружение во тьму»: моя новая работа в мебельной фирме «Модус». Ни в сказке сказать, ни пером описать: выход из дома в начале восьмого утра, метро, электричка до Люберец, микроавтобус до Лыткарино (вместе с другими рабочими, у которых очень богатый и образный русский язык), до самого цеха, без десяти 9 – там. Работа в цеху, с перерывом на обед, до 8 вечера – самое раннее; обычно – до 9 вечера; бывает – до 10; случается – до 11. Дома, соответственно, в среднем, – часов в 11 вечера. Чай, ванная, сон. Утром – по новой. Суббота – рабочий день, как правило. (Из трёх прошедших суббот исключений ещё не было.) Хорошо, если в субботу выдаётся нормальный вечер рабочего дня, то есть если приезжаешь домой ещё не поздним вечером. Слава Богу, на воскресения пока ещё не покушались. Заматываешься страшно. Теряешь ориентацию: где работа? где дом? где моя жизнь? И всё-таки чувствуется во всём этом милость Божия ко мне. **«Многими скорбями подобает вам внити в Царствие Небесное».** Уж очень нестандартная судьба. Только нелегко понять, как достойно вести себя в этом положении. Как проявлять себя, когда тобою никто не интересуется? Ясно как: по-христиански. И не верить во весь этот флёр безбожия, мата, начальственной спеси, отчуждения людей. По дороге читаю записи священника Александра Ельчанинова. Комментирую на полях. В общем, Олег Волков бы меня во многом понял. Жаль, времени писать очень мало. А хочется всё начатое закончить: переписать все дневниковые вещи, цитатник – «Разум сердца», Микушевич ждёт... Господи, прошу Тебя, дай возможность сделать это! Ведь не ради себя я стараюсь, ведь это Твой дар во мне! Ты знаешь, какими путями ведёшь меня, я доверяю Тебе, но вразуми меня, как сделать, чтобы пути эти были прямые, чтобы я шёл в русле твоей воли, не противясь ей. Я хочу научиться общению с Тобой. Пробуди меня к нему.

3 октября 1998 года, 0.40

Мы существа духовные. И мы всегда пребываем в духе, каждое мгновение нашего бытия. Но далеко не всегда это Святой Дух. Большей частью, это страшные, омерзительные, ледяные и зловонные духи тьмы.

Вот момент просветления, радость наполняет душу, всё хорошо и благостно, а видно далеко-далеко. Но потом это кончается, уходит. И что же? «Жизнь продолжается»? Нет. Наступает духовный и душевный морок, мы возвращаемся во власть злых духов, **как бы привычно и невинно ни казалось бы нам то, во что мы затем вступаем**: еда ли, вечерний ли туалет, прогулка по улицам города, походы по магазинам, разговор и всё-всё-всё, что наполняет секунды и секунды нашей жизни.

А потому – **трезвление**, как натянутая струна, как сжатый кулак, как кошка, затаившаяся в засаде и наблюдающая за будущей возможной жертвой, как рулевой корабля в шторме. Контроль за каждым движением души и сердца, полное и ничем не развлекаемое внимание к себе, к своим чувствам, чтобы при любом дуновении какого-либо зловонного духа быть готовым моментально напрячь всю силу своей светлой воли, воззвать к Господу: «Помоги!» – и поможет Бог, как Феофан Затворник писал, коснётся тебя своим очищающим и освежающим холодком («тонкий хлад»), отгонит всю мерзость от твоей души. Кажется, это Иоанн Кронштадтский писал, что контроль над своим внутренним миром – первое условие наличия духовной жизни. Одна из глав его «Христианской философии» называется так: «Самонаблюдение (созерцание); внимание к своему внутреннему миру; **бодрствование** над собою и беспристрастие ко всему житейскому».

Жизнь наша необычайно насыщена духами, в большинстве своём именно зловонными. Выходя из церкви на улицу, мы выходим отнюдь не в пустоту – к ним, сразу. Один дух дома (но не один и тот же), другой – за входной дверью, третий – за дверью подъезда. Подходит человек – он в каком-то духе. Залезаешь в пакет за кошельком – там свой дух. И так всегда, всё время. Передышки не даются. Заезаешь – и через минуту уже не узнаешь себя, от твоей прозрачности ничего не осталось, и это только потому, что, к примеру, позволил остаться в себе какой-нибудь зловонной мыслишке (скажем, о работе), которая не спросясь вломилась к тебе, а ты не отследил её запах, её действие на тебя, а сразу взял, да и пленился и ещё развил её в себе, сделал из неё далекоидущие выводы, и теперь всё стало чёрным, а ты уныл и тебе не хочется жить на белом свете. А если ты принял в себя этого духа – ты уже его носитель, угрожающий любому, кто войдёт с тобою в контакт.

Вот, отец Арсений после большого и сильного духовного подъёма ещё долго-долго молился, чтобы сохранить в себе Свет, пусть не огненным заревом, но ровным и тихим сиянием, освещающим все закоулки и перегибчики жизни. Свет должен быть в нас всегда. Ничто не должно возмущать, замутнять вод нашей души, чтобы их гладь всегда была ровной, сами воды – прозрачными, и чтобы в них всегда могло отразиться Небо. Бог всегда рядом. В любой момент и в любой ситуации можно ощутить Его присутствие, ибо без Него нас бы просто не было именно в этот момент и в этой ситуации, и душа наша во всякий миг живёт по Его закону, в предстоянии перед Ним, и потому никто и никогда не может отнять у нас права воззвать к Нему и быть услышанными. И почувствовать, что Он нас слышит, Он здесь. Отсюда рождается непрестанный страх Божий, хранящий нас от падений и всякого ничтожества. «Ходи предо Мною и будь непорочен», – сказал Бог Аврааму, отцу нашему. И если в какой-то момент мы ловим себя на том, что не чувствуем Его рядом, значит, мы сами не заметили, как отошли от Него, зашли куда-то не туда. И тогда нужно воззвать к Богу, и Он вернётся к тебе.

24 октября 1996 года

Он сотворил из ничего, Он захотел, и стало. Он вдохнул жизнь, и всё вечно им поддерживается. Свобода поддерживается Им. Он **Вседержитель. Пантократор**.

Мы тоже творцы, мы Его образ и подобие. Мы также творим самих себя и свою жизнь, здесь и после смерти. Как мы захотим, так и будет.

ноябрь 1998 года

Легче всего пропитаться этим стервозным духом мира сего. А попробуй ты поднимись на духовную высоту...

ноябрь 1998 года

Я верен Свету. Тогда, давно, когда я только начал вкушать от него, я и не предполагал, что возможны для меня такой силы искушения и страсти, которые приступили ко мне по моём вхождении в Церковь. Но я и тогда пошёл на Свет, и сейчас иду к Нему, среди всего этого ада, и теперь рука Его явно и ощутимо ведёт меня Домой, к Себе.

25 февраля 1997 года

Какая же правда и мощь стоит за Церковью, её Патриархами, Епископами и храмами!... Столпы несокрушимые это, за которые нужно держаться в этой жизни – тогда **всё будет хорошо**.

25 февраля 1997 года

Я хочу незапятнанного света, чтобы всё оттаяло и воссияло. «Обымемся», – говорил Достоевский. Мне это очень дорого.

26 февраля 1997 года

Я знаю, что я должен трудиться: писать и творить. Иногда вспоминаются мне слова Толстого: «Уж лучше ничего не делать, чем делать ничего». Вот на грани того и другого я себя и ощущаю и упрямо бью в одну и ту же точку. А всё равно какая-то бодрость: сил много. Чувствую себя во всеоружии перед этой бездной. Скучать не буду никогда. А скука и есть поражение. Я знаю, что **что-то есть**. Только нужно найти гармонию. Я рыцарь и воин, я не раб. Чтобы встать перед Богом на колени, я должен встретить Его лицом к лицу, и я знаю, что Ему угодно такое дерзновение. Что лишает человека этого дерзновения перед Лицом Божиим? Грех, растрата жизненной силы, предательство самого себя, поэзии и алкания духа. Человек призван Богом. Помнишь Ланселота, бьющего в колокол? (Кадры из фильма в передаче Леонида Филатова об Александре Кайдановском.) Вот человек. Вот когда он становится храмом Святого Духа. Ибо чем питается герой, жертвуя всем и воздерживаясь от всего? Духом Святым. Человек с Богом заодно. У нас Завет с Ним, Союз. А Бог – Сокровище Благих (Сокровище Благ) и Жизни Податель, Солнце Правды и Любви. И здесь человек – посланец Бога. Он пришёл сюда с миссией от Него.

Посещения Божьи ничем не обусловлены, это только Ваше личное с Ним дело. (Кажется, отсюда и идёт «Вы».) Содержание и наполнение жизни может быть как будто всё то же, а Бог – ближе и всё животворит.

О Вивальди – впервые от тебя слышу о вестях из Царства Божьего. И всё так пишешь. Что-то начала ты понимать. Ведь это самое дорогое, самое дорогое из того, что мы знаем об этом мире и этой жизни. Только сокровенное присутствие Царства Божьего и может сделать что-то дорогим. Ведь вот для тебя лес одно, а для меня – совсем другое. Почему? Для тебя через него Царство Божие просвечивается.

27 февраля 1997 года

«Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже нет спасения». Любовь должно искать в Боге и из Него её получать, через молитву. Об этом надо помнить. Но Бог на молитву отвечает часто через людей. Через встречи. Через изменения в твоей «личной жизни». Через

любимых людей, которые милуют тебя, ибо Бог даёт им частичку Своей бесконечной милости, и эта частичка питает и их. А молитва хранит любовь.

Одиночество не должно засасывать во тьму, на то есть молитва. Просто Бог часто устраивает так, что твоя внутренняя полнота, твоё сокровенное с Ним общение и никому не слышные вопли к Нему получают, по милости Его, и некое внешнее подкрепление, Его ответ тебе, немощному. И тогда начинает стираться грань и пропасть между внутренним и внешним. И это уже преддверие рая, но и испытание тоже.

2, 10 августа 2000 года

Христос предпочитал говорить с учениками о Царстве Божьем. Много говорил, часто. И по Воскресении, как я помню, – тоже. Так это важно – Царствие Божие. Нужно думать о нём, много думать. Это неиссякаемый источник настоящего, подлинного света для души. Это очень важно. Более того – нужно стараться думать о нём всегда и даже только о нём. Ибо ничего другого нет. Если нет ассоциаций с Царством Божиим (в котором Бог), значит, вокруг – небытие, то, чего нет. Нам будет это явлено в своё время. И когда это нам будет явлено, мы не должны попасть впросак. Ни толика нашей души не должна быть связана с несуществующим. «Настает день, и всё внешнее уйдёт, а душа пойдёт к Богу», – сказал отец Виктор.

31 мая 1997 года

Счастье имеет свойство расти. На земле это проявляется в его размножении.

31 мая 1997 года

Когда человек глубоко страдает телесно, даже внешний его облик проясняется, становится значительнее, что-то настоящее мобилизуется в человеке. Он познаёт самого себя и «меру всех вещей»...

31 мая 1997 года

Всякий раз, когда происходит соприкосновение с православными людьми, искренне верующими, живыми, с верой живой и сердечной (а таких далеко не мало, это и есть настоящие верующие люди, которые живут в вере), соприкосновение пусть краткое и даже мимолётное, каждый раз чувствуешь, что это родные люди, истинно, тепло и сердечно родные, дорогие, кровиночки мои. Так чувствуешь эту реальность Церкви, Тела Христова... И тогда какой же Он родной!...

19 апреля 1999 года

Сегодня всё утро во мне играл тот проигрыш Цоя (из его ранней песни «Лето»). Удивительно хорошо: и грустно, и сладко, и больно, и умирительно. Такая простая-простая там дорожка в Царствие Божие. Люди чего-то выдумывают, создают сложные произведения, напыщенные, блестящие, виртуозные, а это музыка простенькая-простенькая, простенький такой мотивчик, а прямо к сердцу идёт. Тут всё очень просто. Что-то милое, трогательное, бесконечно родное, давно-давно (с каких пор?) знакомое. И понимаешь, что всё остальное, сложное и блестящее, величественное даже иногда, – шелуха. Заиграет вдруг посреди жизни этот мотивчик, и заплачешь ты от какой-то непонятной, давно знакомой радости и сладкой тянущей боли. Вот она, дверь. Вот, здесь Царство Божие. Войди.

2 июня 1997 года

Читаю жития (сборник избранных житий из «Четьи-Миней»). Уже Илариона Великого осилил, начал Макария Египетского. Очень хорошо и благородно их читать.

3 июня 1997 года

Бог глубже свободы, Он творит свободу. Приобщение к Богу погружает нас глубже свободы, ибо мы уже тогда не отдельные существа. Но принимаем мы благодать свободно, принимаем или отвергаем.

30 апреля 1999 года

Благо нельзя мерить ничем внешним, никакими событиями внешней жизни, даже жизнью и смертью. Все плоды – в душе, в невидимом.

30 июня 1997 года

Посмертие начинается уже здесь, и оно постепенно вытесняет и оттесняет мнимое наполнение жизни.

3 июля 1997 года (по Юрику)

Нас окружают взрослые младенцы и стареющие ожесточившиеся подростки.

5 июля 1997, 9 мая 1999, 12 июня 2000 года

...Наркотический ад не самый опасный, идеологический – страшнее, наркоманы хотя бы имеют верную цель, хотя и пытаются достигнуть её совершенно превратными средствами.

5 июля 1997, 9 мая 1999 года (по Юрику Чичкину)

...Не надо натужно, надрывно искать прорыва из этого мира, надо просто доверять Богу и верить в то, что Он тебя ведёт, молиться Ему всё время, всегда быть готовым исполнить Его волю, и Бог Сам в своё время всё тебе откроет, и поднимет тебя на такие высоты, которые и не снились всем этим мистикам и оккультистам, лезущим с чёрного хода. Послушание, смирение, кротость, умиление, сходящее через них, умаление, самозабвение и любовь – вот царский путь, на котором потом будет всё то, что может и должно быть, чего жаждет сердце, для чего нет слов.

5 июля 1997, 9 мая 1999 года

Микушевич говорит, что христианство потому умалчивает о перевоплощениях, что это вариант ада. «Вспомните, – говорит он, – ни одна из тех религий, в которых признаётся перевоплощение, не говорит о том, что перевоплощение – это благо. Напротив, все они в качестве своей цели рассматривают прорыв из цепи перерождений, а о перевоплощении говорят как о величайшем зле». С точки зрения вечности, с райской точки зрения, говорит Микушевич, всё это происходит синхронно, одновременно. И человек может смотреть с этой точки зрения, ибо он существо надвременное. Получается, что он как бы погружён во время в нескольких, может быть, во многих местах.

5 июля 1997, 9 мая 1999 года

Я спросил у Микушевича, когда мы общаемся с Люцифером? – «Постоянно. Всё время. Всё, что мы видим, слышим – во всём этом он присутствует». Рядом стоял Олег Фомин. Он начал активно поддакивать и вклинил: «Поэтому надо видя не видеть и слыша не слышать, и ни на что не обращать внимания». А Микушевич продолжал: «И если бы не заступничество Божьей Матери, если бы не Её Покров, мы были бы поглощены им». Эти слова связаны с мыслью Микушевича из его «Проблесков»: «Если Царствие Божие внутри нас, то вне нас – царство дьявола» («тьма внешняя»). В этом трагедия нашей жизни на земле. И поэтому Микушевич говорит, что дьявол – наш старый знакомый, и мы в течение этой нашей жизни определяем своё отношение к нему, и от этого нашего определения зависит наша участь после смерти. Это перекликается и с тем, что простыми и глубиннейшими словами говорит отец Виктор. «Настанет час, и всё внешнее уйдёт, а душа пойдёт к Богу», т. е. вовнутрь. А сегодня, 9 мая, он сказал, что главное в нашей жизни – не стремиться к каким-то внешним вещам, а хранить в душе

веру православную. («Не жить внешним, но внутри себя находить жизнь, в терпении, смирении и неосуждении других. *Этому* учит нас наша вера, всё к этому сводится,» – примерно так говорил он ещё позднее.) Отец Виктор мало говорит о тёмных духовных силах, предпочитает не персонифицировать их. Недавно он сказал Алесеньке, что говорить надо о том, что любишь, о Господе, о святых, а не о том, о чём не надо говорить. («А то пристанет, привяжется, типа того,» – так пересказывала мне Алеся.) Я помню, что давно уже слышал или читал слова какого-то святого, что дьявол потому так нам страшен и потому кажется нам столь сильным, что мы слишком большое внимание обращаем на него (или в него). Наверное, о нём надо знать, надо учиться различать его козни, но это будет легко лишь тогда, когда будешь думать только о светлом, тёплом, чистом, высоком, родном – как о единственно реально существующем, а если не можешь об этом думать – кайся, смирайся и приводи себя в чувство многочисленными напоминаниями о реальности.

5 июля 1997 года (61-летие Микушевича у него на даче в Малаховке), 9 мая 1999, 12 июня 2000 года

Нужно быть очень осторожным в поисках откровения и помнить, что Бог откроет **Сам**, когда посчитает нужным, не надо Его пытаться вынудить это сделать.

9 мая 1999 года

(Алесе в больницу, где она лежала с маленькой Настенькой.) Все эти пелёнки, больницы, кормления, заботы и т. д. – всё это проявления первородного греха человека, который наваливается на него с самого момента рождения. (Представляешь, каково какому-нибудь небесному существу корчиться в собственных нечистотах и быть зависимым от соски?) И основную тяжесть этого греха, его последствий, берёшь на себя ты. Настоящее в том, что ты сейчас испытываешь, – это соприкосновение с предельной глубиной трагедии жизни человека на земле и его страшного унижения, с обнажённым первородным грехом, твои усилия, труды, которые в чём-то могут быть уподоблены Искуплению: ведь ты приобщаешь младенчика к высшей для него жизни, но в самом этом заземлении правды нет. Вся мощь, красота и правда сказки реальности остаётся в силе. Важно помнить масштабы, в которых мы существуем, и силиться восстановить их в памяти и в ощущении, когда тяжело и плохо.

8 июля 1997 года

Церковь православная – это расширение и углубление данности. Но это тоже данность, та же самая данность. До Церкви мы знаем данность ущербно. Учение Церкви, её богослужения и таинства дают жизни то, без чего человек не может принять её. И не принимает. Церковь, во всей своей целокупности (включая сюда и культуру), всё ставит на свои места и даёт возможность оценить все жизненные явления так, чтобы не нарушалась гармония человеческого существа, мир душевный. Становится возможным жить в гармонии с самим собой, не вступая ни в какие компромиссы, не ломая себя. И можно даже с чистым сердцем радоваться жизни, зная, что она – лишь преддверие и ступень, веря, что правда – только в хорошем и всё хорошее – правда, надеясь на помощь и милость Божию и любя всё то прекрасное и сказочное, что и есть сама реальность, к которой причастны все мы, будучи её посланцами в этом мире.

13 октября 1997 года, в канун Покрова Пресвятой Богородицы

Смиренномудрие – вот путь к истинному величию и к прорыву в реальность. Человек слишком много мнит о себе, поэтому он не видит себя на духовной лестнице, и ум его витает в абстракциях, красивых и возвышенных, а жизнь его при этом такая некрасивая... А ведь эта жизнь – это ступень той самой духовной лестницы, на которой он пытается себя обрести несколькими ступенями выше. Рановато... Как говорили: святой – это человек, у которого, в отличие от нас, знания находятся на одном уровне с жизнью.

2 января 1998 года

Божье присутствие – внутри нас. Мы даже не знаем, какой Он родной нам.

28 мая 1999 года

Господь даёт молитву члену Своей Церкви, молитва даёт силы жить только духом, только этим, не размениваясь больше ни на что. Через молитву человек умирает для мира и его соблазнов и живёт только тем, что даёт ему благодатный опыт Церкви, молитва к Богу. В Церкви человек уже на земле дома.

15 января 1998, конец мая 1999 года

Царствие Божие близко (рядышком – пометка от Юрика), а никто не знает об этом.

15 января 1998 года

...Кайся в жизни, что сердце мертвит.

13 февраля 1998 года

Господи! Даруй мне кончину добрую... (бодрую – ремарка Юрика).

15 февраля 1998 года. Сретение Господне. 40 дней со смерти Свиридова.

Младенчик, большей частью, всем недоволен, это основная характеристика младенчества, сохраняющаяся потом и у взрослого человека, на душевном уровне. И, надо думать, из невидимых миров мы видны как такие же капризные, нетерпеливые, всем недовольные существа, противно хнычущие, ничего не понимающие и не желающие понимать.

12 марта 1998 года

Покаяние есть отвержение отчаяния. (По Святым Отцам.)

Покаяние – это единственная альтернатива отчаянью. Покаяние – это ответ на жизнь в сторону Бога, отчаянье – ответ на жизнь, выдавленный из души дьяволом.

7 июня 1999 года. (Ремарка Юрика: «Покаяние – выдавливание из души дьявола».)

(Из Алесиного дневника.) Видела сегодня удивительный сон. Словно я в церкви нашей стою рядом с о. Виктором и всё хочу вопрос задать какой-то, но не могу подобрать слов нужных, а он ждёт, смотрит на меня. И тогда я стала молчать. И так хорошо от этого стало: стоять с ним рядом и молчать. Я чувствовала такую полноту, радость, что-то словно переливалось из его души в мою. Длилось это несколько минут. Наконец, сказала: «Как хорошо молчать с Вами, батюшка!» Он очень значительно и слегка с усмешкой произнёс: «Вот то-то и оно!»

6 апреля 1998 года

Каждый да погружается в блаженное покаяние. (Святитель Игнатий Брянчанинов.)

У нас ничего в жизни нет, кроме покаяния.

11 июня 1999 года

Отделение от Бога и той жизни, к которой мы от начала призваны Им, – суть причина и содержание всех наших бед, зол и болезней, всех страданий, всех воздыханий, всего того, что можно выразить и чего выразить нельзя.

11 июня 1999 года

Так хорошо всегда бывает на душе после церкви! Такой мир в душе, тепло, упование и надежда!... Как славно распускаются нынче листочки! Все деревья – в зелёной дымке. Только что прошёл светлый и прозрачный короткий и такой свежий майский дождь. Из окна тянет

майской дождевой свежестью. Рай где-то так близко... Я разбираю журналы старые. Алеся штопает мои штанишки. Настя спит. За окном – птичье щебетание. Господи, выведи нас к Тебе, в Твои обители прозрачности и свежести и миллионов оттенков света.

Всё нехорошее должно быть предано забвению. Преображение мира начинается с преобразования прошлого в памяти. Сначала бездна закрывается внутри нас, а потом распаивается иная бездна – бездна света. Если тьмы внутри нет, то ты её уже не будешь помнить, не сможешь вспомнить, будто её и не было. И вправду ведь не было. Таков смысл времени, или часть смысла. Время держится памятью. Нет памяти – нет времени, нет того, что не осталось в памяти. А известно, что всё плохое забывается.

Мы слишком многое думаем о своей жизни и забываем, что есть каждодневный сон – потеря себя и ясной данности – и забвенная неизвестность, в которую мы были погружены и из которой с таким скрипом едва-едва поднялись в своём младенчестве, детстве, отрочестве и юности, из которой мы продолжаем еле-еле подниматься и в которую всё опускаемся и окунаемся каждую ночь. И что же тогда смерть? Дай Бог, чтобы это было всё-таки пробуждение и осознание, возвращение и воспамятование. <...> Говорят, что умирающие не теряют сознания и памяти. А сколько было уже таких людей, всю жизнь размышлявших об этих вещах и уже познавших нечто на опыте... К ним неизбежно присоединюсь и я, и мы с Алесенькой. Если уже не начали присоединяться. В Церкви нет разрыва между живыми и отшедшими. Более того, только в связи с отшедшими возможна настоящая глубина жизни и на земле.

2 мая 1998 года

Люди изображают из себя кого-то великих. А на самом деле мы маленькие тёплые существа, детки... Таковыми только и войдём в Царствие Божие.

11 мая 1998 года

18 мая 1998 года настала новая эра в моей жизни. По приглашению своего товарища – бывшего одноклассника и коллеги по работе в «Комете» Миши Белоусова я пошёл работать рабочим (оператором лазерного комплекса, лазерного станка) в фирму «Модус +», которая производила мебель для школ и детских садов. Ещё за два года до этого, в тот самый день, когда я впервые был на могилке блаженной старицы Матроны (умершей, кажется, в 1952 году и канонизированной буквально на днях) и просил, чтобы меня соделали настоящим, а также и о работе (что уже тогда было весьма важно в моей жизни), в тот самый день, уже вечером, Миша предложил мне работу в этой фирме, тогда ещё экспедитором. И все уже были согласны, но я послушался своей родной жены, жалевшей меня и уверявшей, что вопрос моей работы стоит ещё не так остро. Потом был диплом и была «Комета» (ЦНИИ, в который я пошёл по распределению), где платили раз в три месяца по 400 рублей (это 1997—98 гг.). Миша проработал в «Комете» полгода, после чего ушёл в «Модус». Я проработал в «Комете» год. Это была не работа, а какая-то чёрная дыра. Работы почти совсем не было. Приходил туда в эдакую пустоту на 3—4 часа, которые полностью опустошали душу. Было очень уныло. Теперь наступала «весёлая пора» моей жизни. Сначала было ученичество на фирме «Галактика». Это было недалеко от дома, дорога занимала 40 минут (на автобусе и пешком). Работа там была в 2 смены: неделя – с 7 до 15, неделя – с 15 до 22. Уж что-что, а скучно там не было. Это был настоящий физический труд, на ногах, с напряжением внимания. Лето было жарким. С непривычки сильно уставал. (После утренней смены приходил, обедал и спал сидя, в кресле, чтобы во сне не мучила отрыжка.) Это было что-то очень настоящее: с потом, с дымом, с шумом, с тяжестью и с деньгами. Первые 3 месяца – по 1200 рублей (это ещё до кризиса), напоследок – до 2000. Продолжалось это 3,5 месяца и было серьёзным испытанием для меня. Но сейчас воспоминания светлые и благодатные. Всё было просто, и люди простые, и жизнь становилась серьёзной, настоящей. И то немногое, что мне удавалось тогда писать, приобретало уже совсем другой вес и цену... Много об этом не расскажешь, да и не выскажешь. Сильно напоминало

это мои военные сборы. То есть это единственное сопоставимое из прошлой жизни. Но там было всего 4 дня.

Никогда не забуду, как кончался рабочий день во 2-ю смену в 10 часов вечера: выходишь на улицу – а там тепло и свежо, и Солнце только зашло, а ты весь потный, допиваешь остатки холодной сладкой водички в бутылке, а на душе легко-легко, и чувствуешь себя так, как будто ты уже умер, жизнь твоя кончилась, и на тебе уже нет этой тяжелой плоти... Смотришь на небо и поёшь что-то своё, душевное-задушевное, и сердце заходится, а душа трепещет... А потом едешь в автобусе с запоздалыми пассажирами, и уже темнеет, и думаешь – кто это такие, эти люди, и зачем тебя с ними свёл Господь, и когда мы встретимся снова?... А дома уже ждут, и в окошке – родное лицо жены...

Я чувствую, как всё это прошлое тонет в свете. Плохое уже не вспоминается.
Но это было лишь начало, прелюдия. Меня ждало ещё **Лыткарино**.

13 июня 1999 года, 1.03.

(Алесе.) Будь умницей. Когда погрём, легче станет.

10 июня 1998 года (раннее утро)

(Алесе.) Помни, что в этих днях рождается вечность. Наша с тобой вечность.

утро 23 июня 1998 года

В жизни многое приходится терпеть, а мы бессмертны.

26 июня 1998 года

Когда в жизни наступает такая тяжёлая пора, мысли о смерти и бессмертии становятся особенно живыми и действенными.

28 июня 1998 года

(Алесе.) Дни текут. А мы проходим сквозь них.

Надо идти всё спокойнее и спокойнее, не смущаясь абсолютно ничем. В этой жизни главное не яркость, главное – уверенность и тишина, из внутренней тишины поднимается спокойная и мощная радость.

Что-то будет, ещё в этой жизни, а уж там – тем более.

Будь в моём духе. Будь осторожнее со всем видимым и очевидным, не увлекайся.

8 июля 1998 года (утро перед работой)

(Алесе.) Напрягай свою веру в течение дня. Помни, что жизнь есть борьба. Как только борьба прекращается, прекращается и жизнь. Где сейчас Достоевский со своей женой? А ведь тоже проходили через быт, труд, вереницу дней. Фокус жизни – смерть. Это надо всегда чувствовать.

9 июля 1998 года (раннее утро перед работой)

Усилие. Усилие. И ещё раз усилие.

Эта жизнь побеждается постоянным, непрестанным её преодолением.

10 июля 1998 года (утро перед работой)

Когда я батюшке на исповеди рассказал о своей работе, как давяще и опустошающе действует дым, шум, мат, пот, он сказал мне: «Молись там всё время про себя», и молитва там была особенная, сильная, лёгкая и быстрая. На работе молитва лучше всего идёт. Работа – школа молитвы.

июль 1999 года

Суэта отнимает у души всё тонкое и делает её тупой и нечуткой.

21 июля 1998 года

Мы живём в таких масштабах, в которых всякое зло и всякая тьма обречены. Будет освобождение. Дни прорвутся. Может быть, ещё здесь.

22 июля 1998 года

Время за нас. Терпение сплетает нам венцы ещё в этой жизни. Вся сущность жизни – в терпении и в том, что помогает терпеть: Церковь, культура, книги, любовь...

Нам надо жить как должно и трудиться потихонечку. Всё остальное – не наше дело. В конце концов, главное – на что ты больше обращаешь внимание, а не что больше лезет в твою душу. Данность ещё не есть правда.

3 августа 1998 года

(Алесе.) Нас связывает удивительная и сказочная правда, в которую мы ещё прозреем. **Мы** – это первый залог будущей гармонии и надо хранить его, как зеницу ока.

3 августа 1998 года

Уныние притупляет восприятие действительности. Чтобы различать жизнь, надо иметь внутри бодрость.

4 августа 1998 года

Скучаю по Богу. И чувствую, что всё как-то совсем иначе, совсем по-другому...

Спасение в терпении. Если сумеешь всё сегодня перетерпеть с лёгким сердцем и сохранять верность любви Божией, то будет этот день во спасение. И всё обращается во спасение, если ты предаёшь себя в руки Божии, а не думаешь о себе.

5 августа 1998 года

Как с гневом отвратились бы и мы от любимого нами существа, делающего вид, что общается с нами, но на самом деле навязывающего нам свои представления о нас, реагирующего на призраки, им же измышленные, не желающего внять нашему слову, так с гневом отвращается Бог от мечтательной молитвы, приводящей человека в состояние прелести.

по Игнатию Брянчанинову, август 1998 года

Осознанное несение креста поднимает над землёю, как поднят над землёю Распятый на кресте.

август 1998 года

Дар молитвы – признак стяжания Духа Божия, о котором говорил преподобный Серафим Саровский как о цели нашей жизни на земле. Прийти к Богу – вот цель земной жизни.

август 1998 года

Когда плохо, лучше быть тем существом, какое я сейчас. А когда будет хорошо, мы будем вместе.

15 августа 1998 года, 1.55.

Проблемы со сном не самые страшные проблемы. На пороге сна и бодрствования мысленное созерцание Божественно спокойного Лица Христова помогает понять, как же нужно переносить это промежуточное состояние, это мучительное разрывание.

17 августа 1998 года

Бороться с тяжёлыми мыслями, не пускать их в себя и не верить им. А для начала просто научиться ни о чём не думать.

Вера не зависит от настроения и молитва изменяет настроение.

август 1999 года

Не просто мне. Душа устаёт. Сознание загоняется в узкую щель. Но чувствую, что работа эта очень полезна для меня. Только хвататься надо за Бога, учиться молиться, по-настоящему, а то щель захлопнется и будет мрак. Чрезвычайно важен масштаб переживания жизни. Это свобода души. А душа свободна для Света Божьего. Всё встаёт на свои места, когда думаешь о смерти и посмертии, даже о старости.

2 сентября 1998 года

По радио передавали песню Анжелики Варум «Время пингвинов и бабочек». – «Когда вернётся то, что казалось безвозвратно потерянным», «Хоть немного Солнца над грешными льдинами», – слышится мне. Думается о смерти. Всё изменится с нею. И может быть страшно. Каким осторожным нужно быть сейчас! Смерть любого человека возвышает свидетелей её или даже просто услышавших о ней. Вместе с разлучением от тела, через которое так связаны мы с материальным, грубым и плотным, наступает освобождение от грубого и возвышение к абстрактному и тонкому, которое становится конкретным и ясным.

3 сентября 1998 года (утро перед работой)

С 6 сентября меня переводили в Лыткарино. Это небольшой городок (порядка 100 тыс. населения) в Московской области, недалеко от Люберец. Дорога туда занимала час сорок – час пятьдесят, оттуда – иногда дольше, потому что приходилось ждать электричку. Под конец я приноровился и ездил оттуда только на маршрутке до «Кузьминок», не ждал, когда нас, рабочих, повезут на «Газели» в Люберцы на электричку (а то это бывало и в 8, и в 9 вечера, и позже). На дорогу в месяц уходило около трёхсот рублей. Получал же я там первые три месяца 1500, в декабре – 2100 и последние 3 месяца – 2200 рублей. Всего я туда проездил 7 месяцев. Первое время работали все субботы, одна за другой. Первые месяцы возвращался домой в 10—11 вечера, иногда позже. А на следующее утро – в 7¹⁰ выход. Общение с Алексеем сводилось к минимуму. Помню, как в свой первый рабочий день я узнал от Миши, что уезжать с этой работы домой – даже не наука, а искусство. С великой грустью я наблюдал, как наступало 6 вечера, формальный конец рабочего дня, а никто в цеху не прерывал работы. 7 вечера, 8 вечера... Ни малейшего признака окончания рабочего дня. Я понял, что теперь буду жить здесь. В тот день мы ушли с работы в 9 вечера. И в последующие дни это было нормальным, обычным временем ухода с работы. Те недели сильно ослабили мою привязанность к моему дому. Только ближе к Новому Году я стал приезжать домой часам к 9 вечера и считал уже это великим благом. Последние же месяцы я всё-таки уходил с работы в 6 и к 8-ми был дома, иногда даже чуть раньше. Иногда я даже успевал вечером немного пописать. Но первое время писал я только по выходным. Там было сильно похоже на армию. Даже наш начальник, Алексей Геннадиевич (Савин, однофамилец директора «Кометы») был в прошлом старшиной, и армейская закалка была в нём очень сильна, что было хорошо видно по его сверхнапряжённой и насыщенной трудовой и деловой жизни. И его отношения с подчинёнными сильно напоминали армейские отношения старшины с рядовыми, вплоть до шуток и мер по воспитанию. Но здесь была ещё и работа, и выгода, и деньги. Мы делали всё: и вставляли стёкла в окна, и ставили «вытяжку» в мороз на улице, и красили высоченный потолок валиком и балки с трубой «вытяжки» – кистью со стремянки. И, конечно, обслуживали свои «лазерные комплексы». Иногда за весь день удавалось посидеть только в обед за едой и кое-где в дороге. Уставал, как собака. Понедельник – подвиг, вторник – великий подвиг, среда – я выматываюсь, четверг – прихожу полумёртвый, в голову лезут тяжёлые мысли, пятница – просветление, усталость, на всё наплевать (на что можно наплевать). Суббота (часто была и она) – продолжение пятницы, полувыходной, конец рабочего дня – в 4—6 вечера. Когда человек устаёт, ему бывает нужно посидеть или полежать. У меня такой возможности не было. Из дня в день, из недели

в неделю. Столпников вспоминал. Не унывал. Не верил даже самым унылым сценам, через которые приходилось проходить (особенно, помню, утром в раздевалке вместе с рабочими). Рабочих тех не забуду никогда. Наш народ... С матом, пьющий, простой, меткий в слове, дети без призора, без ласки, без смысла, без света... Спаси и помилуй их, Господи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.